

ИЛЬЯ ЕРМАКОВ

18+

ТАНЦЫ
В
ФОРМАЛИНЕ

Илья Сергеевич Ермаков

Танцы в формалине

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66671410

SelfPub; 2021

Аннотация

Группа студентов медицинского института отважилась пойти на то, о чем другие боятся даже думать. Кому в здравом уме придет идея отметить сдачу сессии в "анатомичке"? Это нарушение всех уставов и верное отчисление! Но они пошли на это. Жажда приключений оказалась превыше всех запретов. Какого это, провести всю ночь среди анатомических препаратов при свечах? Какого это, веселиться и общаться среди банок с формалином? Серафима могла отказаться от участия в этой безумной затее, но, вопреки своим моральным принципам, согласилась. Она сделала свой выбор, не подозревая, что этим самым обрекла всю компанию друзей на погибель, а танцы в формалине только начинаются...

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Разлитый кофе	10
Глава 2. Холодные сны	28
Глава 3. В холле	44
Глава 4. Двенадцать	58
Глава 5. Свечи зажигаются	78
Глава 6. Страшилки в метель	94
Глава 7. Шепот демона	115
Глава 8. Смех и грех	128
Глава 9. Красные стены	145
Глава 10. Не она, а другая	162
Глава 11. Кто эти люди?	174
Глава 12. Тетрадь Евы	189
Глава 13. Грехопадение	207
Глава 14. Найти виноватого	238
Глава 15. Расправа	249
Глава 16. Новая кровь	267
Глава 17. Во власти зла	279
Глава 18. Лабиринты формалина	293
Глава 19. Мертвецы	308
Глава 20. Одержимая бесами	322
Глава 21. Темные воды	335
Глава 22. Слабое звено	352

Глава 23. Порождение Греха	365
Глава 24. Мать и Дитя	379
Благодарственное слово	402

Илья Ермаков

Танцы в формалине

*«Её руки подготовлены не были к драке,
И она не желала победы, я теперь буду вместо
неё»*

Flëur – Формалин

Пролог

Формалин оставался позади.

Сбивая дыхание, она несется через узкие ряды стеклянных банок. Слабое тело ударяется то об одну сторону, то о другую. Стекло сыпется на пол, разбивается в осколки.

Формалин растекается под ногами.

Зажав нос, она бросается к окну.

Закрыто.

Бросив ругательство себе под нос, она хватается с полки ведра с формалином, выливает содержимое на пол, обмочив ноги, а потом бросает его в окно.

Раздается оглушительный звон.

Зажав уши и закрыв глаза, она замирает на месте, чтобы пережить это мгновение.

Они уже ищут ее...

Они идут за ней...

Она не может здесь больше оставаться.

Ведро не выбивает все стекло в окне – в нем остаются острые осколки. Ей придется быть аккуратной, чтобы выбраться.

В лицо дует ледяной ветер. Внутри комнаты без спроса врывается метель.

Она перелезает через разбитое окно наружу.

Один из осколков стекла откалывается и врежется ей пря-

мо в лодыжку.

Ощущая острую жгучую боль, она визжит и падает в снег.

Удар.

Хлопок.

Она выбралась...

– Черт!

Она лежит в снегу и смотрит, как из ее ноги торчит кровавый осколок. На белый снег стекает алая струя.

– Проклятье!

Но это ее уже не остановит.

Она хватается за осколок, зажмуривается и дергает его вверх.

Сдержав вопль боли, она быстро отбрасывает осколок прочь и пытается встать.

Ногу пронзает кинжальная боль.

Она снова падает в снег на колени.

– Только не так... прошу...

В глазах уже стоят слезы.

Она видит перед собой лишь метель... и тьму...

Приходится ползти.

Впиваясь голыми пальцами в снег, она ползет по земле, уходя прочь от проклятого места.

Формалин уже позади...

Она спасется...

Пусть они все гниют в этой тюрьме!

Пусть они все поубивают друг друга!

Пусть они все сдохнут!

Господи! Милостивый! Прошу! Убей их всех! Убей этих мразей!

– Пусть они сдохнут! Сдохнут! Сдохнут!

Она ползет дальше.

Прочь от этого кошмара и ужаса!

Прочь от них всех!

Она хочет жить...

Только бы выжить... только бы выжить...

– Спасите... кто-нибудь...

Ее пальцы снова погружаются в снег, и она ощущает под ними что-то плотное и непонятное.

Она опускает взгляд вниз и...

Страх зацепляет ей горло.

Голова.

Рыжие клочки волос в снегу.

– Что они с тобой сделали...

Убийцы...

Пусть они сдохнут!

Все до единого!

Из ее горла вырывается отчаянный стон, вмещающий в себя всю боль и все страдания, которые она испытала до этого.

Она почти не чувствует боли в ноге, но продолжает ползти, не в силах подняться на ноги.

– Только бы выбраться...

Только бы выжить...

– Выжить...

Впереди лишь метель.

И больше ничего.

Где все?

Где этот гребаный мир?

– Я не хочу... не хочу так... Господи... помилуй!

А потом перед ней появляется тот, кого она совсем не ожидает увидеть.

Она медленно поднимает взгляд.

И в голове все мысли сгорают...

– Это... ты?..

И голос ей отвечает:

– Да, милая. Это я. Хочу, чтобы ты... посмотрела... напоследок...

А потом... тьма разверзается перед ней.

И она видит огромную пасть, полную сотни красных клыков. Пасть раскрывается во весь человеческий рост.

И она уже знает, что ее ждет.

Смерть.

– Ты следующая.

И демоны забирают ее в Ад.

Глава 1. Разлитый кофе

– Что будешь?

– Давай латте.

– Латте? Хорошо. Я буду капучино.

– Я тебе переведу. Сколько там надо? Сто десять?

– Эй, не стоит! Я угощаю!

– Прекрати! Я всегда перевожу. Ты же знаешь.

– Ох, уж эти женщины двадцать первого века! И как за вами ухаживать?

– Так, чтобы мы этого не замечали.

Денис вскинул брови, услышав колкий ответ Серафимы. Выпустив вдох смирения, он повернулся к панели заказов и принялся искать кофе.

– Народу так немного...

Серафима осмотрела скромный зал «Макдональдса».

– Еще только одиннадцать часов. Среда. После двенадцати точно нахлынут. Ты хочешь здесь попить или на улице?

– Пойдем прогуляемся.

– Не холодно?

– А мы для чего еще кофе берем?

– Ай! Как скажешь!

Денис сделал еще несколько нажатий на сенсорной панели и приложил банковскую карточку к аппарату.

– Вот и чек!

Он выхватил выскользнувший чек и обратил свой взор к табло заказов, висящему над кассами.

– Какой у нас номер?

– Сорок четыре.

– Сейчас переведу тебе денежку.

Серафима достала телефон, чтобы перевести Денису оплату за латте через банковское приложение.

Серафима практически никогда не позволяла за себя платить. Она же не состояла с Денисом в отношениях. Он был для нее просто хорошим другом. Сама она точно не знала, что у них может получиться в дальнейшем, но на данном этапе... она сама может заплатить за свой кофе.

– Готово! Перевела.

Денис не высказал по этому поводу никакой радости.

Он лишь взглянул на окно. На улице пошел снег.

– Там начинается...

– О! Снежок! Прекрасно! Сейчас пойдем гулять.

Возможно, Серафима понимала, что Денис хочет остаться в теплом и уютном зале, чтобы сидеть напротив нее и рассматривать ее лицо. Но сегодня она не позволит этому случиться. Она устала находиться в четырех стенах. Зимней сессии ей хватило!

Пришло время выйти и подышать свежим воздухом.

– Наш заказ!

Денис забрал два стаканчика с кофе и передал латте Серафиме.

– Благодарю.

– Куда теперь?

– Давай на набережную?

Так они «по-местному» называли маленький парк, тянувшийся вдоль реки. Там были скамейки, деревянные длинные качели и, собственно, больше ничего интересного. Спокойное тихое место для прогулки.

Выйдя на улицу, Серафима поправила белый шарф. Снег ударил ей в лицо.

– Ох! Ну и ветер!

– Ты не передумала?

– Нет-нет! Пошли, пошли... погуляем.

Она повела его в самый мороз, надеясь, что ветер скоро утихнет.

Шли они медленно, чтобы была возможность распробовать вкус кофе.

– Сахар не нужен? – поинтересовался у нее Денис.

– Нет, спасибо. Я всегда без сахара.

– Как скажешь. Тогда... можешь подержать?

– Конечно!

Денис передал ей свой стаканчик с капучино, вскрыл пакетик с сахаром и добавил его в кофе.

– Спасибо.

К тому времени, как они преодолели путь от «Макдональдса» до набережной, Серафима уже успела согреться от горячего латте. Ее пальцы стали теплыми, а не такими ледя-

ными, как всегда.

– До сих пор не могу поверить в то, что это происходит, – заговорила снова Серафима, вернувшись в своих мыслях на несколько часов назад.

– Я тоже, – кивнул Денис, – как мы это смогли?

– На морально-волевых!

Денис не сдержал смешок.

– Это точно! Учитывая то, как нам преподавали гистологию... вернее, нам ее совсем не преподавали – мы смогли справиться с этим чертовым экзаменом! И препараты, и ситуационные задачи, и билеты... как мы сами это все подняли за время новогодних каникул?

– У меня так вообще режим был! Просыпалась в семь. И садилась в девять. А потом... вставала в двенадцать!

– И совсем не ела?

– Я чуть себя не угробила тотальной голодухой. Мне кусок хлеба в рот не лез во время этой сессии! Как же я замучилась тогда учить нервную систему! Я думала, что я скорее в окно выйду, чем выучу все эти нервы и через какие дырочки они идут!

Студенты-медики прекрасно друг друга понимали. Говоря о нервной системе, Серафима перескочила на тему «подготовка к экзамену по анатомии».

– На анатомию у нас практически не было времени, – поддержал ее Денис.

– Это точно! Сколько там мы готовились? Дней пять? Это

же ужас! Просто все подряд штудировала! Все свои записи, все лекции, все атласы... все видео! Просто все! Кости, мышцы – один день. Изучала суставы и повторяла мышцы – второй день. Вся спланхнология – третий день. Вся сердечно-сосудистая – четвертый день. Вся нервная – пятый день. Да еще эти картинки! Да еще и задачи! Боже... как я это все смогла?..

– И как же сейчас хорошо, скажи? Когда все сдал!

– О, да! Это просто что-то невероятное!

Серафима подошла к краю набережной и встала у железной ограды, за которой начинался спуск к воде.

– Второй курс нас круто потрепал. Я не думала, что мы справимся с этим. Честно. А наши ребята... те, что не сдали... мне их очень жалко.

– Им еще повезло, что пересдача весной. С летней сессией так не прокатит.

– Да, им придется пересдавать уже осенью. А за лето... никто готовиться не станет, что бы они там ни говорили.

Серафима сделала еще несколько глотков кофе, чувствуя, что становится холоднее.

Минувший экзамен, который они сдали несколько минут назад, не выходил у нее из головы. Все больше события недавнего прошлого становились похожи на страшный сон.

Сейчас Серафиме казалось, что все это происходит не с ней, а с кем-то другим.

– Когда я увидела свой билет... я думала, что это конец.

Чертов коленный сустав! Печень. Мозжечок... и ветви сонной артерии. Мне еще повезло, так ведь?

– Ага! Кому-то вообще анастомозы достались, промежность и пары черепных нервов.

– Ой!.. Точно не завидую! Я уже кроме тройничного и блуждающего ничего не помню! Кошмар! Как же это все быстро забывается! Я из гистологии-то теперь с трудом что-то вспоминаю...

– Ты просто устала. Это был большой стресс. И теперь так все кажется, потому что мозг не хочет об этом думать.

– Это точно. Мой мозг совершенно отказывается об этом думать!

– За успешную сессию?

– Да! За успешную сессию!

Они ударились стаканчиками и сделали по глотку кофе.

– Хочешь посидеть?

– Недолго, а то холодно.

На самом деле Серафима сама хотела присесть. Они пошли на качающуюся скамейку. Свободных качелей вечерами и не сыщешь. Всегда заняты. Сейчас же еще полудня не было. Все разбежались по своим делам.

А они... они наконец свободны!

– Что же дальше будет? – задалась вопросом Серафима.

– Пришло время следующего этапа.

Она с интересом взглянула на Дениса.

– Пора основательно разобраться с бэхой и физой [биохи-

мия и нормальная физиология]. То еще будет! Новое путешествие по орбите слез и страданий!

– Ой, и не напоминай! Вообще не представляю, как это сдавать! У меня еще не закрыт первый итог по физе! Божечки... надо будет сразу этим заняться, как начнется учеба, чтобы не накапливать этот снежный ком.

– Правильно. Чувствую, что с летней сессии студентики полетят из меда, как птенцы из гнезда. Так и не научившись летать...

– Думаешь?

Денис сделал сильный толчок ногами, заставив качели раскачиваться с большей силой.

– Да, обычно это главный «фильтр». Физику много, кто не сдает. И уходят. А потом еще фарма [фармакология] на третьем курсе будет. Тоже отчислят немало.

– Фильтры, значит...

– Да, это все теории заговора такие о том, что им надо бюджетников урезать.

– Только бюджетников?

– Денежки они потерять не захотят. Платников придержат, натянут как-нибудь.

– Тогда мне придется напрячься...

– Ты справишься, Серафима. Я даже не сомневаюсь в этом. Ты очень усердно и упорно занимаешься, все записываешь, учишь днями и ночами... не то, что некоторые! Имею в виду себя.

– Но ты ведь тоже сдал!

– Сдать-то я сдал... но так лень было все делать! Теперь вот не знаю, как справлюсь с бэхой и физой. Там же вникать во все надо. Просто взять и выучить... на этот раз такая тактика не работает. Нужно основательно все изучить.

– Никуда не денешься. Изучишь. Будем вместе учить.

Сейчас она сидела и держала стаканчик с латте в руках, чтобы еще раз отогреть руки. Ветер стих, и на набережной стало совсем бесшумно.

Денис сделал несколько крупных глотков. Кофе начал быстро остывать.

– Надо нам это отметить, что скажешь? – Серафима посмотрела на Дениса, наклонившись вперед.

Денис снова сделал толчок ногами о землю, чтобы раскачать качели.

– Это большое событие. Первая серьезная сессия в меде. Сдали анат и гисту! Мощно. Верно?

– Да...

Его взгляд заметно изменился.

Серафима заметила некую озадаченность в выражении лица Дениса. Ее слова явно заставили его о чем-то задуматься.

О чем-то... не таком простом...

– Что с тобой?

Денис даже ответил, сделав перед этим короткую паузу, чтобы собраться с духом.

– Видишь ли... об этом я хотел с тобой поговорить.

– О чем же? О том, как отметить сессию?

– Именно. Поступило одно интересное предложение. Я не стану настаивать, если ты не захочешь...

– Что за предложение?

Серафима не могла сдержать свое любопытство. Ей хотелось, чтобы Денис как можно скорее перестал скрывать и раскрыл ей все карты.

– Это предложил Андриан. Помнишь его?

– Да... из девятой группы. Вы с ним в школе учились?

– Именно. Он предложил собраться нам и еще кое-каким ребятам в... необычном месте, чтобы дружно отметить сдачу экзаменов.

– Собраться? Это хорошая идея. А кто еще пойдет?

– Ну... его девушка будет, Дайна. Думаю, что Мадлен и Ника пойдут, они не откажутся. Они тоже давно общаются с Андрианом и Дайной. Еще Андриан сказал, что позвал Еву. Такая... скромная девочка.

– Хм... не припомню.

– Увидишь.

– И кто еще?

– Ребята из хим-техы пойдут. Кое-кто из них тоже наши бывшие с Андрианом одноклассники. Например, Клим и Влас. Мы с Андрианом и Дайной с ними учились вместе в школе. И их друзья из хим-техы пойдут.

– Я никого не знаю из хим-техы. Не общаюсь...

– Они – классные ребята. Я тебя уверяю. Клим и Влас, хорошие парни. Думаю, они пригласят своих девушек с хим-теха. Возможно, они позовут кого-то еще.

Кого-то Еще?

Заметив недоумение на лице Серафимы, Денис поспешил добавить:

– Андриан что-то говорил про Эмиля...

– Эмиль?

– Да. Он – гей. Тоже из хим-теха.

Серафима выгнула бровь. К такому раскладу она явно не была готова.

– Но он – славный малый. Клим и Влас быстро нашли с ним общий язык.

– И это не странно? – усмехнулась Серафима.

– Мне так не кажется...

– Ладно... проехали...

На самом деле Серафима никогда не имела ничего общего с подобными персонажами, а потому совершенно не знала, как на это реагировать.

– Выходит, моих знакомых там будет немного...

– Я там буду! Ты же мне доверяешь? Пойдем вместе. Я тебя со всеми познакомлю. На самом деле они там тоже не все друг друга знают. Например, девушки Власа и Климса. Их мы с Андрианом в глаза-то не видели. Так что этот вечер будет для всех полон знакомств.

Серафима понимала, что ей нужно время, чтобы принять

такое решение. Приглашение звучало приятно, но... она была не уверена в себе: слишком много незнакомцев.

Но Денис... она его хорошо знает и верит ему.

Она не сомневалась, что он общается с хорошими людьми.

– Что скажешь? – прервал ее раздумья Денис.

– Пока не знаю... а где вы решили собраться? У кого-то в гостях?

– Не совсем... вообще, это идея просто безумна. Не знаю, как тебе аккуратно сказать об этом.

– Говори так, как оно есть. Прямо в лоб!

– Это идея Андриана на самом деле... я сам был в шоке, когда услышал его предложение, но потом он смог меня убедить, что нам ничего за это не будет, что он обо всем договорится и...

– Где будет вечеринка, Денис? Не томи! Говори же!

Она внимательно следила за каждой его реакцией и даже остановила ход качелей.

Денис сглотнул. Не отводя взгляда с ее лица, он произнес:

– В анатомичке.

Все случилось в одно мгновение.

Стаканчик с латте соскользнул с ослабевших объятий пальцев Серафимы и упал ей в ноги.

Крышечка отскочила, и все содержимое вытекло на холодную каменную плитку, покрытую слоем снега.

Брызги слегка испачкали сапожки, джинсы и край корал-

лового пальто Серафимы.

– Черт!

Серафима тут же вскочила с качелей и отбежала прочь от «места преступления».

– Ничего страшного! Ты не сильно испачкалась?

– Ну... как сказать...

Серафима осматривала свою одежду.

– Подержи-ка.

Она передала Денису свою сумку, а сама достала из крайнего кармашка упаковку влажных салфеток.

– Тебе помочь?

– Нет-нет! Просто держи сумку.

Серафима ловким движением вскрыла упаковку, достала пару салфеток и принялась в ускоренном темпе вытирать пальто, джинсы и сапожки.

– Надо же было так...

– Хочешь зайдем еще раз в «Мак»? Я тебе куплю новый латте.

– Ох, не стоит... я уже достаточно выпила.

– Хочешь мой капучино?

– Нет, Денис! Все в порядке. Пей. Это твой капучино.

Он так и стоял со стаканчиком в одной руке и сумкой Серафимы в другой. Серафима тем временем израсходовала четыре салфетки, но избавилась от всех пятен кофе на одежде. Конечно, следы на джинсах еще остались, но это было не слишком заметно.

– Нормально?

– Вроде, да. Все чисто.

– Спасибо. Давай сюда.

Она выкинула использованные салфетки в урну, стоявшую рядом с качелями, и забрала свою сумочку, накинув на плечо.

– Просто я... никак не ожидала такого ответа! В анатомичку? Ты серьезно?

Она сунула руки в карман и нашла варежки. Надев их, чтобы согреть руки, Серафима пустилась шагом по набережной. Денис поспешно последовал за ней.

Оглядевшись вокруг, она убедилась, что людей поблизости нет. О таком никто не должен услышать.

– Это же... неэтично... как минимум!

– Знаю-знаю, но... сама подумай! Это будет что-то вроде... символического прощания с анатомичкой! Мы же туда больше не вернемся.

– И слава богу!

– Серафима! Послушай же! Я знаю... да, когда Андриан мне предложил это, я и сам был в немалом шоке, но потом он меня переубедил!

– Переубедил? И как же?

Серафима терялась в своих мыслях.

Она совершенно не представляла, как ей следует реагировать на такую безумную авантюру!

Она отдавала себе отчет в главном: если кто-то узнает –

их отчислят.

Серафима наслышалась историй о том, как студентов медицинского ВУЗа отчисляли за фотографии с анатомическими препаратами, которые они выкладывали в социальные сети. Отчислили их без права восстановления! И лишения работы в области – на тот случай, если они отучатся в другом университете.

Всего одна фотография... и такие серьезные последствия!

А это!.. Это!..

– И еще вы хотите привести в анатомичку людей не из меда! Из чертового хим-теха! Вы там рехнулись, нет? Со всем уже шарики за ролики поехали? Жить надоело? Учиться больше не хотите?

– Да подожди же ты! Куда так погнала?

Она и сама поймала себя на том, что начала буквально убегать от Дениса скорым шагом.

– Постой!

Денис схватил ее за руку и заставил силой остановиться.

– Выслушай меня. Я все объясню.

– Слушаю. Постарайся только хорошенько. Прости, Денис... но меня эта идея совсем не радует! Тебя могут отчислить! Понимаешь? Прости, но мне плевать на твоего Андриана! И на всех его баб и баб ваших бывших одноклассников из хим-теха плевать! Мне не плевать на тебя, Денис! Я не хочу, чтобы тебя выгнали из института за такую глупость! Вы же там... напьетесь... кто знает, чем это все может за-

кончится?

Что-то подсказывало Серафиме, что они там не только выпивать собрались...

– Послушай, Серафима. Я понимаю... ох! Я понимаю, как сильно ты сейчас озадачена подобной новостью. И я сам был не в восторге от такого предложения! Смотри... завтра будет последний день экзаменов. И анатомичка закроется на все каникулы. Ее придет проверять только сторож. Андриан уже с ним договорился.

– Уже? Договорился? Со сторожем?

– Именно. Сторож согласился пустить нас вечером и оставить там до утра за... небольшое вознаграждение.

– Бухло?

– А ты все схватываешь на лету!

Но его бодрый тон несколько не развеселил Серафиму. А только взбесил еще сильнее!

Она поверить не могла в то, что ее друг согласился стать участником такой опасной авантюры!

Это же безумие!

Абсолютное!

Неэтичное, аморальное! Полное нарушение всех правил института! Да что там – даже личных установок!

Распивать алкогольные напитки и отмечать сдачу сессии среди анатомических препаратов... среди формалина, костей, внутренних органов и мумий...

– Денис!

– Серафима... Послушай!

Она демонстративно отвернулась от него и посмотрела на реку.

Он поставил свой стаканчик с капучино на землю и положил обе ладони на ее плечи.

Она почувствовала на себе горячее прикосновение. У него очень теплые руки.

– Знаю, это все звучит крайне... абсурдно! И да, это очень опасная затея, но... все «на мази»! Понимаешь?

– Нет, Денис, не «на мази»...

– Серафима, я знаком с Андрианом с младшей школы. Мы выросли вместе. Я ему полностью доверяю. Он и сам понимает весь риск затеи, но идет на него...

– Ради чего?

– Веселья...

– Веселья? Угу... зашибись!

– Серафима! Он договорился со сторожем. Андриан обещал ему много коньяка и виски в качестве... взятки. Хотя сам он называет это «подношением».

– «Подношением»?

Вот на этой ноте Серафиме стало даже весело и почти смешно. Но это было какое-то истерическое веселье. Что-то нервное.

– Сторож уйдет вечером и вернется в шесть часов утра. Нас там быть уже не должно. Сторож ставит ряд условий. Одно из них – все останется на своих местах. В анатомичке

должен быть полный порядок, когда он вернется. И никаких фотографий и видео в социальных сетях. Только если... для личного архива. А лучше вообще не фотографировать. Никаких бутылок и прочего мусора. Если мы что-то нарушим – он сообщит в деканат о взломе.

– То есть... сдаст всех нас?

– Да, мы у него поименно будем записаны...

Она взглянула ему прямо в глаза и широко улыбнулась.

– Отлично! Блеск! Я согласна!

– Правда?

– Нет, Денис. Нет! Это безумие! Безумное... безумие!

– Серафима...

– Что?! Денис! Боже... это так... глупо! Господи, как же это все глупо! Я совсем не ожидала от тебя такого! Честно! Вот от кого-кого, но не от тебя! И что еще ты от меня скрываешь? Темная моя лошадка! Чертов тихушник! О, боги! Ты хочешь вот так взять и вылететь из меда из-за своего школьного приятеля?

– Я же сказал, что он не просто приятель! Андриан – надежный человек. Я сразу предупредил тебя: ты можешь не соглашаться.

– А теперь я уже не могу не согласиться!

Денис выгнул бровь в недоумении, и Серафима поспешила развеять его сомнения:

– Потому что ты идешь! Да, Денис! Теперь и я пойду, чтобы следить за тобой и всеми вами! Если уж отчисляться, то...

Она не сказала «вместе».

– Серафима, правда, если не хочешь, я не настаиваю.

– А ты еще и манипулятор! Ух!

Она обреченно выдохнула.

– Ладно... кажется, я остыла. Если все пройдет тихо, то никто ничего не узнает, верно?

– Именно так мы и планируем!

– Что вы хотите нести с собой?

– Нам пригодится вкусная еда и побольше. За выпивку не переживай. Ее будет навалу.

Она и не сомневалась в этом.

– Я принесу теплые вещи. Будет холодно. Анатомичка не отапливается. Так что одевайся как можно теплее.

– Хорошо, я подумаю, что взять. Есть какая-нибудь беседа?

– Да-да, Андриан вчера создал. Я тебя туда добавлю и сообщу всем, что ты пойдешь со мной. С нами.

– Давай.

Серафима ощутила колкую боль в висках. Она совершенно не представляла себе, во что ввязывается и чем это все может закончиться.

Денис тем временем принялся копаться в телефоне, чтобы добавить ее в «беседу» к остальной компании.

Вскоре Серафима получила уведомление: «Денис пригласил Вас в беседу «Ночная туса в анатомичке».

Прочитав это, Серафима поняла: назад дороги уже нет.

Глава 2. Холодные сны

– Уже совсем скоро.

Серафима стояла в нескольких десятках метров от двухэтажного здания кафедры анатомии – историческое бетонное сооружение с колоннами у больших массивных деревянных ворот. Потрескавшиеся ветхие колонны шли стройным рядом вдоль торцовой стены. Треугольная крыша утопала в голых заснеженных ветвях деревьев. Этому зданию давно требовалась реконструкция, но до дела никогда не доходило. Анатомичка окружена бетонной высокой стеной. Единственным входом на территорию служили зеленые металлические ворота для проезда машин. Территория совсем небольшая и почти пустая. Кроме мусорных контейнеров и строительных материалов, сложенных в кучу на заднем дворе, куда студенты никогда не заходили, там ничего не было. Кроме основных двух этажей, анатомичка располагала цокольным этажом, где также располагались учебные комнаты и помещения, предназначенные для хранения всех анатомических препаратов.

Серафима смотрела на студентов, покидающих территорию анатомички с разным настроением: кто-то радовался хорошей оценке за экзамен – таких видно сразу, кто-то несильно доволен, а кому-то предстоит весенняя переэкзаменовка.

– Уже завтра... вечером...

Серафима не могла поверить в то, что случится через несколько часов. Завтра пройдет последний день экзамена, последний день зимней сессии, и анатомичку закроют. Останется лишь сторож... и вечером завтрашнего дня... они придут сюда.

Чтобы отметить свой праздник... свою закрытую сессию...

– Что я вообще делаю?

Серафима сунула руки в карманы пальто. Варезки уже совсем не грели ее. Она вовремя сообразила, что пришло время двигаться к дому, чтобы согреться. Ей еще предстоит собраться с мыслями и приготовиться к завтрашней головокружительной вечеринке в анатомичке.

– Плохая идея, Денис. Очень... плохая.

Телефон в сумке завибрировал: пришло сообщение в беседу «Ночная туса в анатомичке». Писал Эмиль: «Завтра все в силе?». Андриан ответил: «Конечно! Собираемся в девять часов. Не опаздывать!».

Серафима открыла список участников беседы и пробежалась взглядом по именам: «Андриан, Дайна, Денис, Ева, Эмиль, Клим, Белла, Мадлен, Ника, Влас, Леся». И она – Серафима.

И кто все эти люди?

– Хоть не чертова дюжина...

Улыбнувшись своим мыслям, Серафима осознала, что окончательно замерзла.

Пора домой.

Завтра ее ждет большой день.

* * *

Она ползла по снегу.

– Помогите...

За ней что-то гонится.

Она ускоряется.

– Помогите... прошу!

Ее руки проваливаются под снег, но она продолжает ползти, не в силах подняться на ноги.

– Спасите... умоляю...

Погоня.

Она должна успеть...

Ее могут догнать...

– Нет! Не надо... прошу!

Она задыхается.

Дыхание сбивается.

Она уже карабкается по холодным каменным ступенькам.

Впереди – массивные деревянные ворота.

– Спасите... кто-нибудь! На помощь!

Ворота открываются, и перед ней появляется Денис.

– Давай руку!

Она без промедления протягивает ему руку, а дальше следует резкий толчок. Ее тело переваливается через порог здания, и она оказывается за пределами царства метели.

Опасность миновала.

– Спасибо... тебе большое... ты спас меня!

Денис тепло улыбнулся ей.

– Тебе нужно согреться. Пей.

Он протянул ей стаканчик с горячим напитком.

– Это латте?

– Да, верно... как ты любишь.

Взяв стаканчик в руки, она не сделала глоток – нет. Она открыла крышку стаканчика, подняла его над собой и опрокинула вверх дном прямо над головой.

По всему телу прошла жаркая волна.

– О, да... так намного лучше! Благодарю...

– Ты такая красивая...

Денис коснулся пальцами ее лица и заправил мокрые горячие локоны волос за ухо.

Она чувствовала только запах кофе.

Она шла с ним куда-то в потемки, утопая среди костей, лежащих на полках.

– И куда мы идем?

– Сейчас узнаешь.

Он закрыл ее лицо ладонями, и она совсем ничего не видела. Она лишь шагала во мраке в абсолютную неизвестность.

– Это сюрприз, – говорил ей голос Дениса.

Она ощущала его дыхание на своей шее.

– Только не экзамен, прошу... только не экзамен... только не экзамен...

– Мы пришли!

Она наконец остановилось, и Денис опустил свои руки с ее лица.

Она смотрела на себя в зеркало и... в горле застрял комок.

Ее лицо... оно стало каким-то округлым, ненормальным... ее карие глаза увеличились в размере, а зрачки стали совсем крохотными. Над зеркалом мерцала холодная бледно-зеленая лампочка. Она смотрела на свои два больших глаза, радужка и зрачки растекались по белкам в разные стороны. Ее глаза буквально косили!

– О, нет... что это со мной?

Она начала бить себя по лицу.

Денис наклонился к ее уху и прошептал:

– Ты приняла...

– Что?!

Внутри затаился страх.

– Приняла?

– Ты приняла дурь...

– Нет...

– Вылила ее на себя... и вот смотри, что из этого вышло!

– Нет-нет!

– ...что ты с собой сотворила...

Раздался оглушительный хохот Дениса – зеркало перед ней резко треснуло.

Она отчаянно колотила себя кулаками по лицу в надежде вернуть глаза и все остальное в прежнее состояние. И каж-

дый раз, когда она наносила удар по своему черепу, ее глаза, словно жидкие крупные капли, расплывались в разные стороны. Она никак не могла заставить смотреть себя прямо перед собой!

Словно рыба в воде...

Под дурью...

– Это все ты...

Денис злорадно смеялся у нее за спиной.

На зеркале появлялись новые трещины.

Она закричала.

Она хотела убежать прочь, но ноги ее не слушались.

Она отчаянно боролась сама с собой за свое лицо.

И повторяла:

– Я больше не буду... больше не буду...

Она плакала.

– Я больше не буду принимать дурь... верните... верните все на место! Не хочу... не буду... не надо... прошу!

А потом... хлопок!

Она оглянулась – широкие ворота открылись – внутрь залетала снежная пурга.

Денис исчез, и его смех растворился так же быстро, как и возник.

Она вскрикнула и снова взглянула на зеркало...

На стекле появились кровавые буквы, сложившиеся в слова: «Ты умрешь первая».

* * *

Серафима проснулась в холодном поту посреди ночи.

Отбросив одеяло на пол, она вскочила и побежала в ванную комнату. Включила свет и посмотрела на себя...

– О, боже...

Увидев свое лицо, она тяжело выдохнула.

Серафима присела на край ванны, убедившись, что ее глаза не искажены принятой во сне дурью.

– Срань Господня...

Она почувствовала легкое першение в горле.

– Приснится же такое... еще и чутка простыла на холоде...

Она пустила холодную воду и умыла лицо.

– Черт! Какой кошмар!

Умывшись, она вытерла лицо полотенцем, вернулась в свою комнату и взяла телефон.

Время: три часа двадцать минут.

– Проклятье!

Решив, что не будет спать до самого утра, Серафима легла в кровать, зажгла ночник и стала читать переписку в беседе, посвященной вечеринке в анатомичке.

«Всех с успешной сдачей сессии!»

«Завтра повеселимся!»

«Ура! Приносите побольше бухла! Надо отжигать, как последний раз в жизни!»

«Девочкам много не наливать, у них и так низкий градус ответственности»

«Кто бы говорил! За собой лучше последи!»

«Эй! А еще геи будут или я один?»

«Возможно, кто-то согласится составить тебе компанию»

«Очень на это рассчитываю»

Серафима даже не обращала внимание на авторов сообщений. Она бегло бросала взгляд на бесконечные короткие фразы.

«А вы чего не спите? Нам завтра всю ночь не спать!»

«Ты права. Пора всем на боковую! До завтра!»

«Жду, когда смогу со всеми вами познакомиться. Чувствую: вы – классные ребята»

«О, да! Ты даже не представляешь, насколько классные! Настолько классные, что ты даже можешь пожалеть о своем желании познакомиться с нами!»

«Уверена, что не пожалею!»

«Я принесу теплые пледы, чтобы никто не замерз»

«Вот молодец! Вот это я понимаю – забота»

«А кто еду принесет?»

«Неа... я отвечаю на напитки!»

Серафима устала от всей этой бессмыслицы, выключила телефон и устала в потолок.

– Денис... во что ты меня ввязал?

* * *

Она думала, что не сможет уснуть, но... все же уснула в десять часов утра и проспала до часа дня.

На этот раз ей ничего не снилось.

Проснувшись и взглянув на телефон, она увидела два пропущенных звонка от мамы.

– Черт! И когда я успела отключить звук?

Набрав номер мамы, Серафима опустила затылок на подушку и принялась слушать гудки.

– Мам, привет!

– Привет! Ты чего там не отвечаешь совсем?

– Прости. Стоял на беззвучном.

– Как ты после экзаменов?

– Нормально... спала, как младенец!

– Ой, я тебя поздравляю! Наконец-то ты выспалась! Какие на сегодня планы?

Серафима взглянула на часы.

Через восемь часов состоится встреча в анатомичке...

– Сегодня встречаюсь с одногруппниками.

– Правда? Что-то задумали?

– Да, у нас будет небольшая вечеринка.

– Ух, ты! И куда пойдете?

«В анатомичку на всю ночь. Будем бухать, курить и принимать дурь. А потом какой-то идиот выложит фотки с препаратами, и меня отчислят вместе с ними за компанию.»

– К Денису. Он пригласил к себе.

– Ого! А там места много?

– Поместимся. Не переживай.

«О, да, места будет предостаточно! Вся анатомичка в нашем распоряжении!»

– Сколько вас будет человек?

«Я, Денис и десять незнакомцев. Они даже могут все оказаться маньяками, и завтра меня не станет.»

– Человека четыре.

– И девочки будут?

– Разумеется.

– Ладно, не буду тебя сегодня отвлекать. Развлекайся, милая! Люблю тебя.

– Да, мам. И я тебя.

– Целую!

– Да, давай... пока-пока!

Вызов завершен.

Серафима тяжело выдохнула и выронила телефон из рук.

– И почему я вообще согласилась на эту авантюру?

* * *

Чтобы не идти с пустыми руками, Серафима приготовила целый контейнер жареных сосисок и картошки. Наверняка кто-то проголодается. Особенно, когда много выпьет. Также она взяла два термоса: один с чаем, а другой с кофе. Кроме того, она прихватила с собой всяких фруктов: яблок, груш и бананов. А почему бы и нет?

Все это Серафима сложила в свой рюкзак. За одно она решила прихватить теплый плед, чтобы укрыться им, если станет совсем холодно.

И на чем они вообще задумали сидеть?

За столами, на которые выкладывали подносы с препара-

тами в формалине?

Серафима взяла с собой все теплые вещи. Это было в приоритете. Немного денег на такси, если она задумает преждевременно покинуть сомнительное мероприятие. Подобное в таких ситуациях лишним не будет.

– Там же будет Денис. Я его уже полтора года знаю. Боже! Пфф! И чего я так волнуюсь?

Все из-за глупого сна.

Он весь день не выходил у нее из головы.

Эти расплывающиеся глаза... просто ужас!

А та надпись...

Кошмар!

В какой-то момент Серафима поймала себя на мысли, что уже ждет того момента, когда все это закончится.

Время: восемь. Пора выходить, если она не хочет опоздать. Она уже договорилась с Денисом встретиться за двадцать минут до начала у анатомички. А потом туда подойдут остальные.

– Ох, Денис... не подведи меня.

Она завязала свои каштановые волосы в простой хвостик. Надела свое коралловое пальто, а под него – светло-коричневую теплую кофту с высоким воротником. Джинсы, максимально теплые толстые носки и сапожки, которые она с большим трудом застегнула. Последним элементом послужили розовая шапочка и белый шарф.

– Ах, да! Варезки!

Сунув варежки в карман, она проверила наличие телефона, кошелька и ключей. Все на месте. Рюкзак при ней.

Окинув прихожую взглядом, она поймала себя на мысли, что совсем не хочет выходить из дома.

Да, она провозилась пол дня за приготовлениями к этому мероприятию, и теперь готова бросить все прямо у двери!

Телефон завибрировал. Сообщение от Дениса: «Я уже вышел. Встречаемся у анатомички через тридцать минут».

– Черт... пора!

Стараясь выкинуть из головы ночной кошмар, Серафима постаралась настроиться на позитив и отправилась на встречу новым знакомствам и авантурным приключениям.

* * *

Они встретились у общежития. Буквально через двести метров от него виднелось здание кафедры анатомии медицинского института, располагающееся особняком от главного корпуса.

– Ты готова?

Денис обнял ее при встрече.

– Да, кажется. Немного волнуюсь.

Взаимные объятия лишними не бывают.

– Это нормально. Но не переживай – я всегда буду рядом. Все будет здорово – вот увидишь. Тебе понравится.

Может ли она доверять этим светлым зеленым глазам?

Как и вчера, Денис надел темно-синюю зимнюю куртку и теплую шапку, скрывающую его русые волосы. На спине –

большой рюкзак.

– Что ты взял с собой?

– Побольше теплый вещей. На всех.

– Ого!

– А ты?

– Да так... сосисок, картошки, фруктов. Чай, кофе в термосе.

– Seriously?

– А что?

Серафима почувствовала какую-то неловкость.

– Нет-нет! Это замечательно! Просто... скорее всего ты будешь единственной, кто позаботился о нашем питании.

– Потому что все несут алкоголь?

– Вроде того. Но я тоже взял кипяток в термосе и чай. Это нам сегодня пригодится. Ночь обещает быть холодной.

– Будет метель?

– Ты тоже слышала?

– Ага... даже думала не идти...

– Шутишь?

– Нет, просто... сон был дурацкий.

– Расскажи.

«Он это серьезно?!»

– Ох, даже не хочу вспоминать этот кошмар!

– Настолько паршивый?

– Максимально.

– Ты меня заинтриговала. О чем он?

Ну, вот! Все ее отчаянные попытки забыть этот сон коту под хвост! Вернее... под любопытство Дениса.

«Эх, Денис-Денис... черт с тобой!»

– Ну... сначала я ползла по снегу, прямо к анатомичке. Ты меня встретил на пороге. Дал кофе, чтобы я согрелась. А я... вместо того, чтобы выпить его, облила им себя с ног до головы.

Денис не сдержал смех.

– О, да! А потом ты отвел меня к зеркалу и начал смеяться так же громко, как сейчас!

– Правда?

– Еще бы! Как оказалось... кофеек был с наркотиками, и я вошла в страшный трип.

– Что-что?

– У меня глаза растекались в разные стороны! И зрачки такие маленькие-маленькие стали! Я ничего не могла с этим поделать! Я колотила себя по голове, чтобы вернуть зрение в норму, но...

– Чем все закончилось?

«Ты умрешь первая».

– Не помню... проснулась и все.

– Вот же черт... действительно, звучало это очень... крипово!

– А я о чем?! Теперь доволен? Разрешешь мне больше не говорить про сон?

– Прости, что заставил вспомнить.

– Вечно вы, мужчины, извиняться начинаете, когда вас носом ткнешь в...

Но Серафима сдержалась и не ударила Дениса кулаком в плечо, как планировала. Вернее, она хотела это сделать в порыве чувств и эмоций. Денис все-таки заставил ее вернуться в ночной кошмар, мысли о котором она избегала весь день.

– За такое не прощают.

Только сказала она, и дальше они прошли к анатомичке почти молча, ведь идти было совсем недолго.

Они остановились на том самом месте, где Серафима только вчера наблюдала за студентами, покидающими экзамен.

Тьма уже опустилась.

Близился девятый час вечера.

– Темно уже...

– О, да... будет жутковато, – подметил Денис.

– На это ведь и был расчет, верно?

– Что-то в этом роде...

Конечно!

Запереться в анатомичке с трупными препаратами ночью в холодную метель! Что может быть лучше для детектива в стиле Агаты Кристи?

Серафима все еще металась в сомнениях: стоило ли вообще приходить сюда? Не пожалеет ли она о своем решении? Еще и маме пришлось наврать!

И как она дошла до жизни такой?

От кого-кого, но от Дениса она такого не ожидала! Вот уж не думала, что именно он втянет ее в эту авантюру!

Крайне безумную авантюру.

– Что дальше?

Денис проверил телефон.

– Давай немного подождем.

Ждать пришлось недолго. Совсем скоро она заметила, как к ним кто-то приближался медленной походкой под светом фонарей. Маленькая фигурка медленно шла, опустив голову в ноги.

– Кто там?

– Пока не вижу...

Денис присмотрелся внимательнее.

– Это кто-то из наших?

Незнакомец приблизился еще сильнее. Да, этот человек идет к ним. Непременно.

– Да, это наши, – разглядел Денис.

И вот Серафима разглядела девочку среднего роста, которая несла скромный тортик в коробке на веревочках.

«Тортик? Серьезно?!»

– Кто это? – спросила Серафима, не сдержав любопытства.

– Ева. Она тебе понравится.

Глава 3. В холле

Круглое лицо обрамляло каре смольных черных волос, усыпанных снегом. Ева дышала Серафиме в грудь. Девочка смотрела на двоих друзей маленькими бегающими серыми глазками, скрывающимися за толстыми линзами больших очков в черной оправе. Это были очки из серии «Вуди Аллен». Серафима сразу отметила эти красные пухлые маленькие губки и розовые щечки. Одетая в длинную красную куртку по колена, Ева наводила неприличную ассоциацию в голове у Серафимы: «Ходячий использованный тампон». Серафима терпеть не могла подобные женские куртки. Ей они казались максимально нелепыми. Ноги Ева грела в толстой зимней обуви с несколькими слоями меха.

Синий рюкзачок на спине и тортик в руке.

Такой Ева предстала перед Денисом и Серафимой.

– Добрый вечер...

«Я диспетчер!» – закончила в мыслях Серафима.

Тонкий голос Евы, напоминающий писк Дюймовочки, создавал совершенно неловкую сцену знакомства.

– Ева! Рад видеть тебя!

Денис свободными движениями приобнял Еву. От легкого толчка его руки в спину, все снежинки скатились с ее волос на плечики красной куртки.

– Еще никто не пришел? Я, как всегда, слишком рано...

– Мы первые. Сейчасждемся Андриана с Дайной и пойдем в анатомичку, а то я уже совсем замерз, как собака!

Денис поежился и начал переминаясь с ноги на ногу.

– Серафима.

Она протянула руку вперед для пожатия.

– Рада познакомиться, Ева, – добавила Серафима.

Ева оторопела. Она медленно опустила взгляд на ладонь Серафимы и стала ее рассматривать.

Пауза затянулась.

«И чего она тормозит? Как она вообще в медицинском учится?!» – подумала Серафима.

Денис и Серафима обменялись неловкими взглядами.

– Ой... что это я?!

Ева, словно очнувшись ото сна, пожала руку Серафимы в ответ.

– Не привыкла знакомиться с девушками друзей...

– А мы... как бы... – промямлил Денис.

– Я не его девушка, – отчеканила Серафима, – мы с Денисом просто друзья.

– Ах... друзья, значит...

Ева убрала руку в карман куртки.

– Вы неплохо смотрите вместе. Я думаю, у вас были бы красивые дети.

«Чего это она несет вообще? Странная до жути!» – выскочила новая мысль.

– Ой... простите. Это я лишнее сказала.

«Это уж точно!» – продолжала Серафима внутренний диалог, но вслух высказала другое:

– Все в порядке, я тоже порой себя странно веду перед незнакомцами. Думаю, мы сегодня хорошо проведем время. Верно, Денис?

– О, да! Безусловно! Это будет просто невероятно! Все по высшему разряду!

«Да, конечно... грызть жареные сосиски и посасывать ви- нишко в компании изрезанных трупов».

– Как у тебя экзамены прошли, Ева? – поинтересовалась Серафима, проявив навыки светской беседы.

Она не обязана делать этих людей близкими друзьями. Простая вежливость, не более.

– Оу... анатомия у меня на девяносто баллов. А гистология на восемьдесят восемь.

– Вау! Выходит, ты – отличница?

«Конечно, такому очкастому тампону только и быть отличником. Кем же еще?!».

– Пока что да...

– Что тебе досталось по анату?

– Извилины и борозды головного мозга, анатомическая и функциональная классификация сосудов, диафрагма и ее отверстия.

– Неслабо. Поздравляю с отличием! Это, правда, дорогого стоит!

– Спасибо.

Серафима не горела желанием рассказывать про свой билет на экзамене. Впрочем, об этом ее никто не спросил. Оно и к лучшему.

Неловкое молчание прервало появление инициатора вечеринки, шедшего к ним в компании своей пассии.

– О! Андриан! Дайна! Мы здесь!

Денис энергично помахал им рукой.

Андриан подал ответный жест.

Серафима в первую очередь обратила именно на спутницу Андриана, Дайну. Уж слишком сильно ее белый наряд бросался в глаза среди ночи. Она вся вырядилась в белый, словно ангел, спустившийся с Небес. Белая куртка по пояс с шарфом на шее, светлые джинсы, белые сапожки с каблучком, длинные прямые белоснежные волосы, длинные сережки из белого золота до плеч. На запястьях навешаны серебряные браслеты, на пальцах – кольца. Дайна держала в руках новую модель «iPhone», а ее уши затыкали беспроводные наушники. До жути худые ноги! Когда она приблизилась, Серафима заметила блеск ее голубых глаз, подчеркнутый слишком ярким, на ее субъективный взгляд, макияжем.

Убрав телефон в карман куртки, Дайна притянула ко рту электронную сигарету, затянулась и выпустила изо рта крупное облако синего дыма.

В отличии от своего спутника, Дайна держалась в стороне. Андриан же радостной бодрой походкой спешил поприветствовать своего школьного товарища.

Что из себя представлял Андриан? Во-первых, он был выше Дениса на пол головы. Это делало отдельные части его тела очень крупными. Такие как, сильные руки и большие ладони с длинными пальцами. Во-вторых, Серафима заметила легкую россыпь прыщей на нелепо выбритом лице. Это сразу бросалось в глаза, как и его темные усики над верхней губой. Брился он не слишком старательно. Волосы покрашены в блонд с золотистым отливом. Виски остались черными. Андриан носил яркую красную куртку, черные джинсы и белые зимние кроссовки.

– Здорова, Дениска!

Двое друзей хлопнули в ладони и обнялись, постучав друг друга по спине.

– Рад тебя видеть!

Дальше Андриан перевел взгляд на Серафиму и Еву.

– Серафима?

– Да.

– Приятно познакомиться! Андриан.

– Денис мне про тебя часто рассказывал.

– Не сомневаюсь. Ева! И тебе добрейший вечер! Дайна, чего стоишь там? Давай к нам!

Та нехотя прекратила дымить и подошла к ним, натянуто улыбнувшись.

– Всем привет, – сухо произнесла она.

Дайна снова продолжила пускать дым.

– Придется убрать это на время, – сообщил ей Андриан, –

сейчас нам нужно выполнить часть своей договоренности со сторожем.

Андриан продемонстрировал всем свой увесистый рюкзак на спине.

– Остальные не писали? Не звонили?

– Пока только мы пришли, – ответил Денис, – думаю, они скоро подтянутся.

– Не будем терять время. Я уже себе все яйца отморозил. Пойдем внутрь и разберемся со сторожем. Надо его уважить и проводить подобру-поздорову.

Направившись в сторону кафедры нормальной анатомии, Андриан повел всех за собой. Дайна следовала за своим молодым человеком в шаге от него.

Серафиме самой уже надоело торчать на холоде. Она понимала, что в анатомичке не будет так тепло, как дома в постели под одеялом, но все же это лучший вариант в сложившейся ситуации.

Наступил тот момент, о котором Серафима думала весь минувший день. В последний раз она входила в эти ворота, чтобы сдать экзамен. И вот теперь она снова здесь... чтобы провести в анатомичке всю грядущую ночь.

К такому жизнь ее точно не готовила, но она уверена, что со всем справится.

Когда они прошли через зеленые ворота на территорию анатомички, Серафима почувствовала морозный ветер. Сейчас здесь пусто и даже мрачно.

Поднявшись по ступенькам между двух колонн, Андриан смело налег на массивные ворота.

– Вперед, товарищи!

Войдя в холл, они стряхнули с одежды снег и плотно прикрыли за собой ворота, чтобы не пропускать морозный ветер через сквозняк.

Оказавшись внутри, Серафиму радовала одна мысль: здесь гораздо теплее, чем на улице.

В холле по правую и левую стороны открывался гардероб, которым студенты никогда не пользовались. Все вещи обычно оставляли прямо в учебной комнате в отведенном для них месте. За небольшим порогом тянулась вверх широкая мраморная лестница, открывающая путь в просторный холл анатомички. Дальнюю стену украшала вырезанная из мрамора картина, изображавшая странный греческий сюжет и незнакомых греческих божеств, покровителей медицины. Под потолком на стене вырезана надпись: «*Aliis inserviando consumo*». В переводе с латыни: «Светя другим, стогаю сам».

От холла в две стороны тянулись коридоры с высоченными потолками. Проходы вели в учебные комнаты. В холле с правой стороны находился пост охраны, за которым их встретил невысокий бритый сторож в верхней одежде.

– Здорова, Сергеич!

Андриан поприветствовал сторожа громким рукопожатием.

– Еще не все пришли?

– Остальные вот-вот подойдут.

– Сколько вас будет?

Андриан поставил свой массивный рюкзак себе в ноги, отстегнул молнию и вынул листок бумаги.

– Вот наш список. Нас двенадцать. Здесь фамилии, имена и отчества каждого, а также номера групп и факультеты.

Серафима успела быстро бросить взгляд на список и нашла свою фамилию на третьей строчке.

Она в списке.

И этот список сторож передаст в деканат, если они нарушат правила.

– Вы же знаете, что будет, если вы тут что-нибудь сломаете, когда я вернусь утром?

Охранник пристально посмотрел на всех присутствующих.

– Не будем о грустном, лады? – прервал молчание Андриан. – Сергеич, давай лучше перейдем к делу. Окей?

Андриан вынул из рюкзака черный пакет, в котором билось что-то стеклянное. Серафима могла догадаться о содержимом без подсказок.

Получив заветную плату, Сергеич искусился заглянуть в пакет.

– Там по две бутылки коньяка и виски. Как и договаривались, Сергеич. Все честно.

На это сторож лишь молча кивнул и убрал пакет с выпив-

кой в свой рюкзак.

– Слушайте сюда. Я вернусь в шесть часов утра. К этому времени вашего духу здесь быть не должно. Ничего не ломать, анатомические препараты не трогать, не шуметь, свет не зажигать слишком ярко – никто не должен заметить вас с улицы. Это важно. И все в таком духе. Громко музыку не включайте. И самое важное – ничего не фотографировать и не снимать на видео. Если кто-то увидит это, вас тут же отчислят. Поняли? И меня уволят. Мы ведь этого не хотим, верно?

– Разумеется, Сергеич! Само собой! Мы, люди неглупые.

– Очень надеюсь. И тех, кого сейчас нет, тоже проинформируйте об этом. Если хоть одна косточка пропадет – вам конец. Усекли?

– Обижаясь! Положись на нас, Сергеич! Мы ни себе, ни тебе зла не желаем! Правда, ребята?

Ему ответил только Денис бодрым кивком.

– Я точно могу на вас рассчитывать?

Сергеич пристально взглянул на Андриана.

– Не сомневайся. Когда вернешься утром, здесь все будет так, как ты оставил сейчас. Мы все уберем. Ни крошки не оставим после себя.

– Очень на это надеюсь. Если вдруг чего – отвечать я за это не буду. Поняли, все?

На этот раз сторож говорил грозно и даже пугающе. Все словно языки проглотили, а потому смогли только кивнуть

в ответ.

На этой ноте раздался скрип ворот. На пороге холла появились двое: высокий парень в сером пальто и стройная девушка – вся в черном.

– А вот и наши! – обрадовался Андриан. – Клим, Леся, проходите!

Двое молча помахали руками в знак приветствия.

Клим и Леся прошли к длинной скамейке, стоящей вдоль гардероба, и оставили на ней свои вещи – увесистый рюкзак и толстую сумку. Клим что-то тихо сказал своей спутнице, а потом помог ей согреть замерзшие пальцы в своих руках, предварительно стянув перчатки.

– Передайте им то, что я вам сказал, – бросил напоследок Сергеич и взял в руку свой рюкзак с подкупом от Андриана.

– Да-да, Сергеич, не ссы, все передадим, – ответил Андриан, – как я сказал, можешь на нас положиться. Люди мы, ответственные – чего тут сказать?!

– Ох... ну и влетит же мне за вас!

– Ничего не влетит, Сергеич! Не парься! Лучше ступай домой и отдохни хорошенько. Тебе теперь... есть, чем себя развлечь...

Андриан похлопал сторожа по спине, провожая к выходу.

Андриан спустился по лестнице, чтобы проводить Сергеича до ворот, а Дайна и Ева последовал за ними, чтобы поздороваться с Климом и Лесей.

Серафима успела заметить, как Клим одарил свою пассию

смачным поцелуем в губы. Звуки в пустой анатомичке разносились эхом, отталкиваясь от каменных стен.

Она осталась на вершине холла, не решаясь двинуться с места. Денис стоял рядом.

Ворота громко захлопнулись. Сторож ушел.

Теперь они в анатомичке одни.

– Это тоже твои бывшие одноклассники? – спросила Серафима у Дениса.

– Клим учился вместе с нами. Потом он поступил в химтех и познакомился с Лесей. Они оба спокойные такие, тихие. Два сапога – пара.

– В тихом омуте...

– Хах, ты права... есть один слушок про Клим, который ходит в народе...

– «Слушок»?

– Да... как бы это сказать-то деликатнее... в общем...

Он подался к ней и прошептал на ухо:

– Говорят, что Клим не только по девочкам сохнет...

Услышав это, Серафима взглянула на этого высокого стройного парня совсем по-другому. Интересно, смогла ли она сама об этом догадаться, если бы Денис ей не раскрыл все карты?

– Впрочем, это только слухи, – добавил уже увереннее Денис.

«Слухами земля полнится».

Стройное лицо, длинные тонкие пальцы, черные волосы

коротко пострижены. Серафима признала в Климе весьма симпатичного парня, который... хранит свои секреты. Сняв пальто, он остался в серой кофте, подчеркивающей его худые длинные руки, и в черных джинсах.

«Геи, бисексуалы – что дальше будет?»

Что касалось Леси, то ее смело можно назвать «Королева-Ночь». Вся в черном! Пальто, джинсы, сапоги, свитер – все черное! Черные длинные прямые волосы, черные глаза, черная подводка... И – о боже – такая худая! Вела она себя весьма сдержанно и спокойно. Серафиме показалось, что эта Леся та еще тихушница, похлеще Дайны будет!

Кстати, о Дайне! «Снежная Королева» Андриана уже вернула себе электронную сигарету и продолжила пускать клубы дыма.

– Давайте к нам! – помахал Андриан Денису и Серафиме. – Знакомиться будем!

Пришлось идти.

Серафима в сопровождении Дениса спустилась вниз и предстала перед Климом и Лесей.

«Расслабься. Веди себя естественно. Ты же все-таки на дружеской вечеринке. В анатомичке... но...».

Денис обнял Клима, похлопав его по спине.

Леся не шла первая на знакомство, а потом Серафиме пришлось самой проявить инициативу.

– Серафима. Однoгруппница Дениса. Рада знакомству.

– Леся.

Она бросила свое имя так неаккуратно и даже не протянула руку, чтобы из вежливости поздороваться с ней.

Серафиме пришлось молча опустить руку – ничего не оставалось.

– Как там Сергеич? – спросил Клим у Андриана. – Все гладко прошло?

– Еще бы! – бодро ответил Андриан. – Вся анатомичка в нашем полном распоряжении на всю ночь! И за это я отдал почти десятку... и черт с ней! Разве не круто, что мы здесь одни на всю ночь?!

– Я тебе переведу потом за «подарок Сергеичу».

– Не стоит, брат! Не стоит!

– Порядок. Не хочу оставаться в стороне. Мне будет спокойнее, если я... проплачу это мероприятие.

– Я тоже подкину, Андриан, – добавил Денис, – мы ведь все воспользовались твоим подкупом. Это будет честно.

Серафима сразу заметила, как парни держались одним оплотом. Что касается девушек, то... подруги среди них ей точно не найти.

Дайна и Леся из разных институтов. Они тоже никогда тесно не общались друг с другом. Дайна слишком увлечена своим телефоном, музыкой в наушниках и электронной сигаретой, а Леся... ни на шаг не отходит от Клим, выставляя себя крайне слабой и беспомощной натурой. Уже сейчас Серафима подметила, что Клим постоянно за ней ухаживает: носит ее вещи, помогает раздеться, даже волосы поправля-

ет! А Ева? Ева – простая скромная тихая девочка, которая вообще непонятно каким боком оказалась в подобной компании. Да и черт с ней!

Единственный, на кого Серафима может рассчитывать, так это на Дениса. Она надеялась, что он будет держаться с ней рядом и не оставит одну.

– Думали, что не найдем это место, – признался Клим, – мне даже пришлось открыть карту в Яндексe.

– О, да, анатомичка так непримечательно здесь стоит, спрятавшись от глаз посторонних, – кивнул Андриан, – сейчас мы вам обязательно все покажем!

– Сколько нас уже пришло?

– Семеро. Осталось еще пятерых дожидаться. Как там ваши? Не знаете, где они?

– Влас, Белла и Эмиль договорились встретиться. Так что они придут сюда вместе.

Потом в разговор вступила Дайна:

– Мадлен написала мне. Она и Ника уже на подходе.

– Отлично! – всплеснул руками Андриан. – Напиши Белле, узнай, где их черт шатает. Сказал же – в девять быть, как штык! Закон «ноль-ноль» нарушать нельзя!

– Спокойно, – вступился Денис, – у нас вся ночь впереди.

Эти слова громом прозвучали в голове Серафимы.

Вся ночь...

И новая мысль – роковое предупреждение из безумного наркотического сна: «Ты умрешь первая».

Глава 4. Двенадцать

Раздался звон массивных ворот. А следом последовали шумные девичьи голоса:

– Капец, какая там уже метель разыгралась!

– Я себе все ноги уже отморозила! Лишь бы цистит не подхватить! Еще один раз я этого не переживу!

– Ох, надеюсь, мы согреемся здесь, а то я готова сдохнуть от такого мороза! Сейчас бы на Гавайи...

– Скорее бы в тепло! Давай-давай! Шуруй своими спичками!

Первая – крашенная в неестественный кислотно-рыжий цвет – худая до жути – в темно-синем пальто и угги – потирая от снега светлые голубые глаза, запыхавшись, вбежала в холл. Она начала интенсивно дышать на свои руки, чтобы согреть тонкие белые пальцы с темно-зеленым маникюром.

– Рыжая – Мадлен, – шепнул Денис на ухо Серафиме, – а та, что с пучком – Ника.

И это был не пучок, а целая неряшливая копна каштановых волос, завязанных на голове в некое подобие пучка, из которого торчали непослушные локоны и отдельные длинные волоски. Темно-зеленая куртка, черные колготки и сапожки. Как она вообще не превратилась в ледышку? Глаза у Ники невнятные, грязные, серо-зеленые. Серафима так и не смогла определить точный цвет. Когда Ника скинула куртку,

то осталась в черном коротком платье японской школьницы, поверх которого надет синий мешковатый свитер с белыми медведями и звездами. На пальцах у нее Серафима отметила большое количество звенящих друг о друга колец.

– Мадлен! Ника! – обрадовался Андриан, увидев девушек, – Мы вас ждем! Давайте, проходите. На улице уже совсем похолодало!

– О, да! Я себе все щеки отморозила, – пожаловалась Мадлен.

Она топталась на месте, пытаясь согреться, и терла ладонями лицо.

– У кого руки теплые? Погрейте меня, пожалуйста! Денис! Иди ко мне!

Денис оставил Серафиму в стороне и вышел вперед к Мадлен. Обе девушки принесли с собой набитые тяжелые сумки. Оставив свои вещи на скамье, они принялись снимать верхнюю одежду.

– Дай-ка мне погреться!

Мадлен положила свои холодные пальцы в горячие ладони Дениса и начала греть их.

– Ах! Какой же кайф! Ника! Тебе вообще не холодно?

– Конечно, холодно! – бросила она, поправляя копну волос на голове, – Но я хочу согреться другим способом.

Мадлен, озадаченно взглянув на подругу, получила в ответ жест – постукивание кончиком указательного пальца по шее.

Серафима сразу догадалась, что речь идет о выпивке.

– Мадлен!

Дайна выпустила облако дыма и подошла к Мадлен, чтобы обнять ее и поцеловать в щеки.

– Я очень рада, что ты наконец здесь!

– Дайна! Милая! Ты, как всегда, неотразима!

– Ой!

– Правда-правда! Лучшая! Просто бомба! Моя секси-те-лочка! Моя конфетка! Моя нежнейшая мадам!

Две девушки залились дружным смехом.

– А кого мы еще ждем? – Ника свернула свою куртку и оставила ее рядом с сумкой.

– Влас, Белла и Эмиль уже на подходе, – ответила ей Дайна.

– Они же знают куда идти? – Андриан недовольно взглянул на часы.

– Да-да, они уже рядом.

Дальше Мадлен и Ника по очередности поздоровались с остальными присутствующими: Климом, Лесей, Евой и Серафимой.

Мадлен одарила Серафиму легким объятием, и в этот момент она почувствовала в себе какое-то отторжение. Серафима не могла понять, с чем это связано, но эта Мадлен... вокруг нее буквально витал неприятный ореол фальши.

«Что-то с ней не чисто...» – задумалась Серафима.

Она всегда полагалась на свои внутренние чувства и эмо-

ции.

Что касается Ники, то она не ощутила ровным счетом ничего. Просто пустота.

– Ты не замерзла? – Клим обратился к Лесе.

– Есть немного. Уже хочу зажечь свечи и погреться.

Леся накинула на плечи свое пальто и спрятала руки в подмышки.

Дайна сделала сильную затяжку из электронной сигареты и вдохнула весь дым прямо в открытый рот Андриана. Дальше эти двое поцеловались с мокрым щелчком.

– Спасибо, Дениска. У тебя очень горячие руки. Это мне в тебе всегда нравилось, – Мадлен наконец оставила горячие руки Дениса и его самого в покое.

Вернее... так подумала Серафима, и она ошиблась.

– Сделаешь мне массаж? Прямо шея вся затекла! Я так больше не выдержу ни минуточки! Прошу тебя!

Серафима совсем не ожидала такого поворота событий. Но все происходило именно так, как хотела Мадлен. Девушка развернулась к Денису спиной, сбросила свои прямые волосы вперед и предоставила ему для работы свою шейную зону.

Денис начал мять плечи и шею Мадлен.

Серафима отвела взгляд в сторону и наткнулась на Еву, которая уставилась в экран телефона.

– Ой, все! Я так больше не могу!

С этими словами Ника сунула руку в свою сумку. Раздал-

ся звон стекла. Она вынула наружу бутылку темного пива.

– Уже не терпится? Нас не подождешь? – усмехнулся Андриан.

– Я замерзла! – простонала Ника.

– Думаешь, пиво тебя отогреет? погоди... сейчас сядем в кабинет и зажжем свечи. Погреешься.

– Вот уж нет! Я так больше не выдержу! Сколько нам еще ждать остальных? А я уже выпить хочу!

Щелчок – Ника открыла бутылку и сделала первые два больших глотка.

– О, да... наконец-то!

Пока Ника попивала пиво, Дайна продолжала дымить электронной сигаретой, и вот уже весь холл анатомички был заполнен облаками дыма.

Серафима уже даже успела привыкнуть к этому специфическому запаху, который ей по какой-то причине напоминал аромат свежего поп-корна.

И с чего бы это у нее такие ассоциации на запахи?

– Они пришли, – объявила Дайна, выключив телефон.

– Наконец-то! – Андриан всплеснул руками.

Через пару мгновений двери анатомички снова открылись, и Денис на этой ноте перестал делать Мадлен массаж, чему Серафима оказалась очень рада.

Почему ей это не понравилось?

Это все из-за самой Мадлен?

Или она так ревнует Дениса к этой мадам?

Серафима и мыслить стала фразами из советских фильмов: «Сучка крашенная!».

Пока ее мысли крутились вокруг Мадлен и Дениса, в холле уже появились последние участники этого собрания.

Их было трое: Влас, Эмиль и Белла.

– Эге-ге-гей! – прокричал Влас, появившись в холле.

Влас показался Серафиме самым старшим среди всех присутствующих. Возможно, свою роль сыграли броская щетина и выющиеся до плеч русые волосы. Острый подбородок и выраженные скулы. Серые, немного странные из-за безумного блеска, глаза. Сняв с себя длинное пальто цвета хаки, Влас остался в коричневой футболке с принтом в виде черного перевернутого распятия. Эта футболка обнажала его длинные руки со вздувшимися венами и большие пальцы. На нем остались светло-коричневые джинсы и массивные зимние ботинки с мехом.

Щетина, длинные волосы, безумные глаза, вздувшиеся вены и перевернутое распятие – все это наводило Серафиму на неприличные мысли об этом парне. Она готова дать ему лет двадцать семь, если не больше. Слишком взросло он выглядел.

– Всем привет!

Следом за Власом, последовала Белла – его девушка. Этот персонаж вовсе отличался от всех девушек хотя бы своей короткой пацанистой стрижкой. Волосы покрашены в серо-белый цвет, с мелированием. В ушах – по пять сережек. Худо-

щавая и с полным отсутствием намека на женскую грудь. Серая обтягивающая кофта, темные джинсы и черная мужская обувь маленького размера.

А интонация, с которой говорила Белла, невольно навела на мысль о том, как же ей надоел весь этот чертов мир.

– Вай! Мои сладкие! Здрасьте, здрасьте! Рад всех видеть, мои хорошие! Приветтики-минеттики! Мои нежные!

Эмиль...

Серафима поймала себя на мысли, что впервые в жизни встречает парня, который так открыто заявляет всему миру о своей нетрадиционной сексуальной ориентации. И выглядело это слишком наигранно и даже клишировано, на ее взгляд.

Впрочем, ей ли в этом разбираться?

Парень высокий, слишком высокий, тощий и смуглый. На такой коже ярко выделялись большие голубые глаза, а тонкое лицо обрамляли желтоватые золотистые волосы, спадающие на плечи, как у Власа. Только в отличии от Власа, кожа лица Эмиля оказалась идеально выбрита. И легкий блеск на розовых губах. Глаза с яркой черной подводкой, очки в красной оправе. Одет Эмиль в обтягивающие черные кожаные брюки, подчеркивающие каждый изгиб. Под оранжевой кислотной курткой – сероватый свитер с черными листьями клевера. На правой руке на большом пальце – серебряное кольцо с черным камнем – знак принадлежности к когорте людей с нетрадиционной сексуальной ориентации. Из других аксес-

суаров – серебряные клипсы в ушах.

С появлением жизнерадостного Эмиля тягучая обстановка, полная неловкости, моментально разрядилась. Все стали смеяться и радостно встречать студентов из хим-теха теплыми объятиями.

– А сторож уже ушел? – Влас подозрительно осмотрелся по сторонам.

– О, да, мы его спровадили, – ответил Андриан, – он вернется в шесть часов утра. Так что вся ночь наша!

– Надеюсь, все трупы у вас мертвые, – хмыкнула Белла. «Мертвые... трупы... что ты несешь, женщина?!» – мелькнули в голове Серафимы язвительные мысли.

Эмиль помимо объятий одарил всех присутствующих двумя поцелуями в обе щеки.

– Какие вы все классные, ребята! Боже! Я всегда мечтал побывать в этом месте! Какие нежные стены! Какой нежный барельеф! Это нежные греки? Я хочу непременно это все за-снять!

– Только одна большая просьба – никуда не выкладывайте фотки и видео, иначе нас исключат, – напомнил Денис.

– Ой, само собой! Это все для личных архивов! На память о нашей нежной вечериночке!

В руке Эмиля моментально появился телефон, и он уже начал снимать: то пространство холла, то себя самого на фоне холла. Словом, очень разноплановые кадры.

– Отлично! – Андриан хлопнул, призвав всех к молча-

нию. – Мы все в сборе! Давайте осмотрим анатомичку? Сейчас мы вам, ребята, все тут покажем, а потом выберем кабинет и начнем наше долгожданное мероприятие!

Андриан и Клим проверили, насколько хорошо закрыты входные ворота. Двери не пропускали явных сквозняков. Весь морозный холод и снег остались за стенами, на улице.

Больше они никого не ждут.

Серафима осмотрела всех присутствующих: Дайна продолжала пускать дым, Ника осушила первую бутылку пива, Мадлен поправляла свои волосы, глядя в зеркальце, Леся грела руки, пряча их в подмышках, Андриан, Клим и Денис взяли все тяжелые сумки, Ева убрала телефон в карман и прихватила свой торт, Эмиль радостно крутился с включенной камерой на телефоне, снимая все подряд, Влас захватил вещи Беллы, чтобы та ничего не тащила в руках.

Вместе с Серафимой их было двенадцать.

Дюжина в полном сборе.

– Отлично закрыто! – выдал вердикт Андриан, проверив двери. – Давайте, ребята, берем все свои вещи и вперед! Поднимайтесь!

Серафиме стало намного спокойнее, когда Денис наконец отстал от шеи Мадлен и присоединился к ней, чтобы сопровождать ее дальше.

– Все в порядке? – спросил он.

– Да. А что такое?

– Ничего, просто... вижу, что ты немного волнуешься.

– Волнуюсь? Ну...

– Не переживай. Этим ребятам можно доверять.

Но уверенности у нее в этом ни грамма.

Серафима доверяла первому впечатлению, а также своим внутренним чувствам, ощущениям и интуиции.

Сколько она себя помнила, ее крайне редко подводило первое впечатление о людях. Интуиция виртуозно справлялась со своей задачей – разоблачать людей.

– Они... чудаковатые, согласен, но милые.

– Да, ты прав. Они... милые.

Серафима не могла не обращать внимания на яркого и эпатажного Эмиля. Тот вальяжно шагал по анатомичке, записывая на свой телефон документальное видео.

Видео, разоблачающее их всех!

– Зажгите свет в коридоре! – бросила Мадлен. – Его все равно никто не увидит снаружи.

Влас нашел выключатель и зажег лампы под потолком.

– Сейчас мы проведем вам маленькую экскурсию, – начал Андриан, – это наша анатомичка! В этих двух коридорах – кабинеты. В конце левого коридора будет развилка. Повернув направо, вы найдете дверь, ведущую в анатомический музей! Сейчас мы туда направимся. А в левой стороне – проход в подвал, где находится комната со всеми препаратами. Клим, проверь ключи на посту охранника!

Клим зашел за стеклянный пост и осмотрел стену с ключами.

– Он забрал только ключи от преподавательской. Так-так... А вот и ключи от музея! Нашел ключи от подвала и препаратной! И от кабинетов... все ключи. В какой кабинет пойдём?

– Давайте в тринадцатый? – предложила Ника. – Мы там всегда занимались!

– Да, бери от тринадцатого! – бросил Климу Андриан.

Клим вернулся к ним с четырьмя ключами.

– Куда сначала? – спросил Эмиль.

– Давайте оставим вещи в кабинете, а потом пойдём в музей, – предложила Дайна.

Возражать никто не стал.

Все, безусловно, рады скорее избавиться от тяжелых сумок с провизией.

Тринадцатый кабинет располагался в левом крыле анатомички. Андриан открыл двери, и перед ними открылась просторная учебная комната. В левой части – учебные парты, сдвинутые вместе в один большой длинный стол, обставленный стульями. В правой части комнаты – специальные длинные столы для изучения влажных анатомических препаратов с отверстиями, через которые должен стекать формалин в тазы. Слева от двери – доска для письма мелом. На стенах висели таблицы с изображениями разных органов и систем человеческого тела, а также планшеты с изображениями разных мышечных групп. В конце комнаты находился стеллаж, на котором еще остались подносы с высушенными препара-

тами костей. Вся дальняя стена – большое панорамное окно. Окно выходило как раз на заросли деревьев и массивный забор. Если они зажгут свечи или даже включают свет, вероятность, что кто-то заметит свечение в окне анатомички с улицы крайне мала.

Это был отличный выбор кабинета для вечеринки, учитывая условия, которые они обязаны соблюдать.

– Вау! Как здесь все классно и круто! Очень нежно! Обожаю! Я в полном восторге! Отвал всего! – Эмиль поспешил сделать несколько фотографий.

– И здесь вы занимались? – осмотрелся Влас, выгнув бровь.

– Да, именно в этой комнате! – кивнула Мадлен. – Так что на этот вот стол с каменным покрытием лучше не кладите еду. Здесь лежали органы трупов.

И Мадлен звонко посмеялась своим мыслям.

– Мило, – хмыкнула Белла.

– За окном уже метель и совсем темно, – обратила внимание Леся, – нас здесь не заметят.

– И это к лучшему! – подмигнул ей Влас. – Важно, чтобы нас никто не заметил с улицы.

Клим поставил все сумки на стол и скинул с себя черное пальто, оставшись в сером свитере.

– Оставляйте все вещи прямо на столах – потом разберемся, что к чему. А сейчас погнажи в музей!

Избавившись от нелегкой ноши и облегченно вздохнув,

они отправились следом за Андрианом к анатомическому музею кафедры.

– Давайте за мной, – махнул рукой Андриан, – сейчас я вам покажу кое-что по-настоящему классное!

Они прошли до конца коридора и на развилке повернули направо. Перед ними появилась черная дверь с надписью: «Анатомический музей».

– Давай сюда ключи, Клим.

Получив ключи, Андриан быстро воткнул их в замок и повернул.

Войдя первым, он хлопнул по выключателю на стене, и музей озарился светом.

– Та-дам!

Серафиме нравился анатомический музей их кафедры нормальной анатомии человека. Просторный зал от пола до потолка заставлен самыми разными интересными экспонатами. По периметру тянулись стеклянные стеллажи, каждая полка которых заставлена емкостями с формалином и препаратами. В центре зала тоже стояли прозрачные шкафы, а также стеклянные саркофаги с иссохшими мумиями. Помимо экспонатов, касающихся тела человека, здесь находились и препараты животных. В углу комнаты стоял скелет огромной змеи. А также скелеты мышей, черепа лошадей и других животных. Кроме них – несколько планшетов с насекомыми и жуками. Но основная масса – конечно же, человеческие препараты. Вся дальняя стена посвящалась эмбрио-

нальному развитию человека и врожденным патологиям, мутациям и аномалиями внутриутробного развития, несовместимых с жизнью. Там расставлены банки с мертвыми плодами, наделенными различными уродствами. Помимо разных крупных органов в банках, здесь же находились и гистологические препараты, обладающие особой редкостью. Распилы и разрезы тканей и органов: сердца, печени, почек, легких. Препараты с головным мозгом, разными формами черепов, аномалиями и патологиями развития половых органов. Как всегда бывает, особый интерес представляли именно препараты мозга и аномалий плодов. Мертвые младенцы были достаточно крупные и занимали объемные емкости с формалином. Лично Серафиму завораживал препарат с мертвыми близнецами, сросшихся головами.

– И откуда берутся все эти препараты? – нахмурилась Белла. – Кто-то все-таки расчленяет бомжей на улице?

Никто не смог ответить ей на этот вопрос.

Серафима и сама думала над этим, но за все время обучения никто так и не задал этот вопрос преподавателю.

– Вау! Божечки! – ахнул Эмиль. – И это все настоящее?

– Разумеется, – гордо кивнул Андриан, – проходите, смотрите, любуйтесь.

Все двенадцать участников вечеринки разошлись по залу музея. Серафима поймала себя на мысли, что, возможно, она находится здесь в последний раз.

– И мумия настоящая? – озадачился Влас.

– Это высушенная мумия, – пояснила Дайна, – нам сказали, что она тоже настоящая. Здесь все принадлежало когда-то живым людям. Даже вот эти необычные препараты половых органов, которые слеплены из... воска что ли? Или какого-то... резинового вещества. В этих препаратах сохранены все анатомические особенности. Они как... слепки с органов. Только это настоящие органы, которые заморозили... в озоне вроде... а потом подвергли такой необычной обработке.

Эти препараты, действительно, напоминали резиновые игрушки. Весьма приятные на ощупь. Серафима до сих пор не могла представить, что это настоящие препараты, сделанные таким загадочным и необычным образом.

– Боже! Тут два члена растут из одного! – ахнул Эмиль.

– Должно быть, тебе это нравится, – хмыкнула Белла.

– Ага! Очень смешно!

Серафима заметила Еву. Та стояла у препаратов с уродливыми плодами, держала на руках тетрадь в твердой обложке и что-то рисовала карандашом.

– Что рисуешь?

– Его.

Ева показала на младенца с четырьмя руками и ногами. Между каждой парой ног формировались половые системы, причем, разные: одна – мужская, а другая – женская.

Серафима заглянула в ее книжицу. Там уже появился первый набросок.

– Вау! У тебя хорошо получается!

Ева заметно залилась краской.

– Спасибо... я ходила в художественную школу, еще до поступления в институт.

– И очень даже не зря! Ты не потеряла свой талант.

– Я люблю рисовать. Меня это... успокаивает. Знаешь, это как медитация?

– Значит, ты много рисовала на анатомии?

– Да... любила рисовать череп и сердце. А еще головной мозг. Это мои лучшие рисунки.

– Покажешь мне как-нибудь?

– Конечно!

– А то у меня самой руки явно не художника.

Ева смущенно заулыбалась.

– Это не так важно. Зато ты быстро понимаешь материал. Денис рассказывал...

– Денис?

– Да. Он говорил, что ты все ловишь на лету. Ты очень сообразительная и быстро выстраиваешь причинно-следственные связи и придумываешь ассоциации. Это, правда, полезно. И не только для лучшего запоминания теоретического материала, но и для формирования клинического мышления.

– А ты? Разве... ты не отличница? Сдала все экзамены на «отлично»! Это сильно!

Ева выдержала паузу.

Карандаш замер в ее руке, остановившись на изображении пухлой ручки младенца.

– Мне трудно. Я все учу. Очень... очень долго. Мне нужно время, чтобы запомнить. Мне сложно все так сразу понять. Я должна просидеть всю ночь за уроками, чтобы вникнуть.

– Зато ты таким образом все лучше запоминаешь. Я имею в виду, что ты запоминаешь на длительный срок. У меня все очень быстро забывается. Прямо по щелчку! Даже страшно порой от такой забывчивости.

– Это нормально. Когда долго не повторяешь материал, он быстро забывается. Так у всех людей.

– Но не у тебя, я угадала?

Ева не ответила.

Она молча продолжила рисовать, словно сделала вид, что не услышала Серафиму.

Серафима же, оглянувшись, увидела, как Дайна пускает дым электронной сигареты прямо в темное сухое лицо мумии. Это был препарат с системой вен и артерий, очищенный от остальных тканей и органов. Сосуды оплетали сухие кости.

Клим обнимал Лесю со спины, и его ладонь опустилась так низко, что почти касалась ее ягодицы. Парочка стояла у препаратов с разрезанными сердцами и что-то энергично обсуждала.

Эмиль ходил от одного стеллажа к другому, заполняя галерею своего телефона бесконечным множеством фотогра-

фий и коротких видеороликов.

Власу и Белле явно было скучно. Двое ждали остальных у выхода и о чем-то непринужденно беседовали.

Ника... Ника уже убивала вторую бутылку пива, которую прихватила с собой. Мадлен же ковырялась в телефоне, не обращая внимания на музей.

Андриан звонко над чем-то смеялся, не отходя от Дайны ни на шаг.

Вскоре к Еве и Серафиме присоединился Денис.

– Как вы тут?

– Нормально, смотри, как Ева красиво рисует.

Денис заглянул в тетрадь Евы.

– Ничего себе! Это очень круто!

Ева заканчивала делать сложный контур младенца. Оставалось вырисовать две наружные разнополюые половые системы.

– Влас и Белла же встречаются? Я правильно поняла?

– Да, они вместе, – ответил Денис на вопрос Серафимы, – у Эмиля пока никого нет... насколько мне известно. Ника и Мадлен тоже без отношений, если тебе интересно это знать.

Таким образом, они имели на вечеринке три парочки: Андриан и Дайна, Влас и Белла, Клиим и Леся.

– Ника всегда так много пьет?

– Она... да... любительница...

– Побухать.

– Серафима!

– А что?

На нее неожиданно накатила смех. И в порыве перед ее глазами появилась картинка: Денис кладет свои руки на плечи Мадлен и начинает делать ей массаж. От этого Серафиму прямо-таки скукожило, что она резко перестала смеяться.

– А что у тебя с Мадлен?

– Ничего... а что?..

– Просто... она к тебе как-то клеилась... или мне показалось?

– Брось! Она просто попросила меня согреть ей руки и...

– Память ее плечики.

– Да... это тоже... а ты ревнуешь?

– Совсем дурак?!

На этот раз Серафима не сдержала свой порыв и стукнула Дениса кулаком в плечо.

– Ауч! Эй! И чем я такое заслужил?

– Всем хорошим, Денисочка... всем хорошим.

– Иногда ты бываешь такой...

«Ну-ну, договаривай!» – вспыхнуло в голове Серафимы.

– Мощной... – выдавил Денис.

– А ты что думал? Да, я такая!

А потом их общее внимание привлек смачный звук – Андриан и Дайна опять сцепились в страстном поцелуе, облокотившись прямо о стеклянную крышку, под которой лежала мумия.

Пальцы Андриана скрылись под кофтой Дайны. А она

продолжала держать в одной руке электронную сигарету, а второй водила по затылку Андриана.

– О, да! Давайте! Я хочу больше страсти, мои нежные! Больше чувств и эмоций! Мы уже идем на Оскар!

Эмиль не остался в стороне и начал снимать горячую сцену на камеру.

Дайна, не выдержав долгой съемки, прервала поцелуй и сунула в рот электронную сигарету.

– Как вы, ребята? Насмотрелись? – обратился ко всем Андриан.

– Да! – бросила Ника. – Пойдемте уже, а?!

– Только сперва покажем нашим друзьям комнату с паратами! А потом вернемся в класс и начнем наше веселье!

Покинув анатомический музей, они направились в подвал. Уже на лестнице Серафима почувствовала едкий запах формалина.

Глава 5. Свечи зажигаются

В замочной скважине скрипнул ключ, и дверь открылась, демонстрируя темное пространство за собой.

Анриан шагнул первым и включил свет. Тусклые лампочки замерцали, освещая тесное помещение, пригодное для хранения учебных анатомических препаратов. На столах завернутые в пакеты лежали конечности: руки и ноги – препараты мышц, сосудов и нервов. Под столами располагались массивные бочки и жестяные емкости, наполненные комплексами органов: легкие, сердце, органы желудочно-кишечного тракта (пищевод, желудок, печень, петли кишечника), объединенные в один полноценный препарат. В других – препараты половой и мочевыделительной системы. Отдельно – препараты головы и мозга. В тарах поменьше содержались суставы и разрезы отдельных органов, малых размеров: селезенка, почки. Небольшие емкости расставлены на полках стеллажа с левой стороны. Все препараты подписаны.

– Ну и вонь! – ахнула Леся, зажав нос.

– А ты ожидала аромат баллончика «альпийская свежесть»? – усмехнулась Белла.

– Это формалин, – пояснил Денис, – его здесь слишком много, а потому концентрация очень большая. Испарения в воздух и все такое.

Влас лениво прошелся между столами и одернул пакет,

прикрывавший препарат сосудов на нижних конечностях.

– Милые пальчики... И вы понимаете что есть что на эти препаратах? Здесь же просто труха!

– В этом вся проблема, – ответила Мадлен, – приходится тыкать почти наугад или запоминать из того, что показывает преподаватель. Препараты старые, потрепанные. Студенты прошлых лет их славно искромсали. Но для экзамена у них припасены новые препараты, которые целы и невредимы.

– Выходит, вы учитесь на трухе, где ничего непонятно, а потом сдаете экзамен на четких препаратах, где есть что показывать? – выгнул бровь Клим.

– В самую точку!

Ника сделала еще один глоток пива, осушив вторую бутылку и произнесла на выдохе:

– Как же я рада, что сдала это дерьмо. Теперь больше не надо видеть эти препараты и судорожно стоять с пинцетом в руке, тыкая наобум.

– М-да... несладко вам приходится, – сглотнула Леся.

– Мы уже привыкли! – махнул рукой Андриан. – Поначалу брезгуешь, но быстро привыкаешь и уже не испытываешь никаких эмоций.

– Должно быть, это к лучшему.

Серафима никогда не бывала в препаратной. Сюда ходили только преподаватели и дежурные кафедры. Обычно все препараты уже находились в классе, приготовленные перед

началом занятия.

Только теперь, сдав экзамен по анатомии и распрощавшись с этой кафедрой, она наконец увидела, как и где все это время хранились учебные препараты.

– И половые органы тоже есть? – задал любопытный вопрос Эмиль.

– А ты только о них и думаешь? – подметила Белла.

– Эй! Просто любопытно!

Эмиль не выпускал из рук телефон, продолжая вести свой видеорепортаж.

– Они тебе не понравятся, – ответила Дайна, – серые, мокрые, разрезанные... снятые с трупов. Побереги свою психику, Эмильчик, а то потом не встанет.

– Чего?! С чего ты... боже правый! Да я просто спросил!

Мадлен, Ника, Белла и Дайна не сдержали своего дружного смеха. Эмиль от неловкости залился краской, а потом демонстративно завершил съемку и спрятал телефон в карман.

– Ну, как, все посмотрели? – обратился ко всем Андриан.

– Думаю, мы увидели предостаточно, – кивнул Влас.

– Тогда предлагаю вернуться в класс и начать наш долгожданный праздничный вечер.

* * *

Формалин остался позади.

Но ненадолго...

Серафима чувствовала, что сегодня еще придет время вернуться к нему.

Она снова почувствует его запах, а может...

Станет его частью.

«Ты умрешь первая».

Сколько Серафима ни пыталась справиться с этой жуткой мыслью, у нее ничего не получалось.

Ступая по ступенькам и направляясь наверх, она старалась думать о том, что ее ждет дальше в компании этих совсем не знакомых ей людей.

Чего от них ожидать?

Как далеко зайдет их празднество?

Что сделает Денис, если... ситуация выйдет из-под контроля?

Но такого не должно случиться!

Все эти люди – друзья Дениса и его бывшие одноклассники со школы! Он им доверяет, а она, Серафима, доверяет Денису! Что может произойти?

Сейчас они выпьют, пообщаются, посмеются... и разойдутся.

Да, так и будет.

* * *

Как же Серафима ошибается...

* * *

– Закрывайте двери, чтобы не пускать холод из коридора, – велела Дайна.

Клим зашел в кабинет последним и плотно прикрыл за собой массивные двери.

– С чего начнем? – полюбопытствовала Мадлен.

– Сперва нужно зажечь свечи и расстелить теплые вещи, – дал команду Андриан, – кто-то может сидеть за столом, а кто захочет – на полу.

– А яйца не отвалятся на полу сидеть? – хмыкнула Белла.

– Мы же будем сидеть на теплых вещах! Сейчас согреемся! – Эмиль поддержал идею Андриана рассестись на полу.

Двенадцать человек – слишком много. Если они сядут за стол, то будут далеко сидеть друг от друга. Свободного места в классе было достаточно, чтобы они смогли плотно разместиться на полу, тесно прижавшись друг к другу.

– Давайте располагаться. Достаем все наши припасы, стелим «полянку» и зажигаем огонь...

* * *

Все приготовления у них заняли меньше десяти минут. Андриан достал из своей сумки целый ворох толстых длинных свечей с маленькими подставками. Они использовали спички и зажигалки, чтобы поджечь около двадцати свечей и расставить их по всему кабинету: на столы, полки, препаратный стол и пол. Комнату заполнил теплый рыжий свет.

Свечи остались про запас.

Благодаря свету свечей в учебном анатомическом классе воцарилась крайне необычная атмосфера. Серафиме было непривычно наблюдать анатомические рисунки и кости черепа на полках, озаренных огненными бликами.

Денис и Клим достали теплые пледы и расстелили их на

полу в несколько слоев, положив друг на друга. Им удалось застелить почти все пространство на полу. Кроме теплых пледов и одеял они использовали собственную верхнюю одежду. Кто-то укутался куртками, а кто-то подстелил под низ.

В самый центр застила сложили все продукты и выпивку. Теперь здесь оказалось порядком пяти термосов, упаковки одноразовых тарелок, стаканчиков, вилок и ножей. Контейнеры с картошкой и сосисками, которые принесла Серафима. Кто-то принес овощной салат, кто-то – фрукты. Целый ворох чипсов, сухариков и соленых крекеров. Конечно, не обошлось без торта Евы. Напитки: соки, «Кока-кола», «Спрайт». Кто-то даже принес простую воду! И... выпивка. Много выпивки... Серафима увидела в центре застила целый ворох стеклянных бутылок: шампанское, пиво, вино, красное и белое, коньяк, виски, ром, водка. Здесь было все...

Серафиме, глядя на такое огромное количество бутылок с алкоголем, стало не по себе. Неужели... они собираются это все выпить?

Много...

Слишком много!

Здесь алкоголя на целый банкет!

– О, да! Наконец-то! – Ника радостно уселась поближе к алкоголю и начала открывать первую бутылку шампанского.

– У нас все пьют? – обратился к собравшимся Андриан.

– Я воздержусь, – подняла ручку Ева, как послушная уче-

ница.

– Кайф! Мне тогда налейте за Еву! – бодро вставила Ника.
Бум!

Она открыла первую бутылку шампанского.

– А что ты будешь пить? – спросила у нее Мадлен. – Мы хотим налить всем!

– Тут еще есть «Кола». Я ее буду.

– Только всю не пей. Мы будем разбавлять вискарь.

– Тогда сок.

– Он для мартини, – вставила Ника.

– Бросьте, ребят! – не выдержала Серафима. – Пусть человек попьет сок. Она же не обкрадывает вас!

Ее слова пристыдили заядлых любителей выпить, и те любезно разрешили Еве пить все, что она хочет.

– Я сегодня не пью! – провозгласил Влас.

Бум!

Ника открыла уже вторую бутылку шампанского.

– Наливаю себе еще! – радостно заявила она.

Отказ Власа от выпивки стал для Серафимы полной неожиданностью.

«Такой свободолюбивый парень... и не пьет?»

«Что-то тут не так...»

– Влас...

Белла серьезно взглянула на него.

Впервые за все время сарказм Беллы куда-то пропал. Серафима заметила в выражении ее лица тревожную обеспо-

коенность.

– Ты будешь со мной, Белла? – бросил в ответ вопрос Влас.

– Не знаю... я хотела выпить.

– Решайся.

Тут выступила Дайна.

– Я с тобой, Влас. Давно хотела это сделать.

– Уверена? – спросил у нее Андриан.

– Ты же сам говорил, что он все принесет.

– Да, Дайна, но...

– Черт с вами! – рывкнула Белла. – Давайте! Ника, дай сюда!

Белла вырвала из рук Ники бутылку шампанского и сделала пару глотков прямо из горла.

– Вот и все! – она смотрела на Власа. – Сегодня ты меня не надоумишь!

– Как хочешь, – Влас лишь пожал плечами.

Наблюдая за всем этим, Эмиль подал голос:

– Вай! Вай! Беллочка после той вечеринки и на сто метров не подойдет к твоим запасам, Влас! Для меня там что-нибудь найдется? Сегодня мы отрываемся!

– Разумеется, Эмиль, – кивнул Влас.

Серафима ничего не понимала!

Почему Влас и Дайна отказываются пить?

Чем так недовольна Белла?

Что несет Эмиль?

Серафима стала искать объяснений в лице Дениса.

– О чем они...

Денис уже наклонился к ее уху, чтобы ответить, но не успел – Андриан объявил о начале праздника:

– Все готово, друзья! Так... все уже закончили приготовления?

– Да! Мы все достали! – отозвался Клим.

– Превосходно! – отчеканил Андриан. – Тогда давайте присаживаться!

– О, да! Мои прекрасные, мы начинаем! Присаживаемся, ребяташки, ребятальки, мальчишки-одуванчики, девочки-припевочки, мои нежные, присаживаемся! – пропел Эмиль.

Все расселись на застеленный пледами и куртками пол.

Серафима сидела между Денисом и Евой. Рядом с Евой лежала ее тетрадь с рисунками и карандаш. Дальше, от Евы и по кругу разместились: Андриан, Дайна, Влас, Белла, Эмиль, Ника, Мадлен. И рядом с Денисом, замыкая кольцо, устроились Леся и Клим.

Компания из двенадцати человек расселась. Ника уже открыла третью бутылку шампанского и начала выкручивать пробку из бутылки с красным вином. Ей на помощь подоспели парни: Андриан, Влас, Клим, Эмиль и Денис тоже принялись открывать все бутылки с алкоголем подряд, какие попадались им под руки.

Леся, Мадлен и Дайна разливали напитки в стаканчики.

Ника же воздержалась от пластика и решила пить прямо из бутылок, которые отложила лично для себя.

– Ты будешь «Колу»? – поинтересовалась Серафима у Евы.

– Да, пожалуйста.

– Я налью.

– Спасибо большое.

Серафима взяла бутылку «Колы», резким движением открыла ее, дождалась, когда пузырьки стихнут, и наполнила белый стаканчик для Евы.

– Ты что будешь? – спросил у нее Денис.

– Давай шампанское. Ты сам будешь пить?

– Да, конечно.

– Хорошо.

Денис разил для себя и Серафимы игристый напиток.

Когда вся компания оказалась с напитками в руках, Андриан потянулся и отчеканил тост первым:

– За успешную сдачу сессии! За то, что мы непобедимы!

Лучшие студенты! Мед и хим – лучше всех!

– Хим-тех – лучше всех! – вставил громко Эмиль.

– Да, конечно-конечно, – саркастично ответила Дайна.

– Мы все лучшие! – продолжил Андриан. – За вас, ребята!

За самых лучших из лучших студентов! За то, что это дерьмо осталось позади! И за жизнь без нового дерьма!

Дайна, Мадлен, Ника, Клим, Эмиль, Влас и Денис поддержали лозунг Андриана:

– За жизнь без дерьма!

Раздались дружные вопли и смех. Они потянули свои стаканы и бутылки в самый центр круга, все чокнулись и принялись выпивать за первый тост этого вечера.

«За жизнь без дерьма...» – прозвучало в голове Серафимы.

Но что-то ей подсказывало, что это самое «дерьмо» только начинается...

* * *

Серафима взглянула на часы на телефоне – перевалило за десять вечера. Быстро...

Все общались, шутили, смеялись, выпивали. Выпивали все больше и больше... Ника так вообще прикончила уже вторую бутылку вина. И как в нее столько помещается?

Влас так и не прикоснулся к алкоголю. Как и Дайна – все это время сидела и дымила электронной сигаретой.

Свечи горят.

В комнате становится уже тепло.

Серафима снимает с себя пальто.

Леся опускает голову на плечо Клима и слушает разговоры. Влас, Андриан и Эмиль что-то бурно обсуждают на пару с Мадлен и Беллой.

Они громко говорят и каждый раз хохочут. А потом запивают новой порцией – то шампанского, то вина.

– Надо чего-нибудь покрепче...

С этими словами рука Ники потянулась за бутылкой вис-

ки, которую она придерживала рядом с собой, как личный запас.

Ева молча сидела, слушала разговоры и делала маленькие глотки «Колы». Иногда она брала в руки карандаш и продолжала рисовать уродливого младенца из музея, перенося его на бумагу из своей памяти.

Денис сначала бурно общался с друзьями, но потом заметил легкую тоску на лице Серафимы и решил уделить ей внимание.

– Все в порядке?

– Да. Отлично. Они... веселые...

– Они все давно не виделись. Ты сама знаешь, как учеба на втором курсе нас прижала.

– И не говори... сплошной стресс! Анатомия, гистология, физиология, биохимия – все вместе и сразу... это лишком круто!

– Именно. Времени на подобные тусовки совсем не оставалось, поэтому они сейчас готовы отрываться на всю катушку.

И снова раздался раскатистый смех в стороне – Мадлен легла на спину и схватилась за живот. Андриан и Эмиль вытирали слезы. Влас уже потянулся за вином, но остановил себя. Белла смеялась сдержанно, не проявляя свои истинные эмоции.

– Ты все еще бухаешь? – Мадлен взглянула на подругу, Нику.

– А чем мне еще заняться?

Ника икнула и протянула Мадлен бутылку виски:

– Будешь?

– Ой... а тебе уже хватит, я смотрю...

Мадлен хотела забрать у нее бутылку, но та хищно прижала ее к себе.

– У тебя своя есть!

– Ой! Иди в баню!

Мадлен не стала бороться за трезвость Ники, осознав, что война уже проиграна. А потому оставила Нику наедине со своими радостями – алкоголем.

– Тебе хорошо? – Клим прошептал это на ухо Леси.

– Да, – она ответила пустым тоном, – просто хочется спать.

– Мы можем уйти в любой момент, если захочешь.

– Не надо. Давай останемся. Мне тут нравится.

– Правда?

– Да, с ними весело.

Лесья, устроившись поудобнее на плече Клим, прикрыла глаза, чтобы немного вздремнуть, если это вообще было возможно.

– Ты ей, значит, рассказываешь, рассказываешь все по билету, а потом она такая – это все чушь собачья, вообще не то говоришь, – смеется Мадлен.

И остальные смеются вместе с ней.

– А я такая – какого хрена!? Алло! Женщина! Я тебе толь-

ко что рассказала все тазовые нервы! Что ты от меня хочешь, дурында? А она смотрит на меня, как на дурочку. Но все равно поставила тройку! И фиг с ней! Знаю, где яйца и член, а в остальном – природа поможет.

Андриан смеется первым, а за ним – Влас, Эмиль, Белла и Дайна.

Они наливают еще.

Андриан, Эмиль и Белла дружно пьют. Вокруг них постепенно скапливаются пустые бутылки.

– А у тебя, кто принимал? – спросила Мадлен у Андриана.

– Гураев.

– Точно-точно!

– Говорит такой: «Что проходит через аортальное отверстие диафрагмы?». Я отвечаю: «Аорта». Ну, это логично! Да?! А он такой: «Помойка у тебя, а не знания – вали отсюда». И тоже поставил три и отпустил.

Все смеются.

– А что еще должно проходить через аортальное отверстие? – не понял Эмиль. – Оно же – аортальное!

– Вот и я о том же!

Все снова смеются, и Серафима слышит слабый голосок Евы:

– Лимфатической проток, вообще-то...

Но ее голос утонул в цунами хохота.

– Так! Народ! За что еще выпьем? – Андриан сел на колени и наполнил свой стаканчик вином.

– Кто еще не говорил тост? – осмотрелась вокруг Мадлен. – Эй! Денис! Давай ты?! Скажи что-нибудь эпичное!

«И что ж ее так тянет к Денису?!» – озадачилась Серафима.

Все поспешили приготовить свои стаканы, а Денис застыл на месте, опустив голову, обдумывая, что ему сказать.

– Готов, Денчик? – поторопил его Андриан.

– Да... готов.

В классе наконец повисла тишина.

Хохот прекратился. Все смотрели на Дениса, ожидая его тоста.

Подняв стакан, он начал:

– За счастье не пьют – за него борются. За здоровье не пьют – за него молятся. За любовь не пьют – ею занимаются.

Послышались тихие смешки и неловкие ужимки.

– Давайте выпьем за мечты – пусть мечты сбываются! – закончил Денис.

– Как Боженька молвил! – пропел Эмиль. – Нежно! Лако-нично! Брави брависсими! Пьем!

– За мечты! – прокричал Андриан.

– За мечты! – поддержала его Мадлен.

Серафима сделала два глотка шампанского и посмотрела на Дениса – судя по нему, он оказался вполне доволен своим тостом.

Вечеринка продолжалась.

Разговоры про учебу, экзамены и преподавателей посте-

пенно сменялись на другие темы, более жизненные и личные. Алкоголь уверенно поглощался. Особенно в этом преуспевала Ника, которая уже лежала на спине и смотрела в потолок, словно уже «познала эту жизнь».

В один момент Андриан предложил новое развлечение:

– Эй, народ! Слышите? Заткнулись и послушали!

Стало тихо.

И что он хочет услышать?

– Это метель... и за окном уже ночь! А это значит...

Пауза.

И Андриан заканчивает фразу:

– Пришло время кошмаров...

Глава 6. Страшилки в метель

– Кто начнет первый?

Немой вопрос повис в воздухе. Они поглядывали друг на друга, не решаясь заговорить.

– Давай ты, Андриан, раз сам придумал, – решил проблему Денис.

– Ох! Тогда ты будешь следующим!

Денис пожал плечами и ответил:

– Как скажешь.

Эмиль радостно зааплодировал и воскликнул:

– Вау! Страшилки! Обожаю пугаться! Обожаю страшные истории! Давай, Андрианчик, дерзай! Что б мы все тут усикались от страха! Я в тебя верю!

Андриан выпрямил спину, театрально откашлялся, постукал кулаком по груди и начал:

– Итак... эта история случилась в две тысячи семнадцатом году. Да... кажется, это было в две тысяча семнадцатом...

На самом деле дата не имела никакого значения. Все это Андриан проговорил для драматизма в стиле «ненадежный рассказчик».

– Ее звали Галочка. Галочка с улицы Пастернака. Галочка никак не могла забеременеть от своего мужа. Однажды ночью в доме раздался погром. На улице в скором времени завизжали сирены. Приехали полиция и машины «скорой по-

мощи». Она с со своим мужем... Анатолием вышла во двор. Кто-то умер. На каталке уже везли труп. Супруги встретили добродушных соседей, их звали Лидия Петровна и Николай Николаевич. Милые старички. Всегда угощали Галочку вишневыми пирогами. Они сказали, что ребенок выпал из окна. Несчастный случай. Мальчишке было от силы лет шесть. Еще один несчастный случай на улице Пастернака.

– Какой ужас! – ахнула Леся.

– Да... ужас! Именно! Бабушка осталась с внуком. Она рассказывала, что своими глазами видела, как ее внук вышел на балкон и перекинулся наружу... он просто шел и шел вперед, не останавливаясь.

– Кошмар... – томно произнесла Мадлен.

– Еще бы! Лидия Петровна стала убеждать несчастную соседку в том, что это был всего лишь несчастный случай. Но... бабушка того мальчика уверена, что ее сына прокляли. От ребенка не осталось живого места. Бедный мальчик, падая, задевал балконы и деревья. А приземлился прямо на машину и разбил своим телом лобовое стекло. Бабушка осталась безутешной. Но вот, что странно... именно в ту ночь Галочка... смогла забеременеть.

– То есть... они пошли и заделали ребенка после трагедии? – нахмурился Влас.

– О, нет! Забыл уточнить, что они уже закончили зачатие к моменту трагедии.

– Иронично, – хмыкнула Белла.

Андриан сделал глоток вина и продолжил рассказ.

– Лидия Петровна и Николай Николаевич были очень рады такому событию. Конечно, узнав об ее беременности, они угостили Галочку своим фирменным вишневым пирогом. Беременность протекала спокойно, но вот... новое несчастье. На шестом месяце Галочка вернулась домой, зашла в ванную комнату и... обнаружила тело своего мужа в петле.

– О, бабушки! – ахнула Ева.

– Да! И после смерти Анатолия все пошло наперекосяк. В доме и то и дело бились зеркала. Это случилось каждый раз, когда Галочка смотрелась в них. По ночам раздавались странные звуки. Иногда даже... звучали песни.

– Песни? – не понял Эмиль.

– Да, песни... слов, которых Галочка не понимала, как ни старалась. Половицы скрипели. Весь дом ходил ходуном.

– Это был дух ее мужа! – воскликнул Эмиль.

– Ох, Эмиль... если бы... если бы!

Андриан выдержал драматичную паузу и продолжил историю:

– Три последних месяца беременности тянулись для Галочки крайне мучительно и тревожно. Она постоянно испытывала боли в животе. Схватки? Потуги? Или просто боль? Ребенку было рано появляться на свет, но Галочка уже ощущала его дискомфорт внутри себя. Лидия Петровна и Николай Николаевич любезно заботились о Галочке. Они кормили ее пирогами, покупали ей продукты, помогали по дому.

Эта милая пожилая пара стала неотъемлемой частью ее жизни. Словно, мать и отец. Бабушка и дедушка для внука... и вот наступил момент родов...

Все приталили дыхание.

– Роды пришлось проводить дома. Принимали их у Галочки Лидия Петровна и Николай Николаевич. Роды оказались тяжелыми, болезненными. Галочка потеряла много крови и выжила, и вот... когда родился ребенок – случилось нечто... Лидия Петровна быстро забрала дитя и унесла с собой. Двое пенсионеров оставили Галочку одну в квартире, в луже крови. Она кричала. Звала на помощь. Никто не слышал. Она рыдала. У нее забрали дитя и даже не показали ей. Кое-как придя в себя, Галочка пошла в квартиру пенсионеров. Она была готова сражаться за свое дитя. Но случилось то, к чему она не оказалась готова. Ее... любезно пустили. В квартире пенсионеров собрались старики. Раздетые, они расхаживали по квартире и напевали песни... те самые песни, которые Галочка слышала по ночам. На столе стояли вишневые пироги. Разлитое по бокалам красное вино. Куча голых старых незнакомцев с дряблыми телами пиршествовала... Галочка попросила показать ей ребенка, ее отвели в комнату, где... стояла черная детская кроватка, а у нее... сидела та самая бабушка, чей внук выбросился из окна. Она сидела у кроватки и качала ее. Галочка медленно шла к детской черной кроватке. Каждый шаг давался ей с мучительной болью. Ее сердце замерло... все мысли смешались. Ей было страшно.

Что-то пугало ее, и она чувствовала, что не хочет смотреть на ребенка. Но Галочка собралась с духом и все-таки заглянула в детскую кроватку... и то, что она увидела в ней... убило ее.

Повисла тишина.

– Что? – переспросил Эмиль. – То есть... как... убило?

– Вот так! – махнул рукой Андриан и взял бутылку вина. – Она увидела своего ребенка-Антихриста и замертво упала на пол. Шок. Плюс кровотечение. Все вместе и сразу – тадам! Смерть. Конец!

– То есть... все эти люди были сатанистами? – выгнула бровь Ева.

– Именно! Ева единственная, кто поняла меня?

– Просто...

Ева опустила взгляд в свою тетрадочку.

Все ждали, когда она закончит фразу. Но Еве понадобилось время, чтобы решиться:

– Ты только что переделал историю о Розмари и ее ребенке.

– Ребенок Розмари? – переспросила Леся. – Да, я смотрела фильм. Молодец Ева.

– Очень забавно, – хмыкнула Белла, – коряво пересказать фильм, придумать всякую чушь и выдать за свою страшилку!

– Эй! – бросила в нее Дайна. – Разве не в этом вся суть? История есть история. Какая разница, откуда ее слизали? Вы хотели ужастик – получите!

– Резонно, – подметил Эмиль, – мне понравилось. Моло-

дец, Андриан! Ты меня не подвел!

– А то как же!

Андриан сделал несколько глотков.

– А вам не казалось, что во всей этой истории виноват Бог? – задалась вопросом Мадлен.

Все посмотрели на нее, как на сумасшедшую.

– Что ты имеешь в виду? – не поняла Леся.

– Ну... допустим, если дьявол – находится в подчинении у Бога. То есть они оба – противоположности. Что если... дьявол работает на Бога, и он – лишь инструмент для достижений Его целей.

Серафима задумалась об этом.

Если Бог един, и только он правит всем и решает, как всему быть... возможно, что он может управлять всем на свете, в том числе и дьяволом, который служит лишь орудием в Его руках.

– Мне кажется, что это глупо, – возразила Белла.

– А мне понравилась мысль, – выразил свою позицию Денис, – дьяволу самому должно быть очень неудобно от того, что он всего лишь исполняет волю Бога... возможно, сам того не подозревая. А те фанатики, которые служат Сатане – просто глупцы! И вот они – самые страшные.

Серафима была того же мнения.

– А ты неплохо соображаешь, Денис, – обратился к нему Андриан, – теперь твоя очередь рассказывать историю.

– Разумеется.

Серафима обрадовалась, что сейчас историю будет рассказывать Денис. Она уверена, что он придумал что-то поинтереснее, чем пересказать и искалечить сюжет «Ребенка Розмари».

– Моя история будет страшнее... потому что она реальная. Думаю, вам, ребята, понравится.

Это он адресовал всем тем, кто учился в хим-техе.

– История про смерть.

– Кто бы сомневался, – Белла сделала глоток виски.

– Никто не помнит, как ее звали, потому что она быстро умерла. Никто не помнит, как она выглядит, потому что в тот день она не пришла на занятия. Никто не помнит, на каком факультете она училась, ведь это не важно. Никто не помнит о ней вообще ничего, кроме одного... ее смерти.

– Фееричное начало! – всплеснул руками Эмиль. – Очень-очень хороший прием! Уважение!

Денис вежливо кивнул в ответ Эмилю и продолжил:

– Когда ее мертвое тело попало на стол к патологоанатомам, никто не мог понять, отчего она умерла. Вернее... причина ясна – гипоксия. Тотальная гипоксия! Она умерла из-за критической нехватки кислорода в клетках и тканях. Но... какова же причина этой самой гипоксии? Этого никто понять не мог... не могла же она просто взять и умереть?! Но, как выяснилось, именно это с ней и случилось.

– Не понимаю... – помотала головой Леся, – просто умерла? Отчего?!

Денис поднял указательный палец вверх, призывая всех слушать его дальше внимательно.

– Обстоятельства ее смерти были обнаружены после тщательного исследования места происшествия – кухни. Как я сказал, она не пришла на уроки. Готовила завтрак. По всей видимости, яичницу. Разбитые яйца лежали на столе. Но на сковороду они так и не попали... смерть наступила раньше! Что же случилось? Она проснулась, решила приготовить вкусный завтрак, начать новый день и пойти на учебу. Все, как обычно. Она поставила сковороду на плиту. Включила газ. И стала... чем-то заниматься, но явно не готовкой яичницы. Возможно, она пошла в душ? Может, ей позвонили? А может, она плохо спала и легла спать обратно? Или же она лежала в кровати, листала километры ленты в инстаграме и слушала Майли Сайрус? А может, она переписывалась со своим парнем и скидывала ему свои нюдсы? Или же заполняла свою корзину на «вайлдберризе»? Этого никто и никогда не узнает, но... сковородка так и стояла на плите, на огне. Когда же она решила вернуться к готовке яичницы и... вылила подсолнечное масло на раскаленную сковороду... вы же знаете, что происходит?

– Быщ! – Эмиль всплеснул руками.

– Верно, Эмиль! Быщ! Масло разлетелось в сноп горячих капель... одна такая горячая искра масла попала прямо в глаз! Она тут же упала на пол. Болевой шок. Сильнейший болевой шок. Спазм дыхательной мускулатуры. Гипоксия. И

смерть.

Серафима вспомнила, как им рассказывали эту историю на одном из занятий по физиологии, когда они изучали рецепторы. В том числе, болевые рецепторы и сверхсильные раздражители.

Ребята из хим-теха принялись размышлять над историей Дениса, пытаясь понять, как такое вообще возможно.

– А это реально вообще? – недоверчиво сомкнула брови Белла.

– О, да, Беллочка, весьма и весьма реально! – ответила ей Мадлен. – Пока Денис рассказывал эту историю, я вспомнила ровно противоположный случай! Если бабень из истории Дениса померла из-за болевого шока, причиной которого стала горячая капля масла, попавшая в глаз с раскаленной сковороды, то этой девке всякая боль была ни по чем! Если честно, сама я услышала эту байку от третьих лиц, так что не ручаюсь за ее правдоподобность. Но суть такая... значит, дело было в глухой деревне. От деревни до ближайшей поликлиники переться, как от Москвы до Кавказа. Так вот девке той было лет тринадцать. Деревенская жизнь, все дела – мать попросила ее зарезать курицу к ее возвращению домой. Что делать? Пришлось губить божью тварь. Мама же сказала! С горем пополам эта мадам поймала курицу, которая убегала от нее по всему огороду, предчувствуя свою неминуемую гибель. Кое-как она ее скрутила, положила на пень, прижала шею рукой, взяла топор... вы же представляете живую ку-

рицу? Они же сумасшедшие! А девка-то молодая, ручки хиленькие, слабые. Не смогла она удержать эту животину, как следует, и – ХРЯСЬ! Рубанула топором себе по руке. Лезвие ударилось в запястье, и кисть руки повисла на кровавых соплях... каким-то образом эта девка смогла перерубить себе кости! Да и черт с ними! Суть в чем? А в том, что в состоянии шока, если он был, она не чувствовала боли! Или у нее болезнь такая, что она боли совсем не испытывала? Короче, эта мадам с обрубком руки, висящим на лохмотьях, протопала десять километров до поликлиники, заявила в регистратуру и такая выдала: «Полечите меня».

Эмиль не сдержал восторга. Его прорывало от смеха.

– Божечки! Поверить не могу! Реально?

– Да-да! Я ж рассказала!

– Вау! Вот же бывают такие случаи! Обалдеть! Умереть ни встать!

Какое-то время ребята обсуждали рассказы Дениса и Мадлен. Они высказывали свои теории и сомнения по поводу того можно ли умереть или выжить после таких болевых шоков.

Серафима пропустила добрую половину их дискуссий мимо ушей. Она вернулась к реальности, когда Денис толкнул ее в бок.

– Серафима, может, расскажешь ребятам про свой сон, который ты сегодня видела? Мне очень понравилось!

«Он в своем уме?»

Она смотрела в глаза Дениса, не в силах поверить своим ушам!

Еще на улице он извинялся за то, что заставил ее вспомнить и пережить свой сон. Тот кошмар и так весь день не выходит у нее из головы! Она уже почти забыла его, так нет же! Опять напомнили!

– Вау! Люблю слушать про чужие сны! Они такие интересные! – среагировал Эмиль. – Прошу, Серафима, расскажи! Умоляю!

– Давай, им понравится, – Денис снова подталкивал ее рассказать сон.

Но она не хочет!

Она совершенно не хочет рассказывать компании совсем не знакомых ей людей о таком... личном кошмаре, который она пережила минувшей ночью.

Но эти люди оказались неумолимы! Все вместе и каждый в отдельности просили Серафиму рассказать про сон.

Она не выдержала такого напора и сдалась.

– Хорошо. Я расскажу.

И Серафима одарила Дениса гневным оскалом.

Ох, он у нее поплатится за это!

От нее еще никто не уходил безнаказанным.

Серафима рассказала сон. И про то, как она ползла по снегу к воротам анатомички, и про то, как ее встретил в холле Денис, а потом дал ей стакан кофе, чтобы она согрелась. И про то, как она вылила себе этот кофе на голову и на лицо.

И про то, как Денис отвел ее к зеркалу, в котором она увидела искаженное выражение своего лица и расплывающиеся глаза с маленькими зрачками. И про жуткий смех Дениса, который постоянно аукается у нее в голове. Она рассказала все то же самое, что уже слышал от нее Денис. Серафима умолчала только об одном.

Она никому и никогда не расскажет про кровавую надпись, появившуюся на треснутом зеркале: «Ты умрешь первая».

– Вот же черт! – вырвалось у Власа. – Это очень жутко... все эти штуки с изменением внешности – полная дичь.

– Согласна, – кивнула Леся, – я как представила – меня сразу передернуло.

– И часто тебе сняться такие страсти, Серафима? – обратился к ней Эмиль.

Она покачала головой в ответ:

– Это был первый раз.

Это ложь.

Серафима частенько видит подобные кошмары, и этот не был исключением. Такой же жуткий и такой же безумный, как и остальные.

– А мне сны не снятся, – потянулась Белла, – и я очень рада. Сплю всегда спокойно, как младенец.

Хотела бы и она, Серафима, спать спокойно.

Но ее участь совсем иная.

Тема сна Серафимы в скором времени исчерпала себя.

Пришло время истории от Клима.

– Это не будет ужастик. Скорее, суровая правда. Реальность, которую многие отказываются видеть. Сейчас я расскажу о том, что подстерегает мальчиков в школе, в отличие от девочек. Вы много не знаете, девочки. Конечно, я искренне надеюсь, что сейчас такое в школах не происходит, но в мое время... это было.

– Клим, – Леся посмотрела на него и погладила по спине, – я чего-то не знаю?

– Я тебе об этом не рассказывал. Не было подходящего времени. Сейчас... думаю, самое время рассказать о том, какие вещи могут происходить в школах среди мальчиков на самом деле.

Клим говорил слишком серьезно. Все заметно напряглись. Шутки и улыбки тут же исчезли. Клим выглядел слишком мрачным, погружаясь в кошмарные воспоминания прошлого.

– Так было в моей школе. Не в той, в которой мы с вами учились. Я же приехал к вам в старших классах. А то, что я хочу рассказать, случилось раньше. В общем... во многих школах есть банды. Это группа парней, которых я называю "держателями". Они «держат» районы и территорию в школе. О них многие знают, но никто ничего не может предпринять. И сейчас я расскажу, почему это происходит. Учителя... ничего не видят. Или видят, но не могут или не хотят принимать решения и участвовать в этом. В классе на заня-

тиях все хорошо. Они ведут себя прилично. Но... когда звенит звонок – они выходят на охоту. Они находят слабых, загоняют в угол, в туалеты и начинают... угрожать и бить. Зачем? Просто так. Развлечение. Косо посмотрел на них – тебе конец. Сказал что-то лишнее – тебе конец. Имеешь что-то против них – тебе конец. Пожаловался родителям или учителям – тебе конец. Они найдут тебя. Не в школе, так на улице. Загонят в пустое место и покончат с тобой в два счета. От них не скроешься. Либо ты с ними – либо ты против них. Если ты в банде, то должен соблюдать их правила и порядки. Пропускать учебу. Участвовать во всех «стрелках». Выполнять свои обязательства. Если же ты не в банде – ты – изгой. Ничтожество. Пустое место. Никто. Тебя просто побьют. Ни за что. И я видел это... я видел, как били моего друга у меня на глазах. Его повалили на пол прямо в школе и начали пинать. Все семеро. Его били по животу, рукам, ногам, голове, спине – всюду. А я стоял... и смотрел... если я вмешаюсь... если попытаюсь их остановить – лягу рядом. И буду избит. Они никого не щадили. Однажды зимой они до смерти забили бомжа коньками, который дремал недалеко от катка. Вот так просто... забили бомжа коньками до смерти. Страшно провожать девочку до дома вечером. Ты ее проводишь до подъезда, она уходит домой, а потом... банда выходит из-за угла. И у них при себе есть самострелы и ножи. Бежать? Ну... попробуй! Ты все равно не убежишь далеко... пожалуешься кому-то – заплатишься за это.

– Тебя били? – тихо спросила Леся.

– Один раз... да и то не сильно. Разбили нос в кровь и оставили лежать на лестнице в подъезде. Меня не трогали особо... мама работала в школе. Она могла меня защитить. Но других... других никто не мог защитить. Рано или поздно банда найдет тебя. Они сделают все, что захотят. Их месть... свершится вопреки всему.

Серафиме стало беспокойно от этой истории. Сама она и подумать не могла, что такие ужасы могут происходить в школе.

Если рассматривать жизнь мальчиков с подобной стороны, она бы не хотела оказаться на их месте.

Она взглянула на Дениса, и по его взгляду ей стало понятно, что... Клим говорит правду. Подобные вещи происходят. Часто. Во многих местах. Чаще, отдаленных.

Серафима поймала себя на мысли: «Если мой сын придет ко мне в плохом состоянии, или заплачет, или я буду видеть, что... что-то не так... я не оставлю этого без внимания. Если нужно – сменим школу, сменим город... я все сделаю, чтобы его защитить. Клим сказал, что жаловаться нельзя. Попытаюсь угрожать банде – моего сына забьют, если не завтра, то на следующей неделе. Они найдут его... чтобы отомстить за то, что я сделала».

– Чудовищно...

Эмиль сказал это слишком тяжело.

Своей интонацией он привлек внимание ребят к себе.

– А тебя... били Эмиль за то, что ты... такой, какой есть? – осторожно спросила Леся.

Ему не требовалось отвечать.

Его взгляд говорил обо всем.

– Кто-нибудь еще что-нибудь хочет рассказать?

Андриан пытался развеять напряженную обстановку в классе. Его внимание привлекала тихая Ева, и он обратился к ней:

– Ева, есть история?

Та ответила почти сразу, чем сильно удивила Серафиму.

– Да, есть кое-что. Истории эти совсем не страшные, но их смысл... вот, что заставляет меня задумываться о жизни. Речь пойдет о судьбе. Вы верите в то, что все в нашей жизни предрешено заранее? Или же мы сами изменяем свою судьбу, принимая те или иные решения? Или же... наш выбор – это лишь иллюзия выбора? И мы сами обманываем сами себя? В детстве я увлекалась мифами Древней Греции. Изучая их, я наткнулась на то, что древние греки интересовались вопросами судьбы и рока. Это был особый предмет интереса их философии. Возможно, вы знаете... Мойры, Анаке, Айса, Тихе – все имело двоякое значение. Очень часто герои мифов слышали пророчества и пытались их избежать. Но зачастую сами становились непосредственными участниками исполнения этих пророчеств. Мойр пытались обмануть не раз и не два, но богиня Ананке никогда не идет на уступки и всегда следит за их работой и за тем, чтобы не было никаких

промахов. Ананке отвечает за неизбежность происходящего в мире. А ее дочери Мойры – за жизнь людей и их судьбы. Лахетис определяет, какой жребий должен выпасть человеку. Клото прядет нить жизни, а третья сестра, Атропос, отрезает эту нить в тот час, какой назначен судьбой. Лаю была предсказана смерть от руки своего сына. Он велел своей жене оставить ребенка на горе, но его спасли пастухи. Сына звали Эдип. Он попал в руки царя Полиба, и тот воспитал его, как собственного сына. От Оракула в Дельфах Эдип узнал, что ему суждено убить отца и жениться на матери. Он отправился в путешествие и по пути убил незнакомого знатного мужчину. Это и был Лай, его отец. Разгадав загадку Сфинкса, Эдип освободил Фивы и был провозглашен царем. Так, Эдип стал супругом Иокасты, своей матери. Так пророчество было исполнено... Тайна вскрылась, и Иокаста совершила суицид, узнав какой грех кровосмешения свершила. Эдип, рыдая над трупом своей матери-жены, проколол себе глаза золотыми застёжками. Это стало ему наказанием. Еще одно пророчество... Похожая история случилась с Персеем. Царю Акрисию было предсказано, что он умрет от рук своего внука. Поэтому Акрисий избавился от него и своей дочери Данаи, заколов их в ящике и спустив в воду. Они прибыли на остров Серифос. Полидект, местный правитель, попросил Персея принести ему голову Медузы Горгоны. Пресей начинает свое путешествие и выполняет просьбу правителя. Полидект берет в жены Данаю. Персей поклялся ни при каких

обстоятельствах не убивать своего деда Акрисия. Тот поехал на остров, чтобы проведать дочь и внука. Пока Акриси́й был в пути, Полидект умер. И во время погребальных игр Персей бросает диск, который случайно попадает в Арксисия и убивает его, как было сказано в пророчестве. Суть в том, что Персей не собирался убивать своего деда, но пророчество неотвратимо свершилось. И действия героев истории никак не могли предотвратить предсказанную трагедию. Греки вообще верили в то, что во всех своих бедах виноват не только сам человек, но и связь всех членов семьи. Всего рода! Потомкам необходимо искупить грехи и вину своих предков. Далеко ходить не надо! Можно вспомнить «Орестею» и проклятие рода Атридов, которое берет свое начало с Тантала, который накормил богов мясом своего сына. Боги, конечно, вернули его сына Пелопа, но без лопатки. Там вообще сложная история! Лопатку съела Деметра, потому что сильно тосковала по исчезнувшей дочери Персефоне. И род Атридов расплачивался за преступление против богов Тантала, своего предка. Как бы люди ни старались избежать кары, судьбы и рока... предназначение настаивает каждого. Всех ждут наказание и исход, который был выбран для них с самого начала. Именно в этой мысли «ужас» моей истории. Вам еще не страшно? Не страшно осознавать, что вы вообще не управляете своей жизнью и лишь обманываете самих себя, создавая «иллюзию» выбора?!

Пока Ева говорила, ее никто не перебивал. Анатомиче-

ский класс погрузился в полную тишину. Раздавался лишь вой ветра за окном. Снег отчаянно колотил по стеклу, наме-реваясь проникнуть внутрь.

Серафима не ожидала подобных глубинных познаний от Евы, хотя... стоило ожидать! Серафима уже поставила на Еве клеймо «отличницы» – очевидно, что она также хорошо разбирается в чем-то еще, а не только в медицине.

У всех свое хобби.

И все же мифы, о которых Ева рассказала им, заинтересовали Серафиму. Все сложилось именно так, как и было пред-сказано.

А что если...

Ее жизнь и ее исход предрешены?!

«Ты умрешь первая» – вот ее пророчество.

Самое страшное...

И самое неприятное!

Черт возьми!

Эта Ева своими мифами ее изрядно напугала покруче, чем дурацкая история Андриана!

– А ты неплохо разбираешься в этой всей древности, – подметила Мадлен.

– Просто хобби с детства.

– И почему не пошла на гуманитарий?

– Да так...

Ева просто пожала плечами.

Серафима могла догадаться. Для Евы эти мифы – про-

сто увлечение. Она не стала делать из этого свою будущую профессию. Конечно, она могла стать учителем истории или просто историком, экскурсоводом по музеям, посвященным Древней Греции. Но... все случилось в ее жизни иначе.

И Серафима ее не винит. У нее самой были свои мечты, и вот... она здесь.

Судьба?

Или чья-то злая шутка?

– У меня прямо мурашки пошли от этих историй! – Эмиль весь поежился и накинул на себя оранжевую куртку.

– В таком случае, Эмиль, у меня есть для тебя и для вас всех кое-что, что заставит вас напугаться еще сильнее...

Андриан, пустив эту загадочную фразу, поднялся с места и направился к своему рюкзаку.

– Мы сейчас находимся с вами в анатомичке, где полно частей трупов. Куски мертвых людей.

«Куски мертвых людей» – Серафиму чуть не стошнило от такой фразы.

– Возможно, органы поддерживают какую-то связь со своими владельцами? Мы можем попробовать с ними связаться.

– О чем ты, Андриан? – напрягся Клим.

– О, духах...

– Духах? – переспросила Мадлен.

– Каких еще духах? – фыркнула Белла.

Андриан наконец вытащил эту вещь из сумки и показал всем, добавив:

– Духах, которые хотят с нами связаться...
Это была доска для спиритических сеансов.

Глава 7. Шепот демона

– Какого черта, Андриан?! – Клим тут же вскочил с места.

– Мне это тоже не нравится, – Леся заметно напряглась, поддерживая своего возлюбленного.

– Зачем ты это взял с собой?

На этот раз беспокойство выразила сама Дайна, подходя к Андриану и взглянув ему прямо в глаза.

– Ой, ребята, бросьте! – махнул рукой Андриан. – Это всего лишь игра. Мы же не проводим тут никаких сатанических ритуалов!

– Но это не шутки, Андриан! – настаивала Леся. – С такими вещами не играют...

– Похоже, фильмы Джеймса Вана его ничему не научили, – сложила руки на груди Белла.

Андриан оставался непреклонен под натиском друзей. Его не убедили даже слова Дайны. Взяв доску для спиритизма, он внес ее в круг, разгреб пустые бутылки и поставил ее в самый центр.

– Ничего не случится, это просто шутка, ребята! Что скажешь, Денис?

Серафима взглянула на него.

Тот на мгновение замер и напряженно сглотнул, глядя на деревянную доску с буквами и треугольничком с круглым отверстием в центре. Он смотрел на эту доску так, словно

именно ею забили насмерть всю его семью.

– Я останусь солидарен с ребятами. Андриан, это плохая идея... я сам сторонюсь подобных вещей. Мало того, что мы заперлись в анатомичке, так теперь еще и это...

– И ты туда же! Какого черта со всеми вами происходит? Где ваш азарт? Влас! Неужели, и ты трусишь?

Все взглянули на Власа. Тот расслабленно прогнулся назад, опираясь руками о пол.

– Я вообще равнодушен к таким вещам. Честно. Не верю и все тут. Это просто предрассудки. И эта доска – простой кусок дерева. Он никому никакого зла никогда не сделает. Зло в людях.

«Зло в людях» – аукнулось в голове Серафимы.

Она вспомнила историю Андриана, напоминающую фильм Полански. Ее разила мысль – зло таилось не в дьяволе, не в Аде, не в Антихристе... оно в людях, которые поклоняются нечистым силам. Именно от людей исходит вся опасность, все зло и вся жестокость, которую они несут в мир. Существование дьявола, как и бога, является предметом вечной дискуссии, но вот люди... люди во имя своей веры способны на многие вещи... жестокие вещи...

От этой мысли по ее спине пробежала дрожь.

Может, Влас прав, и эта доска – кусок деревяшки, – но ее, Серафиму, саму колотит от одного вида этой штуки. Может, все эти стереотипы навязаны фильмами ужасов и американскими сатанинскими horror-story?

Важна не доска... а тот, кто ею управляет.

Это может быть только человек, не иначе... правда ведь?

– Ой, Андриан! Какие они все скучные! – вступил в полемику Эмиль. – Неужели, вы серьезно так испугались простой доски с буквами? Она, между прочим, никому ничего не сделала! Лежит вот, как новенькая, смотрит на нас, а вы ее боитесь.

– Я тоже считаю, что это полный бред! – кивнула Мадлен. – Давайте попробуем вызвать духов! Это же просто весело! Чем же еще заниматься в таком памятном месте, а? Правда, Ника?

Но Ника уже находилась на границе пьяного сна. Ее качало из стороны в сторону, как неваляшку, а потому ждать от нее внятного ответа бессмысленно.

– От судьбы не уйдешь, – пожалала плечами Ева, – чему бывать – того не миновать. Какое бы решение мы сейчас ни приняли...

– Давайте попробуем! Ну же! – подзадоривал всех Эмиль.

Клим и Леся смотрели друг на друга. Серафима заметила этот настороженный взгляд – Леся отчаянно не хотела, чтобы Клим соглашался на эту жуткую авантюру.

Но Клим... взглянув еще раз на «доску раздора», сдался перед аргументами остальных.

– Была ни была! Скорее всего, вы все правы – это просто глупая шутка. Давайте попробуем вызвать духа! Вдруг чего получится?!

– Боже! Клим! Не верю!

– Леся!

– Мое мнение для тебя вообще что-то значит?

Леся для Серафимы раскрывалась с совершенно другой стороны. Вступив в напряженный диалог с Климом, ее маска спокойствия и безразличия ко всему окружающему резко раскололась на мелкие куски!

Голос Леси набрался небывалой прежде сталью.

– Леся, подумай сама. Это же ничего не значит! Совсем! Это просто игра для таких вечеринок. Что может случиться? Я же с тобой!

– Не имеет значения: вызовем ли мы дьявола или будем читать матерные слова, которые нам «напишет» Андриан. Дело в тебе! Почему ты не поддержал меня сейчас и так прогнулся? Что с тобой?!

– Леся... да ничего я не прогибался!

– Еще как прогнулся, – язвительно подметила Белла, – поджал хвост перед всеми нами, как щенок.

– Заткнись! – шикнула на нее Леся.

– Эй! Не смей так с ней говорить! – вырвалось у Власа.

– Полегче-полегче, ребята! – ворвался Эмиль. – Давайте не начинать мордобои. Это потом. А сейчас нас ждут духи. Уверен, они уже хотят с нами пообщаться. Правда, Андриан?

Серафиме вся эта ситуация показалась крайне неприятной. Леся взъелась на Клима, Белла не смогла сдержаться и вставила свои пять копеек, затем Леся огрызлась на нее, и,

конечно, Влас не мог оставаться в стороне, заступившись за девушку.

Только вот Клим...

– Почему ты опять молчишь?! – Леся снова напала на него.

– А что... Леся... ты же...

– Ох, черт! Хватит! Молчи уже! Сил моих нет!

Денис и Серафима переглянулись. Все происходящее для остальных ребят создавало неловкую обстановку.

– Давайте уже играть!

Кто это сказал?

Леся.

Она окончательно сдалась и уселась на свое место.

– Ура! – зааплодировал Эмиль. – Лесечка, моя нежная, не злись ты на Клима. Мальчик просто хотел поиграть с нами. Только и всего. Уверен, что твое мнение для него на первом месте. Просто эта ситуация... не из тех...

– У него все ситуации «не их тех», Эмиль, – отрезала Леся, – черт с вами! Не хочу больше об этом говорить. Играем!

– Все готовы? – обратился к остальным Андриан.

– А у нас есть выбор? – усмехнулась Белла.

Выбора не было.

Играть пришлось всем.

Пока Андриан, Клим и Мадлен убирали весь мусор с центра круга, чтобы освободить больше места для спиритического сеанса, Леся и Дайна постреливали друг в друга мно-

гозначительными взглядами, тайный смысл которых был известен лишь им одним.

Андриан и Мадлен поставили рядом с доской пять свечей, чтобы ярче осветить высеченные в дереве буквы.

Все уселись поближе к центру, чтобы дотянуться руками до доски. Они прижались так близко... Серафима поймала себя на мысли, что это была почти интимная близость. Так тесно с людьми она еще никогда не сидела.

– С чего надо начинать? – поинтересовался Эмиль у Андриана, словно тот – профессиональный экстрасенс, который каждый день за завтраком общается с духами.

– Для начала, давайте все коснемся треугольника. Думаю, можно касаться друг друга, ведь нас много. Все руки на доску!

Началось...

Они потянулись вперед. Андриан первый положил пальцы на треугольник, а остальные касались его руки сверху. Главное, чтобы руки не перекрыли круглое отверстие в центре треугольника, внутри которого будут появляться буквы.

Серафима заметила, что эта доска ничем не отличалась от тех, что были в тех фильмах ужасов. Где Андриан ее раздобыл? В магазине приколов? По краям высечены странные рисунки ангелов и демонов и непонятные иероглифы. На доске виднелся весь алфавит, а также слова «да» и «нет» на противоположных краях.

– Нужно начать спрашивать, – пояснил Андриан, – тогда

метка двинется с места, и мы узнаем ответ. Давайте что-нибудь простое для начала...

Андриан сделал короткую паузу, собрался с мыслями и спросил:

– Здесь кто-нибудь есть, кроме нас?

Ожидание.

Ничего не происходит, и вдруг – Серафима сама не поняла, что происходило, – руки задвигались.

Треугольника скользил по доске в правую сторону, к слову «да».

– О, божечки! – воскликнул Эмиль. – Кто это двигает?

– Андриан. Чего тут не понятно? – ответила ему Белла.

– Я ничего не делал! – возмутился Андриан.

– Да-да... конечно!

Как бы там ни было, они получили ответ на свой вопрос.

Они здесь не одни.

– Ты один? – задал второй вопрос Андриан.

Как и в первый раз, сперва какое-то время ничего не происходило. Спустя несколько секунд, руки зашевелились. Треугольник под их пальцами переместился в противоположную сторону.

– Нет, – прочитала Дайна.

Не один...

– Вас много? – задал новый вопрос Андриан.

Ответ последовал почти сразу. Треугольник переместился в другую сторону, к слову «да».

– Что еще спросить? – обратился ко всем Андриан.

Ответ дала Леся:

– Есть ли у Клима яйца?

Влас и Андриан тут же завыли, а Эмиль пошел еще дальше и посмеялся:

– А ты еще не знаешь?! Моя ты нежная! Так у вас все только начинается! Какие сладкие!

– Леся, – Клим посмотрел на нее с упреком, – прекрати.

Но Леся никак не среагировала. Она игнорировала Клима так же, как слова Эмиля.

– А теперь серьезно, – повторил Андриан. – Что будем спрашивать?

– Давно они здесь? – предложила Ева.

И все замолчали.

Они ждали ответа.

Треугольник покачнулся.

Ответ – «да».

– Давно, – повторила для себя Ева.

– Вы – духи тех, чьи тела отдали для изучения студентам? – спросила Мадлен.

Треугольник переместился.

– Нет, – прочитала Белла.

– Ох... а кто же они? – напряглась Дайна. – Не нравится мне это... Андриан!

– Спокойно, Дайна, спокойно! – Андриан и сам заметно напрягся. – Что бы вы понимали... я ничего не двигаю!

Серафима смотрела на него и не могла понять: врет он или нет. Если Андриан не двигает треугольничек, то кто?

Любой... кроме нее.

– Может, речь идет о тех, кто жил здесь до того, как это здание стало анатомичкой? – предположила Мадлен.

– Давайте спросим, – согласился Денис, – может, они здесь уже несколько столетий?!

– Этого не может быть! – отрезала Серафима.

– Почему же? – не поняла Леся.

– Потому что это здание изначально построили, как кафедру нормальной анатомии. Оно изначально строилось с этой целью.

– Точно! – нахмурился Денис. – Моя версия была глупая. Но... как же тогда узнать, кто они?

– Спросить, – легко ответил Андриан.

Все смотрели на него.

– Вы были людьми?

«Странный вопрос» – подумала Серафима.

Ответ же очевиден!..

– Нет, – раздался голос Эмиля.

– Что?! – ахнула Мадлен. – Как это возможно?

– Андриан! Ты нас запутал! – высказался Влас.

– Вы не понимаете?! – Андриан повысил голос. – Я ничего не двигаю! Черт... я сам не понимаю, что происходит!

На этот раз Серафима была готова ему поверить. Андриан весь залился потом. Его глаза хаотично бегали по кругу.

– Вы мертвы? – задала Леся свой вопрос.

Все сосредоточились на доске.

Они ждали, когда же метка двинется с места...

Долгое время ничего не происходило, как вдруг...

Движение влево, и ответ:

– Нет, – ахнула Дайна.

– Что за черт?! – Мадлен начала переживать. – Мне уже нехорошо!

– Может, им нужно выпить? – пошутила Ника, приходя в себя.

– Не смешно! Это чертовщина какая-то!

– Бросьте, ребята, – заговорила Белла, – какой вздор! Кто двигает метку? Признавайтесь!

Они смотрели на Андриана.

И тот уверенно отрицал:

– Да не я это! Не я! Как вы не можете понять?! Давайте кто-нибудь другой поставит руки на метку! Я ее не двигаю! Отвечаю!

– Давайте я поставлю руки, – предложила Леся, – уж я точно двигать ничего не буду.

Спорить не стали. Они быстро поменяли расположение рук. Теперь пальцы Леси касались метки.

– Что спрашиваем? – обратилась она ко всем.

– Мы так и не поняли, кто они, – озадачился Денис.

– Быть может... иногда лучше не знать каких-то ответов? – предложила Серафима.

– Я согласна с тобой, – кивнула Ева, – давайте спросим что-нибудь еще. Более нейтральное.

– Что, например? – не поняла Мадлен.

Эмиль предложил:

– Что ждет нас впереди?

– И к чему этот вопрос? – помотала головой Дайна.

– А почему бы и нет?!

Решать все равно Лесе.

– Ладно, давайте. Я спрошу.

И она повторила вопрос Эмиля:

– Что ждет нас впереди?

Ничего не происходило очень долго, из чего Белла сделала вердикт:

– Я же говорила, что Андриан постоянно двигал...

Но не успела она закончить, как движение началось!

– Что ты делаешь? – Клим спросил у Леси.

– Ничего! Клим! Я ничего не делаю! Оно... само...

Метка потянулась к алфавиту.

– Первая буква! – воскликнул Эмиль. – «Г»!

– Кто-то должен запоминать все буквы, чтобы потом прочитать ответ, – вовремя сообразила Дайна.

– Давайте я! – предложила свою кандидатуру Ева.

Спорить не стали.

Вторая буква...

– «Р»! – сказала Серафима. – Вторая буква «Р», запомни-най.

– Хорошо! – кивнула Ева.

А потом метка начала двигаться быстрее и быстрее. С каждой новой буквой.

– «Е»!

– «Х»!

Серафима прочитала в мыслях слово: «ГРЕХ». Но метка... продолжила двигаться.

– Еще буквы!

– «О»!

– «П»!

– «А»!

Серафима в этот момент сбилась с толку.

Она начала забывать все предыдущие буквы, а новые никак не складывались у нее в слово.

– Какого черта?! – рявкнул Влас.

– Как это происходит? – ужаснулась Мадлен.

Все занервничали.

– «Д»!

Стало не до смеха.

Они понимали, что, скорее всего, Леся не двигает метку, а значит...

– «Н»!

Еще буквы...

– «И»!

Метка двигалась...

– «Е!»

И замерла.

Тишина.

Они дружно выдохнули.

– Я окончательно запутался! – пожаловался Эмиль. – Что за слово у нас получилось? Кто-нибудь понял?!

Они смотрели на Еву, ведь именно на ней лежала ответственность за правильное прочтение целого слова.

– Я смогла все запомнить, – ответила Ева, – сначала подумала, что на слове «грех» все закончится и уже расслабилась, но... потом, вы сами видели, появились новые буквы.

– Так что за слово?! – не выдержал Андриан.

Ева сглотнула.

Она не сводила дрожащего взгляда с доски.

И сказала:

– Полное слово – «ГРЕХОПАЕНИЕ».

Глава 8. Смех и грех

– Срань Господня! Хватит! Все, Андриан! Довольно! Убирай прочь эту дрянь от нас!

Первая вскочила Дайна и переполошилась.

Серафима впервые увидела ее на взводе. Похоже, жуткое пророчество, происхождение которого оставалось для всех мрачной тайной, произвело на нее неизгладимое впечатление.

– Мне всегда не нравилось, что ты увлекаешься подобными вещами!

– Какими такими «вещами», Дайна? – полюбопытствовал Эмиль.

– Да вот этим всем! Спиритические доски, оккультизм, фильмы про сатанизм! Боже! У меня такое чувство, что я встречаюсь с фанатиком! Хватит, Андриан. Довольно. Я тебе и так не прошу, что ты притащил это дерьмо на нашу вечеринку.

– Дайна! Успокойся, – Андриан поспешил обнять свою девушку, – это же просто глупая шутка. Ничего страшного не...

– «Не случилось» ты хочешь сказать?! А это откуда?!

Она указала пальцем на доску.

– Слово. Откуда оно? Какого хрена у нас получилось это слово? Леся? Нет! Не верю! Она не стала бы его писать! Кто

тогда? Признавайтесь или я сейчас... я...

– Никто не писал это слово, Дайна, – покачала головой Мадлен, – оно... само получилось... я сама в шоке! Сижу вот... и не понимаю, как такое возможно...

– Это так! – вступил в разговор Влас. – Если бы кто-то решил так пошутить, то... шутка затянулась. Я уверен, что виновник давно бы признался в своей шутке. Сейчас мы все на взводе. Это не могло же быть...

Странная мысль разила всех в один момент. Их головы синхронно повернулись в сторону Ники. Та уже крутила в руках очередную бутылку вина, пытаюсь понять, с какой стороны ей лучше начать пить.

– Это не она, – отрезала Белла, – она слишком пьяна, чтобы ловко изобразить подобное... Лично мне уже осточертело это обсуждать. Давайте займемся чем-нибудь другим, а?

Ее идею поддержали все. Никому не хотелось и дальше продолжать размышлять на тему злых духов, поселившихся в этих стенах. Признать это – равносильно признаться самому себе в безумии.

Андриану пришлось убрать доску для спиритизма обратно к себе в рюкзак, подальше от раздраженных глаз.

– Что ты думаешь об этом? – Серафима решила узнать мнение Дениса.

– Не знаю, – он пожал плечами, – как и для тебя – это большая загадка для меня. Что бы ни случилось... я надеюсь, что уже все закончилось. И ничего подобного не повторится.

«Было бы хорошо», – подумала Серафима.

Не повторится...

«Грехопадение».

«Ты умрешь первая».

Какие еще пророчества будут пугать ее сегодня?

– Ты уже не злишься на меня? – Клим попытался приобнять Лесю, но та не позволила ему это сделать и убрала его руку со своего плеча.

– Злюсь.

– Злишься?

– Да. Имею право. Но я все равно люблю тебя, идиот. Это... сложно объяснить. Я чувствую к тебе злость. Сильную злость. Но при этом я не перестаю тебя любить.

– Это нормально, – высказалась Мадлен, – сама подумай, как часто такое бывает! Родители порой тоже злятся на своих детей – какие они невоспитанные или... тупые! Но при этом не перестают их меньше любить.

– Действительно, – кивнул Эмиль, – мы также можем злиться на своих родителей за то, что они нас не понимают... или запрещают нам что-то... по всяким причинам! Но при этом мы все равно их сильно любим. Верно?

– Да, – согласилась Дайна, – это вполне естественно: злиться на человека и любить его одновременно. Я вот, к примеру, сейчас сильно злюсь на Андриана за то, что он притащил эту деревяшку сюда...

– Да, перестань! Дайна! – не выдержал Андриан.

– Заткнись! Да, мне это не нравится. И всегда не нравилось, но при этом...

– Ты любишь меня?

– Все зависит от твоего поведения.

После этих слов в комнате повисла натянутая пауза. Они переглядывались друг с другом какое-то время, и в один момент всем стало слишком весело. Они не сдержали свой дружный смех.

Почему они смеялись?

Никто не мог понять.

Им просто стало весело. И никаких причин на это не требовалось.

Все прошлое превратилось в нелепую шутку.

Дружное веселье смогло разрядить напряженную обстановку, воцарившуюся после экспериментов со спиритической доской. Даже Серафима почувствовала, что может дышать легче.

Компания снова продолжила выпивать. Дайна задымила электронной сигаретой. Ева продолжила рисовать что-то в своей тетради. На этот раз она сильнее прижимала тетрадь к себе, чтобы никто не увидел ее рисунка. Леся простила Клима, и теперь снова лежала у него на груди. Еще несколько глотков спиртного их окончательно расслабило. А что касается Ники... за нее Серафима переживала сейчас больше всего. Ника выпила больше всех и уже лежала на спине, вращая в руке опустошенную бутылку красного вина. Пройдет

время, и она возьмет новую бутылку, чтобы пригубить ее, как остальные.

– Что у нас дальше по программе, Андриан? – обратился к нему Денис.

– О, давайте повеселимся!

– А мы что все это время делали? – хихикнула Мадлен.

– Эмиль! Ты, помнится мне, говорил, что собираешься пойти на «стендап»? Я же не ошибаюсь, верно?

– О, да! – взбодрился Эмиль. – После каникул будут новые выступления, и я хотел записаться, чтобы проверить свои силы.

– Серьезно? – удивилась Леся. – Ты нам не говорил.

– Прости, Леся, это были мои... тайные планы, которые Андриан так безжалостно раскрыл!

– Вау! «Стендап»! Обожаю! – похлопала в ладошки Мадлен. – Расскажи нам свое выступление! Проверь шутки на нас! Ну, пожалуйста, Эмильчик! Ну, давай! Посмеши нас!

К Мадлен присоединились остальные. И вот уже вся компания уговаривала Эмиля выступить перед ними со «стендапом».

– Ладно, ладно, мои нежные, уломали. Так и быть, мои хорошие! Все ради вас, мои дорогие, все только ради вас!

Раздались бурные аплодисменты и восторженные оклики. Эмилю вручили пустую бутылку от шампанского в качестве импровизированного микрофона. Ева на время отложила свою тетрадь, перевернув ее страницами вниз. Андриан

достал свой телефон и принялся снимать Эмиля на камеру.

– Давай, Эмильчик! Жги! – бросил он.

Его поддержали новой волной аплодисментов.

Эмиль, попрыгав с бутылкой на месте, размял немного шею и губы, сделав несколько импровизированных упражнений.

Затем они подарили Эмилю тишину и принялись слушать его выступление.

– Боже, как тихо... так неловко!

– Давай-давай, Эмиль! – поддержал друга Клим. – Мы в тебя верим!

– Спасибо, мой хороший. Я начинаю!

– Ура! – визгнула Мадлен.

Снова тихо.

И Эмиль начал:

– Всем привет! Меня зовут Эмиль, и я – открытый гей!

Аплодисменты.

– О, да, благодарю! Благодарю! Каждый раз, когда я заявляю об этом, люди начинают реагировать примерно так же. Хлопают, ликут, как будто это мое самое большое достижение в жизни! А я всего-навсего «выиграл» в генной лотерее. О, да... ту гонку сперматозоидов я никогда не забуду! Наверное, это единственная гонка в моей жизни, когда я пришел к финишу первый.

Мадлен, Ника и Ева посмеялись из уважения. А Андриан и Влас громко захлопали.

– Сейчас активно ведутся споры на тему того, откуда берется вся эта ориентация. Оспаривают пропаганду, как будто она может сделать из вашего ребенка гея. Многие считают, что геи – это больные люди. Ребятунки мои хорошие, болезнь нельзя пропагандировать. Понимаете? Нельзя пропагандировать подагру. Ах, какая замечательная подагра! Очень рекомендую! Сам вот недавно опробовал, такие шишечки прикольные на руках! Нет! Мои нежные, гомосексуализм нельзя пропагандировать. Геев видно в толпе. И я прекрасно их вижу. Кто-то может подумать, что у меня в очках встроена секретная функция – гей-GPS. Уверяю, все намного проще. У меня просто плохое зрение от того, что много мастурбирую. А что касается поисков гея на улице, то тут действует простое правило: рыбак рыбака видит издалека. Поверьте! Мы прекрасно знаем, кто гей, а кто нет. И от нас не скроешься за брутальной маскулинностью или даже за спиной жены. О, да, мы даже до ваших мужей доберемся. Так и знайте, лживые гетеросексуалы! Так, что не обольщайтесь, если ваш муж с радостью пользуется масочками для лица и каждую пятницу бегают к Андрюше на маникюр. Знаем мы, какой маникюр они там делают.

Эмиль задорно подмигнул.

После этой шутки многие посмеялись, но при этом Серафима уловила дух неловкой ситуации, возникшей среди них. Когда Эмиль говорил о том, что геи могут скрываться среди женатых мужчин, Серафима сразу, как и все, подумала о

Климе и о том, что о нем ей сказал Денис.

Похоже, этот слух ходит среди этой компании весьма активно.

– Что касается бисексуалов, то я их просто обожаю. Мне бы самому очень хотелось такой свободы творчества. У этих людей нет никаких границ в ориентации и вообще в сознании. Они наслаждаются всем, что создано Боженькой. Что до меня, то грибы в пицце я не люблю так же, как лизать клиторок.

Мадлен и Белла брызнули от смеха.

– Ведь вкус примерно одинаковый.

Андриан, Влас и Денис дружно поддержали Эмиля свистками.

– Поговорим о мужчинах-не геях. Давайте будем называть их натуралами, чтобы они нас поняли. Да, сейчас будет минутка гетеросексуального юмора. Ложечка гетеросексуального юмора в бочке гомосятины. Все, как вы любите, да, мои хорошие? Погнали! Очень часто натуралы любят шутить гейские шутки. Знаете эту тему? Едут они по темному лесу, вокруг никого. Один из них кладет свою руку второму на коленку и говорит: «Может, свернем с дороги?». Они смеются. Им весело. Я бы на их месте свернул с дороги... но мы, геи, не шутим так про натуралов. Мы не говорим в компании: «Эх, вот бы сейчас бабу и пивка, да, парни?». Нет, мои нежные, у нас такого нет. Возможно, это в натуралах говорит маленький гей. Да, я считаю, что в каждом натурале живет

маленький гей. Иначе как объяснить любителей straponа? Знаете этих мужичков, которые любят ходить к проктологу? Что они там делают? Правильно! Массаж простаты. Да? Любители массажа простаты... те еще конспираторы. Это у нас называется «Штирлиц еще никогда не был так близко к провалу».

Снова раздался смех. Теперь даже Серафиме стало весело от шуток Эмиля.

– Пожалуй хватит на этом говорить о натуралах. Девушки знают, что они те еще п...

Эмиль выругался, что вызвало бурный смех и аплодисменты у слушателей.

– Идем дальше. Поговорим про секс. Всем же нравится секс, правда? Многие считают, что геям очень важен секс. И это, правда, так. И я очень понимаю девушек, которым изменил их мужчина. Потому что у нас измены на каждом шагу. Мне изменять не нужно. Я отношусь к той категории геев, у которых низкое либидо. Знаете, что это такое? Это, когда тебе не хочется трахать все, что движется. Но многие так и живут! Встречался я однажды с парнем. Он пригласил меня к себе домой. Там был его брат. Стоило мне отойти в ванную помыть руки, возвращаюсь на кухню... и мой парень уже сосет своему родному брату. Представляете? Инцест – дело семейное, я все понимаю. Изменой это не считается. Поэтому я присоединился.

Андриан, Клим и Влас поддержали Эмиля аплодисмента-

ми.

– Но изменения у нас – частая тема. И это печально. Еще печально, что не у всех член такой большой, как у меня. Возможно, девушкам не так важен размер члена. Вагины у меня, к счастью, нет, не мне судить, но для геев это важно. Потому что был у меня один парень, познакомились с ним в кино. Он был очень накаченный. Прямо Терминатор в стрингах. После кино пошли ко мне. Я уже подумал: «Сейчас оторвусь!», но нет... когда все случилось, я даже не понял, что это случилось! Представляете? Он был такой тонкий, что я его вообще не почувствовал в себе. После этого мы с ним больше не виделись и не общались. Зато мой второй парень был инвалидом. У него были парализованы ноги, и он ездил в инвалидном кресле. Он был ужасно тощий. Но зато его член... когда я его увидел, то понял, почему он инвалид. У него вся кровь из ног уходила именно туда, чтобы его поднять! Но долго мы с ним не встречались, потому что я очень люблю дискотеки и танцы. Так что... мы не сошлись в интересах.

«Черный юмор» Эмиля понравился всем.

Он закончил свое выступление, отклонялся и получил массу аплодисментов и довольных возгласов от публики.

– Спасибо! Спасибо!

– Bravo! Bravo! – Андриан, Влас и Мадлен аплодировали стоя.

– Брави брависсими! – посмеялась Леся. – Великолепно!

– Ах, мои нежные! Мне так приятно! Спасибо вам! Спа-

сибо вам за поддержку! Я вас всех безумно обожаю!

Они принялись живо обсуждать выступление Эмиля и проговаривать его шутки несколько раз, а потом...

Раздался звонок.

Все принялись озираться по сторонам, пытаясь обнаружить источник звука. Ева судорожно полезла в карман куртки, на которой сидела. Она достала телефон с зажженным экраном.

– Ой! Мне тут звонят... простите, пожалуйста! Я скоро вернусь!

– Боже, Ева! – воскликнул Эмиль. – Кто тебе может звонить в такой час?!

Но Ева не стала отвечать. Она быстро вскочила с места, приложила телефон к уху и вышла в коридор, закрыв за собой дверь.

Когда Ева покидала кабинет, Серафима почувствовала нашее дуновение холодного воздуха, просочившегося из коридора.

– Эмиль! Ты был великолепен! – похлопала снова Мадлен. – Уверена, что у тебя все получится. Ты, главное, меньше волнуйся, а так – все просто замечательно.

Вытерев пот со лба и протерев очки, Эмиль уселся на свое место и спросил:

– Думаете, они адекватно отнесутся к тому, что я – гей?

Все неловко переглянулись друг с другом.

Их город – провинция. И здесь с подобными вещами не

всегда все гладко.

– Ты же не пропагандируешь ничего, – высказалась Леся, – ты просто выступаешь со своими шутками. Кого вообще должно волновать, с кем ты спишь? Боже, какие темные люди! Мне кажется, уже все давно ко всему привыкли.

«Точно не все и не тем более – не давно», – подумала Се-
рафима.

– Спасибо, Леся, мне очень хочется в это верить.

– Мы пойдем с тобой, Эмиль, в любом случае и поддержим тебя, – сказал Клим, – правда, ребята?

Все ответили дружным согласием.

Мадлен оглянулась и посмотрела на Нику. Та лежала на спине и мотала головой из стороны в сторону.

– Что-то она мне совсем не нравится...

Мадлен потрясла Нику за ногу:

– Эй! Ника! С тобой все в порядке?

Ника неожиданно оперлась руками о пол, согнула ноги и попыталась встать на ноги. Первая попытка оказалась неудачной. Никто не успел вскочить, чтобы поймать Нику и не дать ей плюхнуться на пол. Итог – Ника упала на пол.

– Ох, черт!

Мадлен, Андриан и Клим вскочили и подбежали к Нике. Та уже совершала вторую попытку подняться на ноги.

– Все... нормально... – бормотала Ника себе под нос.

– Ты напилась в хлам! – выругалась Мадлен. – Впрочем, ничего нового...

Трое держали Нику, не давая ей в очередной раз упасть.

– Не трогайте! Я... нормально... стою...

Она вырвала свои руки из их хваток и осталась стоять на месте без поддержки.

– Ее сейчас начнет рвать, – сглотнула Дайна.

– Ей нужно помочь... – ахнула Леся.

Но Ника была иного мнения на этот счет.

Качающейся походкой, прихватив с собой бутылку виски, она направилась к дверям.

– Ты куда собралась? – бросила ей Мадлен.

– Не ходите... за мной... я сейчас... вернусь...

– Может, стоит пойти с ней? – предложил Эмиль.

– Сама разберется, – фыркнула Белла.

Мадлен собиралась пойти за Никой, чтобы помочь той на случай, если Ника задумает лечь где-нибудь в коридоре и поспать на холоде.

– Там Ева, – вспомнила Серафима, – она поможет Нике, если что-то случится.

А потому Мадлен осталась в классе.

Ника вышла из кабинета, захлопнув дверь.

– И часто она так напивается? – спросил Влас.

– Да, постоянно! – ответила Мадлен. – Никакой на нее управы нет... только увидит алкашку – тянет в рот. Ее не остановишь...

– Это болезнь? – озадачилась Леся.

Но ей не ответили.

– Как бы нам тут ее откачивать не пришлось, – Белла сложила руки на затылке и опустила голову на колени Власа.

– До этого она еще не напивалась, – ответила Мадлен пустым тоном.

Андриан налил себе в стаканчик виски и сделал несколько глотков. В кабинете опустилась тишина. Им захотелось просто молча посидеть и наконец насладиться покоем.

Внимание Серафимы привлекла тетрадь Евы, оставленная ею в классе. Несколько раз она боролась с любопытством и с намерением взглянуть на рисунки Евы. И каждый раз она себя останавливала.

Денис тоже немного выпил. Дайна пускала клубы дыма в потолок. Даже Эмиль прилег на спину и наслаждался покоем.

За окном бушевала метель.

Леся и Мадлен зажгли еще несколько свечей.

Серафима, находясь рядом с Денисом и погрузившись в тишину, впервые за все это время почувствовала себя в безопасности.

На душе стало спокойно.

Серафима точно не знала, как долго они так просидели в тишине. Все закончилось, когда двери кабинета открылись, и на пороге первой появилась Ника, несущая в руках большое жестяное ведро, взятое из комнаты с препаратами. За ней шла обеспокоенная Ева.

Первое, что сказала Ева, было:

– Я пыталась ее остановить!

Все посмотрели на пьяную Нику, которая каким-то образом спустилась в подвал и подняла оттуда на первый этаж целое ведро с формалином и органами.

– Вот черт! – выругался Денис.

Эта картина заставила всех немедленно прервать свой отдых и подняться на ноги.

– Ей совсем плохо... – ужаснулась Леся.

Ника поставила чан с формалином на пол. Ева быстро закрыла двери, чтобы не пускать в класс холодный воздух.

Ника сняла металлическую крышку и отбросила ее в сторону – раздался оглушительный звон.

– Кто-нибудь! – вырвалось у Мадлен. – Немедленно успокойте ее!

Ника резко сунула руку в ведро с формалином и достала оттуда препарат мужского полового органа. Она держала влажную темно-серую субстанцию голыми руками.

– Эмиль! Хочешь попробовать?! – посмеиваясь, Ника протянула орган вперед на вытянутой руке.

– Ей совсем этил в голову ударил! – брови Беллы метнулись вверх.

– Вот же срань...

Влас рванулся с места, перепрыгнул через бутылки, сложенные в центре круга, пробежал через свободное место, на котором сидела Ева. Серафима едва успела схватить тетрадь Евы, чтобы Влас на нее не наступил.

Добравшись до Ники, Влас обхватил девушку со спины, сжав ее руки.

– Что ты делаешь?! – взвинулась та. – Отпустите! Отпустите меня немедленно! Не хочу! Не хочу!

Ника отчаянно вырывалась из мощной хватки Власа.

– Заберите у нее это из рук! – дал команду Влас.

Денис быстро подбежал к Нике и забрал у нее влажный препарат, бросил его обратно в ведро и быстро накрыл крышкой.

– Отодвиньте это ведро, пока не опрокинули! – догадался Эмиль.

Денис взялся за ручки тяжелого ведра и отнес его в угол комнаты, чтобы Ника, размахивающая ногами, не сбила его на пол.

Последствия подобного исхода могут быть плачевными.

– Да, угомонись, ты, пьянь! – рявкнул на Нику Влас.

Из глаз Ники хлынули слезы. Ее тело постепенно слабело. Она покончила с бесполезными попытками вырваться из хватки Власа.

– Почему... почему это происходит со мной... не надо... прошу! Не надо!

– Веди ее ко мне, – сказала Мадлен Власу.

Влас приподнял Нику над полом и потащил несчастную девушку к Мадлен. Дойдя до нужного места, он уложил Нику на разложенные куртки.

– С тебя хватит, Ника, – жестко произнесла Мадлен, – ле-

жи и отдыхай. Не хватало нам, чтобы ты тут у нас подохла на глазах. Все, успокаивайся. Хватит. Лежи. Просто лежи.

Но Ника не могла утихомириться. Она вертелась, плакала и махала руками.

– Все, Ника! Хватит! Я сказала: хватит!

Мадлен прижала ноги и руки Ники к полу.

Через некоторое время Ника все же успокоилась. Она лежала и безразлично смотрела в потолок.

– Кажется, закончилось... – выдохнула Мадлен.

Убедившись в том, что Нике ничего не угрожает, все снова уселись в свой круг, чтобы продолжить вечеринку без «выбывшего участника».

– Первый готов, – усмехнулась Белла, – тогда... тост?

Глава 9. Красные стены

Сделав еще один глоток красного вина, Серафима почувствовала легкую усталость. Она посчитала, что на сегодня ей уже хватит пить алкоголь, пока она не дошла до состояния Ники.

Ее понемногу клонило в сон, а потому она позволила себе прилечь на плечо Дениса, чтобы расслабиться. К счастью, он возражать не стал и даже помог ей устроиться на нем удобнее.

– Вы еще не думали съезжаться? – Дайна выпустила облако дыма, взглянув на Лесю и Клима.

– Съезжаться? – Леся выгнула бровь.

Она на мгновение оторвалась от плеча Клима, чтобы взглянуть тому в глаза. Серафима не поняла, что она в них увидела, но немой ответ, кажется, удовлетворил девушку.

– Вроде нет... а что?

– Просто мы с Андрианом уже говорили на эту тему. Подумала, может, у вас тоже стоит вопрос о совместном проживании.

– О, нет! Оттягивайте этот момент, как можно дольше, – выплеснула Белла.

– Это еще почему? – поинтересовался Клим.

Белла и Влас мельком переглянулись.

– Мы живем вместе уже почти два месяца, а успели пере-

грызться по любому поводу, как кошка с собакой. Причем, Влас считает, что собака именно я.

Серафиме стало весело от этой мысли. Она тут же представила себе лицо Беллы в виде морды немецкой овчарки, а лицо Власа – кота-сфинкса. Эти фантазии позабавили Серафиму.

– А из-за чего возникают ссоры? – полюбопытствовала Леся.

– Да на ровном месте, – махнула рукой Белла, – одна сплошная бытовуха. Ничего интересного. Меня и саму это все порядком достало. Если хотите узнать вашего человека с другой стороны – начните с ним жить. Вот, что я вам скажу! Ух! В этих отношениях черт ногу ломает!

– А что такого делает Влас, что тебе не нравится? – задался вопросом Клим. – Влас, ничего, что я так...

– Порядок, приятель, спрашивайте, – кивнул Влас, – мы с Беллой уже тысячу раз успели остыть после этих ссор.

Белла сделала глоток виски, оглядкой взглянула на дремлющую Нику и рассказала:

– К тому, что он писает в раковину, я привыкла сразу. Надо признать, я бы и сама так делала, будь у меня член между лях. Зато туалет чистый. Я поставила лишь одно условие – пускай воду, когда справляешь нужду. Так хоть мыть ничего не надо. Еще он после этого дела предпочитает не мыть руки. Как ты мне говорил? «Не потрогал, не испачкался – чего руки мыть?!» Действительно! А дальше все наши ссоры

сводятся к самым простым и банальным вещам. Как в советских анекдотах! Каждый день его прошу не оставлять грязную посуду на ночь. Как можно лечь спать, зная, что у тебя в раковине ворох грязной посуды? Постоянно заставляю его мыть за собой, потому что я эту гору мыть не собираюсь! У него ведь все в разных тарелках! Понимаете? Готовлю я, значит, макароны с сосисками и салат. Нормально? Нормально. На это нужно две тарелки. Две! Под сосиски с макаронами – одна. И под салат – одна. Не больше! Так, знаете, что он выдумывает? Идет и берет себе еще тарелки. Отдельно выкладывает сосиски. И отдельно выливает в тарелку соус! Чтобы макать в него сосиски! И сидит с четырьмя тарелками! Так к этому всему подключатся кружки. Одна под сок, вторая под чай, третья под вино. И вот потом, кто должен это все мыть? Я? Сам устроил этот королевский пир – сам мой за собой. Правильно? Одежда. Он очень любит вешать свои вещи на спинки стула. Нет проблем. Я тоже грешу этим. Но не вешай ты на мой стул! Я потом бегаю и не могу понять, где моя кофточка. А она спрятана под его вещами! Не люблю, когда он курит в доме. Это бесит! Вечно выгоняю его на улицу, как собаку драную. Никаких «пойду на балкон»! Даже слушать не хочу! Хочешь курить – иди во двор. И все в таком духе. Бывает... я прихожу поздно, уставшая, а он уже дома в это время. Ждет, когда я еды принесу или приготовлю. Время – девять часов вечера. Я еще готовить должна? В итоге мы заказываем еду с доставкой на дом и месяц живем без денег!

Да, Влас? Как же я хочу, чтобы он уже наконец смог сам себе приготовить, а не ждать меня. Так же больше не может продолжаться! И вечно еще лезет в постель в носках, в которых походил по грязному полу! И все белье в этих катышках и... просто! Сил моих нет! Сними носки, помой ноги! В кровать – только с чистыми ногами. Я не так сильно помешана на чистоте, как вам может показаться. Но есть... элементарные вещи! И вот такого дерьма у нас хватает. А я же еще, горячая женщина, люблю поскандалить на этой почве, поэтому у нас дома весело. Приходите, смотрите, участвуйте, делайте ставки. Милости просим и ждем!

– Она права, – сказал Влас ровным тоном, – такое у нас постоянно. День за днем, день за днем... и ничто не может заставить нас выйти из этого порочного круга. Да еще и находиться с ней целый день в одной комнате... это просто что-то немыслимое!

– Да-да, забыла сказать! Он меня еще и не выдерживает весь день!

– Да потому, что ты пилишь меня постоянно! С этим невозможно прожить весь день и ни разу не сойти с ума!

– Все, Влас! Довольно. Угомонись. Мы же не собираемся ругаться при всех?

– Ты права.

Влас устало вздохнул и провел пятерней по волосам.

– И как вы миритесь? – вставил осторожно Эмиль.

Двое порозовели.

Им обоим стало от чего-то неловко, но резкий ответ Беллы выдал подноготную:

– Трахаемся.

Последовали бурные аплодисменты от Андриана, Дайны и Мадлен.

– Хотя с этим у нас порядок, – выдохнул Влас.

Этот разговор разрядил обстановку и заставил друзей забыть обо всех неприятных моментах, которые успели случиться за вечер. Время двигалось к полуночи, и Андриан предложил для них новое развлечение:

– Пришло время новой игры. «Бутылочка»?

На этот раз ему даже не пришлось убеждать компанию в игре. Все и так были согласны. К игре присоединились все, кроме Ники, которая отсыпалась после своей опасной выходки с влажными препаратами половых органов.

Они расчистили пространство в центре круга, чтобы положить на ровный пол бутылку из-под шампанского.

– Для начала напомним основные правила, – начал Андриан, – целоваться только в губы.

– Всем? – переспросил Денис. – То есть... мальчикам с мальчиками тоже?

– И девочкам с девочками! – подмигнул ему в ответ Влас.

– Да, – кивнул Андриан, – все должны целоваться в губы. Если кто-то отказывается с кем-то целоваться, то должен раздеться догола. Это будет вас всех мотивировать. Второе правило. Если бутылочка два раза подряд свяжет одних и тех

же людей – у них будет «семь минут в Раю». Для этого у нас есть анатомический музей, куда мы отправим парочку.

– «Раем» у нас будет анатомический музей? Класс! – посмеялась Мадлен.

– И третье правило. Если бутылочка остановилась по центру между двумя людьми, то ход идет по часовой стрелке. Кажется, все сказал. Начинаем?

Андриан, как инициатор игры, решил крутить бутылочку первым.

– Только попробуй не раздеться, если тебе баба достанется, – шикнула на него Дайна.

Всем стало весело от этой угрозы.

Серафима предпочла думать, что этот ультиматум – простая шутка, ведь увидеть Андриана без одежды – сомнительная перспектива.

– Вот видите, как она это делает? Теперь играй при таких условиях! Ух... ну, погнались!

Андриан положил руку на бутылочку, сделал глубокий вдох и совершил ловкое движение кистью. Бутылочка начала вращаться. Все с нетерпением ожидали узнать, на кого она покажет.

Вино Серафиму расслабило настолько, что она была готова поцеловать в губы любого из присутствующих. Даже Андриана!

– Так-так-так...

– И...

– Мадлен!

Горлышко указало на Мадлен.

– Мне раздеваться? – Андриан спросил у Дайны.

– Так и быть! Сегодня я не ревную! Целуйтесь уже!

Андриан и Мадлен поползли друг к другу на коленках и поцеловались в губы. Все случилось довольно быстро, но поцелуй оказался весьма звучным.

– А тебе с ним повезло, Дайна! Теперь я!

Мадлен, облизнув губы, покрутила бутылочку.

Все начали что-то выкрикивать и радоваться. Их устраивал любой исход.

– Клим!

Мадлен серьезно посмотрела на Лесю и даже спросила у нее:

– Можно?

– Конечно, – та пожала плечами, – это же игра.

Мадлен все-таки поцеловала Клим, но очень осторожно, словно боялась получить от Леси по шее за затянувшийся поцелуй. Серафима сразу заметила эту опаску.

Пришла очередь Клим вращать «бутылочку».

Началось вращение.

Серафима понимала, что каждый следующий участник может стать кандидатом на поцелуй с ней. Она напряженно смотрела на бутылку. Кого бы ей было легче поцеловать? Клим или Андриана? Лучше уж это будет какая-нибудь девушка. Так ей самой будет спокойно.

– Эмиль!

Тот возликовал:

– Ура! Как нежно! Иди ко мне, мой сладкий! Не бойся, Леся, я его не уведу! Хотя и мог бы постараться...

Эмиль явно заигрывал с Климом.

Климу пришлось подползти к Эмилю, чтобы они смогли поцеловаться в губы.

Серафима поймала себя на мысли, что впервые видит, как двое мальчиков целуются. Было это правдой или нет, но Клим явно не спешил закончить поцелуй, а дал возможность Эмилю принимать решение. Так вышло... что они поцеловались трижды, а потому такой затяжной поцелуй вызвал бурю эмоций у Андриана, Власа, Беллы, Дайны и Мадлен.

– Смотрите на них! Все никак не отлепят друг от друга! – посмеялась Мадлен.

Эмиль первый завершил поцелуй, понимая рамки приличия игры.

– Мне понравилось. Леся, он у тебя шикарен просто! Шикарный!

Но Леся никак не среагировала.

– Вижу, и Климу это было приятно, – посмеялся Влас.

– Так-так! Сейчас еще кого-то зацелую! И, возможно, им станешь ты, Влас.

– Ой, нет! Я лучше разденусь!

– Еще чего удумал! – бросила Белла.

– А ты, я смотрю, против?

– На твоего «Мистера Каа» могу смотреть только я!

Компания взорвалась дружным хохотом.

– «Каа»? – переспросила Мадлен. – Это как в «Маугли» что ли?

– Он самый, – кивнул Влас.

Отсмеявшись, они вновь сосредоточились на игре.

Эмиль ловким движением заставил бутылку снова вращаться.

Серафима не была готова к этому, но... горлышко остановилось на ней.

– Серафима! Иди сюда, моя хорошая!

Эмиль первым преодолел расстояние, разделяющее их, и вот уже стоял на коленях перед ней.

Серафима совсем не ожидала, что ей придется целоваться с Эмилем. Надо признать, этот вариант она в принципе рассматривала меньше всего!

Но жизнь вносит свои корректировки.

Ее поцелуй с Эмилем оказался весьма стремительным и даже острым. Он ощутила влагу с языка Эмиля на своих губах.

– Нежная! Обожаю! Молодец, Серафима! Эта девочка далеко пойдет! Слышали меня? О, да! Я знаю, о чем говорю!

Эмиль вернулся на свое место, передав эстафету Серафиме вращать бутылочку.

– Давай, Серафима, крути, – подбодрил ее Денис.

Собравшись с мыслями, она крутанула бутылочку. Полу-

чилось не очень сильно. Серафима с волнением наблюдала за вращением, понимая, что ее ждет второй поцелуй. Если же ей снова выпадет Эмиль, то у них будет «семь минут в Раю». Они пойдут в анатомичку и... что они там будут делать?

– Ева!

Голос Андриана вернул ее к реальности.

Серафима не успела понять, что случилось, как уже Ева смотрела ей в глаза.

– Давайте, девчонки! Смелее! – поторопил их Эмиль.

Ей придется поцеловать Еву. Что ж... не самый худший вариант из всех, верно?

– Давай только быстро...

Ева вся заливалась краской.

Серафима позволила себе предположить: возможно, это первый поцелуй Евы в губы с другим человеком. И этим человеком становится она, Серафима.

Не мальчик, в которого бы Ева влюбилась...

А она...

Она не может все испортить. Но игра... требует.

– Давайте! Целуйтесь уже!

Их все торопили.

И тогда... Серафима первая подалась вперед и коснулась своими губами пухлых маленьких губ Евы.

Все случилось очень быстро – сама Серафима не успела понять, что произошло.

Но поцелуй уже завершился.

– Да! Ура!

– Теперь очередь Евы!

Залившись краской, Ева вернулась на свое место и крутанула бутылочку.

Горлышко очень скоро указало на...

– Денис!

Если предыдущий поцелуй для Евы был первым в ее жизни... значит, первый мальчик, которого она поцелует, будет Денис!

Ева не решалась сама приблизиться к нему, а потому Денису пришлось взять инициативу в свои руки. Проползая к Еве, он мельком улыбнулся Серафиме.

Теперь он сидел перед ней спиной.

– Не бойся, – сказал Денис Еве.

Они поцеловались.

Серафима даже не видела этого, потому что отвернулась в сторону. Ей не хотелось на это смотреть.

А потом... Денис уже возвращался на свое место, оставив Еву в легкой прострации после своего поцелуя.

– Денис! Давай, крути!

Денис уже хотел начать вращение, но вдруг... его взгляд ушел куда-то за спину Мадлен.

Ника.

Она запрокинула голову и сделала несколько глотков из бутылки с водкой.

– О, черт! – Мадлен быстро вскочила на ноги.

Ника встала перед ней на колени, уперлась руками в пол, и из ее рта вырвалась отрыжка.

– Фу! Боже! – Белла прикрыла рот рукой.

Ника замерла в своей позе и смотрела куда-то в пустоту.

– Ее сейчас стошнит! – вырвалось у Леси.

Стоило ей это произнести, тело Ники выгнулось дугой, и изо рта вышли рвотные массы, растекаясь лужей у нее под пальцами.

Эмиль, Влас, Белла и Клим тут же вскочили. Они сидели ближе всего к Мадлен и Нике. Никому не хотелось испачкаться в рвотных массах.

В комнате повис неприятный запах.

– Ну и пьянь! – выругалась Дайна.

– Ей нужно помочь! – Леся встала и направилась к Нике.

Но потом...

Ника снова выгнулась, и из нее вышел второй поток.

– У нее уже рвота на рвоту! – воскликнул Эмиль, зажав нос. – Какой ужас!

Мадлен и Леся взяли Нику под руки и помогли ей встать на ноги.

– Не надо! – вырвалось у Ники. – Не трогайте меня!

Сделав резкий рывок вперед, Ника оторвалась от Мадлен и Леси, поковыляв к дверям.

– Тебе нужно умыться, Ника, давай я... – шагнула вперед Мадлен.

– Всем стоять! – брызнула Ника. – Я сама... я сама все

сделаю! Слышали? Остаться здесь и ждать меня! Понятно вам?

Качаясь то вправо, то влево, Ника преодолела путь, отделяющий ее от дверей.

– Не ходите за мной! Понятно?! Я... скоро вернусь!.. И будем целоваться! Муа! Муа!

Глядя на Нику, Серафима увидела нездоровый серый блеск в ее глазах. С этой девушкой явно происходило что-то нехорошее.

Она в опасности.

Держась за живот, Ника распахнула двери и вышла в коридор.

Двери за ней громко захлопнулись.

– Что это с ней такое? – Серафима наклонилась к Денису.

– Просто напилась.

– Нет... в ее глазах было что-то... не знаю...

– Нельзя ей позволять одной бродить по анатомичке в таком виде, – высказалась Леся, – она сейчас где-нибудь там упадет и расшибет себе череп! Или захлебнется своей же рвотой!

Серафима поняла, что это ее шанс все выяснить.

– Ты права. Я пойду к ней и прослежу, чтобы она не покалечилась там. А вы играйте дальше.

Возражений она не встретила. Леся и Мадлен предпочли не покидать тепло комнаты.

– Давай, Денис! Крути! – Эмиль вернулся в игру.

Серафима, оставив остальных ребят дальше играть в «бутылочку», накинула на себя пальто и вышла в холодный коридор.

Здесь тихо.

Она осмотрела коридор – никого.

– И как она так быстро убежала?

Серафима спешной походкой направилась к женскому туалету.

– Ника! Ты где? Ника!

Но та не отзывалась.

– Вот черт!

Серафима не хотела думать, что Ника уже валяется в каком-то углу с разбитой головой и рвотными массами, разлитыми на груди.

– Как можно было так напиться? Ника!

Серафима перешла на бег. Она боялась опоздать. Как медик, она знала, что порой счет идет на секунды.

Она не должна опоздать...

– Ника... где же ты...

Добравшись до двери, ведущей в женский туалет, она без промедлений распахнула ее и... застыла.

Мир поплыл перед ней.

Все утонуло... в красном цвете.

Белые кафельные плитки от пола до потолка – все стены и полы исписаны красным.

Кровь...

– Какого...

Она прошла вперед – пусто.

– Ника!

Серафима заглянула в каждую кабинку.

Ники нигде не было.

Надписи, рисунки, странные символы, пентаграммы...

– Что это такое?!

Серафима застыла в центре комнаты, как вкопанная. Она лишь смотрела глазами по сторонам, не в состоянии поверить в происходящее.

– Это сон... это всего лишь дурной сон...

Осматривая кровавые рисунки на белых стенах, Серафима начала постепенно понимать, что все это может значить.

Что-то... связанное с дьяволом...

Пентаграммы, треугольники, звезды... непонятные символы и иероглифы. Странные рисунки. А на полу – круги и треугольники. А в них – перевернутые распятия.

– Откуда все это здесь...

Серафима, набравшись смелости, прошла к стене, чтобы развеять все свои сомнения, касающихся красных «чернил».

Она наклонилась к надписям и понюхала их.

– Кровь... определенно...

Она обратила взгляд к другой стене и ахнула от ужаса.

– О, Господи...

Там были надписи. Текст, который она понимала.

Слова гласили:

*«Их плоть и кровь,
Грехи и души – все Ваше.
Я приведу их.
Я верну Первую Матерь.
Я дам ей Благословенное Семя,
И Дитя родится.
А Вы даруете мне свободу
От страданий Ада.»*

– Что за черт?!..

С каждой новой прочитанной строчкой Серафима отступала от стены на шаг назад.

– Плоть и кровь... грехи... что...

Все мутнело перед глазами.

– Первая Матерь... Благословенное Семя... Дитя...

Что это значит?

– Свободу от страданий Ада... какого хрена...

Путанные мысли крутились в голове.

Прочитав этот текст, она вспомнила про пророчества: «Ты умрешь первая».

И слово на доске – «Грехопадение».

– Я приведу их...

Серафима застыла.

Дышать стало невозможно.

Она поняла...

Кто стоит за всем этим?

Тот, кто привел их сюда...

Тот, кто собрал их вместе...

Тот, кто интересуется сатанизмом...

Ребенок Розмари...

Тот, у кого была доска для спиритизма...

«Грехопадение»...

– Грехи и души – все Ваше...

Андриан!

Андриан...

Зло...

– О, нет!..

Денис! В опасности!

Она должна спасти его и...

Серафима кидается к выходу, и вдруг...

Боль.

Тьма.

И пустота.

Она исчезла из этого мира навсегда...

Она... умерла первой...

Глава 10. Не она, а другая

Солено-кислый запах с примесью горечи ударил в нос, и я открыла тяжелые веки, покрытые коркой засохших слез.

Воздух вошел в мои легкие, и в том соленом запахе я ощутила ноты ржавчины.

Что-то мертвое...

Что-то чужое...

Что-то пугающее и неприятное...

Я ощущала это вокруг и внутри себя самой.

Мои холодные пальцы сжимали что-то острое. И вот я уже ощутила режущую боль в ладони.

– Ай!

Я одернула руку и...

Она вся в крови.

Запекшаяся кровь на моей руке, сжимающей алый блестящий нож.

Нож?

Нож!

– Что за...

Мое тело... оно двигается.

Звон стали – нож падает на кафельный пол.

Я опираюсь руками о пол и ползу куда-то назад, пока не натыкаюсь на... тело.

Оборачиваюсь и застываю.

Труп.

Девушка.

Спутанный комок лохматых волос на голове. Все лицо в родинках. Мертвая белая кожа. Синий свитер с белыми медведями и звездами. И алый шарф на шее – кровь.

И нож в моей руке...

– Что это значит?..

Мир становится отчетливее.

Мое тело набирается сил, и я уже могу встать на ноги.

– Спокойствие... только спокойствие...

Я поднимаю взгляд и вижу... ее...

Еще одну девушку.

Каштановые распущенные волосы. Карие блестящие глаза чуть прикрыты. Светло-коричневый свитер. Темные джинсы и сапожки. Стройная и изящная.

Она плавает...

В банке.

В банке с солоновато-кислой жидкостью прозрачно-белого цвета, словно туман.

Формалин.

Огромная стеклянная бутылка, наполненная мутной жидкостью, возвышалась в этой темной комнате от пола до потолка. Вокруг – серые столы, словно парты в школьном классе. На стенах – анатомические рисунки. В углу стоит раковина, а над ней – зеркало.

На полу – мертвая девушка с перерезанным горлом.

В банке с формалином – вторая мертвая девушка.

И я...

С ножом.

Я в пустом темном классе.

А я...

Кто?

Как оказалась здесь?

И что натворила?

В моем кармане... телефон...

Я взяла телефон. Он не заблокирован. Включаю фронтальную камеру и вижу лицо... ее лицо, той девушки, что плавает в банке с формалином!

Как такое возможно?

У меня... ее волосы, ее глаза, ее свитер, ее джинсы и сапожки...

И имя...

Как ее зовут?

Я быстро нахожу записи контактов, свой номер у нее подписан...

Серафима.

Кто она такая?

Почему я – она?

Я роняю телефон на пол.

Одежда мертвой девушки, лежащей на полу, испачкана кровью и рвотой.

Я обхожу труп стороной, мои ноги ступают в кровь.

Я направляюсь к зеркалу, висящему над раковиной.

Смотрю на себя: она.

– Это она...

Смотрю на нее, плавающую в формалине...

– Серафима?

Она там, а я...

Здесь...

Вместо нее.

– Какого черта происходит?

Бросаю взгляд на нож – так и лежит. Весь красный. Блестит.

И труп...

Труп другой девушки, которую я могла...

– Нет!

Бегу к двери, выглядываю – коридор. Пустой коридор и новые двери.

– Где я?

Возвращаюсь в класс... это же класс?

Словно, класс анатомии...

За окном – ничего, пустота.

Я зажигаю свет в комнате – мерцает одна тусклая лампа.

– Что мне делать?

Я подхожу к стенам и снимаю большие плакаты с рисунками и схемами. Они станут моими щитами.

Я беру мертвую девушку за руки и волочу по полу. За ней остается красная тропа.

– Вот черт!

Но я не останавливаюсь, а продолжаю.

Я еще успею во всем разобраться, а сейчас надо... спрятать тело, чтобы меня не поймали.

Если это вообще сделала я, а не та, кто в банке...

Но как тогда...

– Проклятье!

Я затаскиваю труп незнакомой мне девушки, от которой разило спиртным, под самый дальний стол. Плакатами, что я сняла со стен, я заставила нижнее пространство стола, сделав импровизированную ширму. Теперь труп спрятан. Ее скоро найдут.

Лучше бы вообще ее никто не нашел...

Конечно, я понимаю, что рано или поздно ее найдут, но сейчас это совсем неважно.

– Что делать с кровью?

Я подошла к раковине и нашла под ней пустое ведро и тряпку. Набираю воду. Нужно вымыть полы от крови.

Заметаю следы убийства, которого не...

– А может и совершала...

Тщательно выжимая тряпку и часто меняя воду, я вымываю пол от крови. Уже гораздо чище. Пока мою полы, я искоса гляжу на нее, плавающую в банке.

Она такая же... как я...

Но я – не она, а другая.

Что теперь?

Я никак не могу спрятать огромную банку! И от кого мне ее вообще прятать?

– Что делать с ножом?

Пришлось его вымыть и... спрятать. В карман.

Он может мне еще пригодиться.

Я не собираюсь убивать!

Но я понятия не имею, что со мной случилось.

– Или лучше избавиться от него?

А если... враг нападет?

Кем бы ни был этот мой враг...

– Лучше возьму его с собой.

Итак... что я имею? Спрятанный труп под столом, заставленным плакатами. Свою копию, плавающую в банке с формалином, как экспонат в музее. Нож, орудие моего (или ее) убийства, в своем кармане.

Телефон...

Телефон Серафимы, которой больше нет.

А есть я.

Внезапно заболел низ живота. Схватило прямо сильно-сильно!

– Черт!

Что это такое?

Я поднимаю кофту – кожа чистая. Никаких ран или синяков. Меня не били... я не ранена, а это уже хорошо.

Но почему так болит?..

И немного тошнит...

– Прошло... вроде прошло... тише-тише... ты справишься...
ся...

Надо идти.

Я должна понять, где я оказалась и что вообще происходит.

Время действовать!

Выключив свет в комнате, я покидаю ее и выхожу в коридор. Пробую открыть другие двери – заперто. На одной из дверей надпись: «Препаратная». Тоже закрыто.

Где бы я ни была...

– Нужно выбираться отсюда.

Нашла самую массивную железную дверь. Там точно должен быть выход. Открываю ее, а за ней – лестница.

Лестница, ведущая только вверх.

Придется идти.

Ступаю тихо, чтобы меня не услышали...

Пока я не пойму, где нахожусь, лучше сохранять предельную осторожность.

Пока не пришлось убить еще кого-то...

– Черт! Почему я об этом думаю?..

Я вспоминаю свое пробуждение: тот нож, труп незнакомки, своего близнеца в банке с формалином, Серафима...

Меня трясет.

Совсем дурно стало...

– Боже! Держись... умоляю! Держись!

Кем бы я ни была... и что бы я ни сделала... я сама еще

ничего не сделала!

Ведь так?

Если я не помню...

Ничего не помню... или?..

Тот телефон показался мне знакомым. Как я так легко поняла, на какие кнопки нужно нажимать?

Мышечная память?

– Бред...

Голос.

Он не звучит снаружи, во внешнем мире.

Он раздаётся... внутри меня!

Я останавливаюсь и хватаюсь рукой за перилла.

Голос смеется.

Так мерзко и дерзко... будто издевается надо мной!

– Заткнись!..

Голос прекращает хохотать и говорит:

– Они уже мертвы, а ты вернулась. И ты жива. С возвращением.

– Жива?.. Вернулась?..

Но я даже не знаю... кто я такая!

И почему заменила ее, Серафиму...

Которая теперь плавает там... в той темной комнате... в той банке...

Банке с формалином...

Голос снова смеется. И исчезает.

– Кто ты такой... почему говоришь со мной?..

Но он молчит.

Голоса нет.

Вряд ли он мог дать ответы на все мои вопросы.

Нужно продолжать идти.

Я чувствую лезвие ножа в своем кармане.

Нож, который перерезал горло той девушки с россыпью родинок на лице...

Кем она была?

Что она там делала?

Почему ее убили?

Почему другая плавает в банке?

И почему я «вернулась»?

– Живая...

Это точно.

Я жива, а это уже немалый результат. Так ведь?

Голова идет кругом!

– Приди в себя... прошу! Приди в себя, умоляю!

Я поднимаюсь на самый верх лестницы. Открываю черную дверь, и оказываюсь в новом помещении. Здесь довольно прохладно.

Светло-зеленые стены, белые потолки, черный кожаный диванчик, фотографии на стенах, спрятанные за стеклянные стенды. Какие-то статьи и надписи.

Кабинеты...

«Анатомический музей».

– Что это за место?

Иду по коридору и слышу... голоса.

Они в реальном мире, а не в моей голове!

Их несколько.

Они смеются, говорят, выкрикивают и шепчут.

Словно где-то сидит дружная компания у костра, выпивает и обсуждает насущную жизнь.

Люди...

Другие люди...

Которые не знают про трупы в подвале. Или знают?

Как-то же я попала туда... как-то они обе умерли... кто-то «посадил» моего близнеца в банку с формалином...

А как же я?

Я прижимаюсь к стене, снова беру телефон в руки, включаю камеру и смотрю на свое изображение. Протираю глаза, поправляю волосы. Крови нигде нет. Все чисто.

Я хорошо выгляжу...

Во всяком случае, лучше той, что плавает в банке.

– Меня зовут... Серафима...

Другая Серафима.

Серафима – обманщица.

Лже-Серафима.

И все же...

Другой Серафимы больше нет.

– Я одна такая...

И голос...

Снова голос в голове...

Он злобно кричит во мне:

«Их плоть и кровь,

Грехи и души – все Ваше.»

– Замолчи!..

«Я приведу их.

Я верну Первую Матерь.»

– Не хочу... слышать...

«Я дам ей Благословенное Семя,

И Дитя родится.»

– Прочь... из моей головы!..

«А Вы даруете мне свободу

От страданий Ада.»

– Нет... нет...

Дыхание сбивается.

Этот... проклятый голос...

Чего он хочет от меня?!

Я закрываю глаза и вижу картинки: снег, свечи, какие-то люди, много людей, странная доска с буквами, слово – «Грехопадение», бутылки, дым, еще слова – «Ты умрешь первая», банки с органами, плакаты с картинками, кости на полке, черепа, уродливые младенцы в банках, тетрадь с рисунками, поцелуй...

– Это не мое... это все не я!.. Это принадлежит ей... не мне!

Я – не она...

Но ее жизнь отныне моя.

Снова звучный смех.

Они где-то здесь, за одной из этих дверей... сидят и общаются.

Пришло время... встретиться с ними лицом к лицу.

Глава 11. Кто эти люди?

Приоткрыв дверь, я вижу их: десять человек. Пятеро молодых людей и пятеро девушек. Они сидят на полу, на расстеленных куртках и пледах. Вокруг стоят свечи. В воздухе – запах спиртного и формалина. Когда я вошла, меня заметила одна из них – та, что пускала дым изо рта.

– Серафима?

Воцарилась тишина, и они все синхронно посмотрели на меня.

– Где Ника? – спросила рыжая.

Ника?..

Та девушка...

Девушка, которую я спрятала под столом.

Тишина затянулась. Так нельзя! Я набираю воздух в легкие и наконец говорю:

– Она сказала, что хочет побыть одна. Ей уже... намного лучше.

– Лучше? – выгнула бровь девушка с короткой стрижкой. – Если бы Тихий океан был алкогольным, то, считай, она его всосала весь в себя. Ты уверена, Серафима? Ее не тошнит?

Ее уже никогда не стошнит.

– Да... ее стошнило. Несколько раз. Но больше этого не повторится. Она сейчас попила воды. Решила посидеть и от-

дохнуть.

– Ладно... она же вернется к нам, когда ей станет лучше? – спросил у нее светловолосый парень.

Она уже никогда не вернется.

– Конечно.

Я закрыла за собой дверь и прошла в комнату.

– Серафима?

Меня спросил парень, сидящий ближе всех к выходу. Рядом с ним сидела девочка, держащая в руках тетрадь и карандаш.

– Да?

– Ты себя... нормально чувствуешь? Просто... ты не похожа... на себя...

О, нет!

Они заметили...

Они знают!

Они знают, что я – не она, а другая.

Что будет?

Что мне ответить?

Как мне быть?

Мой взгляд резко бросается в сторону пустых бутылок из-под вина, шампанского, виски и другого алкоголя.

– Ничего, я просто... выпила лишнего.

– Серьезно? – девушка с длинными черными волосами пристально смотрела на меня.

Что она хочет?

– Ты едва ли три бокала шампанского пригубила. От такого не может... унести...

– Меня не унесло, я просто... расслабилась, наверное. Вот и в голову ударило слегка. Для меня даже два бокала – много. Я же... много вообще не пью. Организм... не привык к такому, вот и все.

– Ты не заболела? – настороженно произнесла девочка с тетрадкой.

Заболела?

Если и заболела, то только психически...

Голова идет кругом!

Я должна... во всем разобраться.

– Вроде нет. Не переживайте. Просто... разморило слегка...

Парень похлопал рукой на место между ним и девушкой с тетрадкой.

– Садись, Серафима. Посиди с нами. Чего в дверях стоять?

Делаю один шаг вперед.

И смотрю на то место, на которое мне нужно сесть.

Это... ее место.

Той, что уже не вернется.

Той, что плавает в формалине.

– Тебе нужно отдохнуть.

Я прошла вперед, села на пальто и согнула ноги в коленях.

– Так лучше? Ты замерзла?

Он накрыл меня курткой.

– Немного. Спасибо.

– Надеюсь, с Никой ничего серьезного не случилось, – на-
пряглась рыжая, – может, мне стоит ее проверить?

Она уже собралась встать на ноги, как вдруг...

В голову словно что-то ударило.

Я среагировала моментально и выкрикнула:

– Нет!

Повис звон тишины.

Рыжая замерла.

– Не надо идти к ней.

Она ее не найдет...

Ники больше нет.

– Оставайся здесь. Она сама... вернется, когда захочет. Ей
нужно побыть одной. Она сказала, чтобы... никто не прихо-
дил. Ей нужно... подумать.

– Ты абсолютно уверена в этом, Серафима?

Глотаю соленый комок. И говорю:

– Да...

Смотрю на нее, не сводя взгляда.

Поверит ли она мне?

Была ли я достаточно убедительна?

Если она вздумает пойти к Нике... придется пойти на
крайние меры, чтобы ее остановить.

Если все вскрыется – мне конец.

И рыжая медленно садится.

– Ладно. Я знаю Нику. Если она хочет побыть одной, значит, так и есть. Спасибо, Серафима, что помогла. Ей вообще по жизни стоит меньше пить. Но я боюсь, что она никогда не бросит. Я бы хотела быть рядом с ней, чтобы ей помогать.

– Правильно, – зачем-то сказала я, – если у нее есть проблемы...

– Есть. Определенно. Она очень много пьет.

– Ей нужна помощь подруги.

– И специалиста...

– Все так серьезно? – любопытно спросил парень в яркой одежде.

– Да, Эмиль, серьезно. Ника не знает меры. Я боюсь, что однажды бутылка ее прикончит.

Уже прикончила...

– Не будем о грустном, ладно? – вмешался блондин. – Давайте вернемся к нашей вечеринке, да?

Они поддержали его идею.

Тема «Ника и ее проблемы с алкоголем» закрыта. Впрочем, у нее уже никогда не будет проблем с выпивкой... она их решила одним махом.

Черт!

Неужели, я такая жестокая?

Как я могу так размышлять, не разобравшись в причинах случившегося?

Что здесь вообще происходит?

Кто они?

Кто все эти люди?

Что они здесь делают?

Кто убил Нику... я?

Нет... не могла! Не я... не я, а она! Ее убила та, что плачет в банке! А я... я вместо нее...

Как это возможно?

– Что ж... – высокий парень с щетиной и волнистыми волосами по плечи поднялся на ноги, – пора приступить к тому, чего я так долго ждал. Время пришло, Дайна.

Она отложила свою дымящую штуку и вскочила с места:

– Наконец-то!

Я почувствовала странное настроение в воздухе.

Эти двое замыслили что-то... что нравится далеко не всем.

– Влас, – к нему обратилась девушка с короткой стрижкой, – ты уверен?

– Брось, Белла! Я же это уже делал много раз! Эмиль, ты с нами?

– Да, да! Я же хотел попробовать!

Они называют имена друг друга. И я начинаю их запоминать.

– Ребята, вы серьезно? – спросила темноволосая девушка.

– Леся, Власа не переубедить, – в голосе Беллы я заметила безысходность, – я пробовала много раз.

Ко мне наклонилась девушка с тетрадкой, но... на самом деле она обратилась к мальчику справа от меня:

– Денис, это же... наркотики?

Ее голос был тихим-тихим.

– Да, Ева, так и есть, – ответил тот.

Влас стал копаться в своей сумке, оставленной на парте.

– Андриан, ты будешь?

– Неа, я уже выпил. Дайна, ты уверена, что хочешь этого?

– Не мешай.

– Вы же начнете с чего-то полегче?

– Да, Клим. С травки. У меня все приготовлено.

– Ребята, это же опасно!

– Мадлен, успокойся!

Они назвались все.

И я запомнила их имена.

Блондин – Андриан. Девушка в белом – Дайна. С щетиной

– Влас. Короткая стрижка – Белла. Рыжая – Мадлен. Яркий парень – Эмиль. Темноволосая – Леся. Рядом с ней – Клим. Девочка с тетрадкой – Ева. И этот парень справа – Денис.

Надо повторить... еще раз... Андриан, Дайна, Влас, Белла, Эмиль, Мадлен, Клим, Леся, Ева, Денис...

Да, кажется, запомнила...

Влас вернулся на свое место, взяв с собой тонкие свертки.

Они мне напомнили сигареты. Из кармана он достал зажигалку. По одной такой сигарете он раздал Дайне и Эмилю. Себе тоже оставил одну.

Все наблюдали за троицей, которые решили попробовать то, что было запрещено пробовать.

Влас зажег огонек зажигалки и помог двоим ребятам закурить.

– Эта очень хорошая... вы не пожалеете...

Остальные молча наблюдали за ними. Трое закурили и выдули в воздух облака синего дыма с крайне специфическим дурманящим запахом.

Ева закашлялась.

Я быстренько похлопала ее по спине.

– Все нормально? Может, тебе воды дать?

– Было бы неплохо...

– Ребята, у нас есть вода?

Леся достала из своей сумки маленькую бутылочку:

– Лови!

Мне бросили воду, я быстро открыла бутылочку и передала ее Еве:

– Спасибо большое.

Она жадно сделала несколько глотков.

– Еве уже плохо от твоей дури, Влас! – шикнула на него Белла.

– Ничего страшного... сейчас она привыкнет...

И он сделал еще одну затяжку.

Дайна, выпустив дым изо рта, опустилась на свою куртку, расстеленную на полу.

– Ты как?

Ее губы расплылись в улыбке.

– Мне очень хорошо, Андриан... ты даже не представля-

ешь... как мне хорошо...

– Я же говорил, что это кайф настоящий. У меня еще есть белый песок... – похвастался Влас.

Белый песок...

– Ты сдурел совсем?! – Белла все еще проявляла свое недовольство.

– Я и тебе сделаю дорожку...

Влас протянул сигарету Белле.

– На... закури...

– Не тычь этим в меня! Черт с тобой! Сил моих нет!

– Как знаешь...

Влас пожал плечами, сделал еще одну затяжку и также лег на спину. Эмиль подхватил эту идею и последовали примеру двоих товарищей.

– Это так... необычно... – произнес Эмиль.

И стало подозрительно тихо.

– Что будет теперь? – нарушила молчание Мадлен.

– У меня есть... идея!

Андриан встал и проследовал к своему рюкзаку.

– Какая может быть вечеринка без...

В его руке появились две пачки с колодами карт.

– ... карт на раздевание?!

– Серьезно? – Клим выгнул бровь. – Раздевание? Здесь? В такой холод?

– Тем веселее, не так ли?

Андриан вернулся в круг и достал две колоды карт.

– Влас, Эмиль, Дайна, вы не играете, я так понимаю?

– Какие карты?.. дай полежать... – ответила пустым тоном Дайна.

– Так, они не играют. Значит, нас будет восемь человек. Никто ведь больше не против?

Возражений не было.

– Значит, разбиваемся на две группы по четыре человека. Как раз по колоде на каждую группу. И играем. Кто проигрывает – начинает раздеваться. Каждая команда может сама решить, в какого «дурака» будет играть: переводного, подкидного, того и другого или обычного.

Играть в карты?

Почему-то мне кажется, что я умею в это играть. Вроде, там нет ничего сложного. Нужно знать масти и силу карт. Не забывать про козырные карты. И считать, сколько и каких карт осталось. Это несложно, верно?

Думаю, я справлюсь, и раздеваться мне перед ними не придется.

Но с кем же я буду играть?

– Так-так... – Андриан почесал в затылке, – Ева, Денис, Серафима и Белла играют вместе. Я, Клим, Леся и Мадлен играем вместе. Держите карты. Погнали!

Пока Влас, Дайна и Эмиль наслаждались дымом, остальные разбились на две команды и сели в круг. Я так и осталась сидеть между Евой и Денисом. К нам присоединилась Белла. Четыре игрока. Одна колода. Три победителя и один проиг-

равший. Вероятность остаться голой – один к четырем.

– В какого «дурака» играем? – спросила у нас Белла. – Если будем играть в переводного и подкидного одновременно, то игра закончится очень быстро. И чем быстрее это случится, тем быстрее кто-то из нас разденется.

– Давайте и в того, и в другого, – кивнул Денис, – никто же не против?

Они посмотрели на меня и Еву. Мы ничего не ответили, а значит – согласились.

– Я раздам, – вызвалась Белла.

У каждого оказалось по шесть карт. Козырь – «черви». Внизу колоды лежал червонный король.

– У кого самый младший козырь? – спросил Денис.

Мои карты... так... соберись... два козыря... уже неплохо, учитывая особенность игры. Карты вполне сильные. У меня должно все получиться.

– У меня есть шестерка, – ответила Ева.

– Тогда ходи под Серафиму. И так по кругу. Погнали.

И мы начали играть.

Ева пошла первая. Мне подкинули. Я отбилась. Взяла карты.

Все происходило очень быстро.

Две девятки. Три девятки. Перевод. Сверху – валет. Еще валет. Я подкидываю. Дама. Король.

Три семерки. Перевод. Козырь. Бито.

Ева вышла.

Шестерки. Восьмерки. Еще козыри. Дама. Король. Бито.

Денис вышел.

Осталась я и Белла.

Кто разденется?

Осталось две карты.

– Вот черт!

Козырь. И у меня посильнее. Отбиваюсь.

Бито.

– Ходи!

Последние карты...

Пиковая дама.

Белла смотрит на меня...

Она бросает своего валета и обреченно выдыхает.

– Проклятье!

Я победила.

– Кто у вас проиграл? – обратился к нам Андриан.

Белла встала, показывая всем, что проиграла партию.

– А у нас...

Из другой группы встала Мадлен.

– Правила – есть правила! Давайте, девчонки!

Мадлен начала раздеваться. Она сняла кофту и принялась

расстегивать пуговицы на джинсах.

– Ты ничего не хочешь сделать? – Белла бросила в Власа. –

Меня тут заставляют раздеться, между прочим!

Влас лениво поднял голову и посмотрел на свою девушку.

– Ого! Ну, так давай... раздевайся! Я хочу посмотреть...

– Ты рехнулся?! Влас!

Но он сделал еще одну затяжку и ответил на выдохе:

– Всегда хотел, чтобы все посмотрели, какая ты у меня красивая...

Боже... что же она сейчас чувствует?

По взгляду Беллы я без затруднений поняла: она прокликает весь этот мир, прокликает Власа-наркошу и прокликает себя за то, что с ним связалась.

– Черта с два!

Белла стянула с себя свитер. У нее было очень худое тело и маленькая грудь. Телосложение Беллы больше напоминало тело худощавого парня. Мадлен сняла джинсы. Она осталась стоять в теплых носках и в белом нижнем белье.

Белла, взглянув на нее, в знак солидарности с Мадлен поддержала ее. Она не позволит Мадлен раздеться одной и вынести груз поражения в карточной игре.

Раздались довольные свистки Андриана и... Власа.

Девушкам было не по себе от того, что Мадлен и Белла должны раздеться. Леся с сожалением смотрела на них. Ее настроение не позволяло Климу проявить радость.

Эмиль поднял голову и посмотрел на девушек в нижнем белье. Махнув рукой, он вяло произнес:

– А, не интересно...

И снова лег на спину и закурил.

– Дальше! Дальше! – похлопал Андриан, требуя полного обнажения.

Белла сняла лифчик первая. Грудь у нее совсем маленькая. У Мадлен грудь была больше, а потому она стеснялась ее обнажать.

– Ах! Да пошли вы!

И с этими словами Мадлен откинула лифчик за спину.

– Дальше раздеваться обязательно? – обратилась Белла к Андриану.

– Давай, милая! Давай! – похлопал Влас.

– Вы серьезно? – ужаснулась Леся.

– Нет! С меня хватит! – Белла выдвинула жесткий протест и прикрыла грудь руками.

Андриан выдал новое условие:

– Тот, кто отказывается снимать нижнее белье, должен встать на корточки и полаять.

– Ты издеваешься?!

– Давай, Белла! Ты ж не собака, и я это знаю!

– Иди ты к черту, Влас!

Белла опустила на корточки. Ее тощее тело выгнулось дугой. Тонкие руки и ноги нервно тряслись. Решив закончить с этим быстро, Белла издала трехкратный лай.

– Повой! – закричал Андриан. – Еще надо повить!

– Хватит! – Белла вскочила и начала одеваться. – Я должна была собаку показать, а не волка! А ты, Влас, еще получишь у меня!

– О, да, детка, я только этого и жду, – посмеялся Влас.

– Следующая! – Андриан подал знак Мадлен. – Просим

ваши трусики нам! Или на колени!

Мадлен злостно зарычала, как дикий зверь.

– Мадлен, ты не обязана, – сказала ей Леся, – просто сделай, как Белла.

– Вот уж нет! – отрезала Мадлен. – Я не собираюсь лаять, как сутулая псина!

Раз... и Мадлен стягивает трусики до колен. Два, и она просовывает через них ноги, отбрасывая белье в сторону. Три – она снимает носки.

Мадлен стоит перед ними полностью голая.

И все смотрят... только на нее.

А она стоит, не в силах даже моргнуть.

– Вау! Вау! Брави брависсими!

Влас и Андриан довольно свистят и аплодируют.

– Молодец! Молодец!

– Красотка! Ууу!

Леся не выдержала: она вскочила и прикрыла Мадлен своим пальто, отгородив ее от назойливых зрителей.

– Хватит! Мадлен, можешь одеваться.

Но Мадлен... не спешила надевать на себя свою одежду...

А я... я заметила, как Ева, сидящая рядом со мной, прижимая к себе свою тетрадь, выводила карандашом тонкий контур обнаженного тела Мадлен...

Глава 12. Тетрадь Евы

– Что...

Леся застыла, держа свое пальто в руках.

– Я... не понимаю...

Мадлен одарила Лесю холодным оскалом.

– Они хотели смотреть. Пусть смотрят столько, сколько им будет угодно.

– Ты... это сейчас... серьезно?

– Да, серьезно!

С этими словами Мадлен делает жест рукой и заставляет Лесю со своим пальто подвинуться в сторону.

– Что ты делаешь?.. Почему?..

– Мадлен! Оденься! – бросила в нее Белла, застегнув пуговицу на джинсах.

– Мне и так хорошо. Приятно чувствовать себя свободной.

– Не носи чушь! Живо одевайся!

Белла схватила с пола одежду Мадлен и направилась к ней. Но Мадлен... толкнула Беллу в грудь, и та попятилась назад.

– Оставьте меня! Я же сказала, что не хочу одеваться!

– Мадлен... – на этот раз к ней обратился Клим, – игра закончилась. Тебе лучше одеться, а то холодно. Заболеешь.

– А ты чего заставляешь меня одеться? Тебе же тоже нра-

вится смотреть на меня? Небось уже встал, да? Так подрочи! Передерни на меня!

– Мадлен! – Леся покрылась ледяным потом.

– Да хватит меня трогать! Уйдите! Все уйдите! Мне и так хорошо!

Мадлен вернулась на свое место. Усевшись на куртки, она оставалась полностью нагой. Мадлен не имела ни малейшего желания прикрывать свое обнаженное тело перед всеми.

Влас тем временем достал из своего рюкзака пакетик с белым порошком. Он высыпал небольшую горстку на стол, а затем взял кредитную карточку из бумажника.

Он принялся сдвигать белый песок, выстраивая песчинки в тонкую дорожку.

– И мне тоже!

Дайна вскочила и присоединилась к Власу.

– Держи.

Он отсыпал часть содержимого пакетика ей и передал еще одну пластиковую карточку.

– А я? А как же я?

Следующим был Эмиль.

Троица, сделав для себя дорожки из белого песка, напомиавшего муку, втянула наркотик в нос, плотно наклонившись к столу. Они немного пошмыгали носами, втягивая внутрь весь порошок и запихивая оставшиеся вокруг носа песчинки в ноздри.

– Вот так, да, – похвалил двоих Влас, – правильно. Теперь

ложимся.

– Влас... – у Беллы на глазах стояли слезы.

Мадлен открыла бутылку виски и начала жадно глотать напиток.

Андриан сделал несколько глотков водки, тяжело выдохнул и тут же задымил электронной сигаретой.

Я же смотрела на все происходящее и не представляла, что может произойти дальше. А ведь могло случиться ровным счетом все, что угодно.

Эти люди... они уже не понимали, что делают.

Одна сидит голая. Трое наркош ловят кайф. Остальные пьяны настолько, что скоро совсем станут неменяемыми.

Что же они наделали?..

– Что это там у тебя?

Раздался голос Андриана.

Ева... подняла взгляд, оторвав его от тетради.

– Ничего, просто моя тетрадь.

– Тетрадь? Для чего?

– Чего ты пристал к ней? – возразил Андриану Клим.

– Не мешай.

И тот моментально замолчал.

– Зачем тебе эта тетрадь, Ева?

Она ответила не сразу.

– Там... мои рисунки.

– Ого? Так ты у нас – художница, верно?

Она промолчала.

– Дай посмотреть.

– Я не люблю показывать свои рисунки.

Ева поспешила закрыть тетрадь и убрать ее в сумку.

– Я сказал: давай сюда. Чего в этом такого? Я хочу посмотреть, что ты рисуешь!

Она молча убирала свои вещи в сумку.

– Ты глухая или недоношенная? Дала сюда быстро тетрадь, я сказал! Я просто посмотрю твои каракули и верну! Это так сложно?

– Отстань от нее! – рявкнула Леся.

– А что в этом такого, я не пойму! Я просто хочу... посмотреть!

Я увидела в его глазах... безумие.

Что-то нездоровое, что-то болезненное, что-то совсем неадекватное...

Ему снесло «крышу»?!

– Просто дай это мне, Ева! Будь послушной, девочкой! Ты же так просила, чтобы я тебя взял сюда с нами! А ты здесь вообще не к месту! И с чего ты вообще захотела пойти? Сидела бы в своей комнате, заставленной плюшевыми пони! А ты торчишь здесь с нами, пьяницами и наркоманами! Так что давай свои рисунки сюда... мы посмотрим на них...

Дайна, Эмиль и Влас уселись плечом к плечу друг к другу и с интересом наблюдали за развернувшейся сценой между Андрианом и Евой.

Андриан действовал быстро.

Скорым шагом он направился к Еве, сократив расстояние между ними. Одним резким движением он выхватил у Евы из рук ее рюкзак.

– Нет! Не надо! Отдайте! Я же не разрешала! – Ева отчаянно сражалась за свой рюкзак.

Но проиграла.

– Да отвянь, ты, мелочь!

Андриан наконец получил свое.

Грубым движением отстегнув молнию, он открыл рюкзак и получил желаемое – тетрадь Евы.

– Умоляю! Не трогайте! Не надо! Прошу!

Никто не посмел пойти против Андриана и заступиться за Еву. Никто...

Почему они просто стоят и ничего не делают?

Какая у него власть над ними?

Они боятся его?

Или это... другое...

Слабаки! Черт!

– Держи!

Андриан бросил рюкзак в Еву, сбив ее с ног. Ева упала на пол, а я успела подхватить ее, не дав ей сильно удариться головой.

– Осторожно, Ева. Что такого в твоей тетради? Почему ты так не хочешь, чтобы они...

Я не успела договорить. Андриан уже открыл тетрадь Евы и показал всем ее рисунки.

– Вы только гляньте сюда!

На странице карандашом нарисована молодая девушка. Милое лицо, длинные вьющиеся волосы. Обнаженная девушка. Девушка, которая получала удовольствие от самой себя.

На картинке голая девушка удовлетворяла саму себя и делала пальцами то, что приносило ей космическое удовольствие.

– Что это еще такое, а?

Андриан посмеялся.

– Что ты рисуешь, малявка? Что за порно у тебя в голове?

Андриан листал дальше.

– Ты рисуешь баб, Ева? Голых дрочащих баб? Посмотрите!

Андриан листал страницы и показывал развороты всем. Вся тетрадь Евы заполнена изображениями разных девушек, сидящих или лежащих в откровенных позах. И все девушки дарили себе удовольствие.

– Небось, ты и сама дрочишь на эти рисунки, да, Ева?

Андриан не унимался и продолжал бросать в Еву обидные фразы.

– Смотрите! А здесь две бабы дрочат друг другу! Ха! Ева... ну ты, конечно, пошлая! Да еще как!

В ее глазах застыли слезы.

– Не трогайте... отдайте это мне... прошу... не надо...

Это личное.

Слишком личное, чтобы выставлять перед всеми на обозрение!

– Эй, Мадлен! Ты тоже тут нарисована! Похоже, Ева хотела прийти домой и дрочить на тебя по памяти!

Андриан показал Мадлен страницу, на которой была изображена она сама, полностью обнаженная.

– Вот сука! – бросила Мадлен.

– Эй! Андриан! Дай и нам посмотреть! – крикнул Влас.

А потом начался настоящий ужас!

Безумие... воцарилось в этой комнате.

Ева резко вскочила на ноги и бросилась на Андриана с отчаянными воплями:

– Отдай! Верни! Это не твое! Не трогай! Верни это мне!

Она вцепилась в Андриана мертвой хваткой, намереваясь вернуть себе свою вещь. Андриан держал ее тетрадь на вытянутой руке у себя над головой и довольно смеялся.

– Как же ты мелкая! Ну, давай! Попробуй – отними! Влас, лови!

Он бросил тетрадь Власу – тот ее поймал.

Ева отцепилась от Андриана и побежала к Власу. Она схватила свою тетрадь и потянула на себя.

– Эй! – рявкнул Влас. – Ты сейчас порвешь, дурында! Дай нам посмотреть!

– Не трогай! – Дайна толкнула Еву.

Ева упала и всхлипнула:

– Пожалуйста... помогите... не надо... смотреть...

Влас и Дайна начали смеяться, глядя на рисунки в тетради.

– Ты только посмотри, какая у нее фантазия! – заявил Влас. – Какие сиськи... какие п...

– Отдайте! Прошу!

Ева не сдавалась.

Она предприняла вторую попытку вернуть себе тетрадь.

Но потом... ее со спины схватила Мадлен.

– Да угомонись ты уже! – рывкнула Мадлен. – Никто не собирается у тебя забирать твою тетрадь, недоношенная! Они просто посмотрят! Как ты вообще посмела меня рисовать голлой, а? Долбанутая лесбиянка! Чертова извращенка! Зачем ты меня рисовала, а?!

Мадлен повалила Еву на пол и дала ей пощечину.

– Мадлен, перестань! – крикнула Леся.

– Перестать? А тебе было бы приятно, если бы тебя нарисовали голлой?

– Она же не собиралась это никому показывать...

– Верно! Она собиралась дрончить на меня в одиночестве!

Ева получила еще одну пощечину от Мадлен.

– Перестаньте! – вырвалось у меня.

Конечно, никто не послушался.

Раздался шелест страниц... Влас вырвал страницу из тетради Евы и вручил ее Мадлен:

– Держи, Мадлен! Это твой рисунок!

Мадлен с радостью взяла страницу со своим изображением.

ем и посмотрела на него.

– Я не такая! Сучка! Как ты посмела меня нарисовать такой, а?!

Ева жалобно всхлипывала.

– Пожалуйста... не надо... отдайте его мне...

Но ситуация продолжала выходить из-под контроля. Впрочем, никакого контроля не было изначально.

Они пошли вразнос.

– Эй! – Андриан вернулся к издевательствам над Евой. – А тебе только девки нравятся, да? Это все потому, что ты никогда не видела красивого мужского тела!

Андриан в два счета расстегнул пуговицы на рубашке, показав свой пресс и мышцы на груди.

– Вот! Смотри! Нравится?

Ева не отвечала.

Тогда Андриан снял рубашку и откинул ее назад.

– Смотри какие у меня руки!

Он сжал кулаки и показал проступившие мышцы и вены на руках.

Андриан подошел к Еве и поднес свои плечи к ее глазам.

– Нравится? Или тебе больше это по душе?

Он указал взглядом на голую Мадлен.

– Давай, Ева! Я же вижу, что ты этого хочешь! Целуй!

Он подвинул свои плечи к ее губам.

– Давай, давай! Целуй! Ты же этого так хочешь, да?!

Андриан насильно пихнул свои руки в губы Евы, заставив

их прикоснуться к своей коже.

– Нравится, да?! Скажи, Ева: ты хочешь меня? Хочешь подрочить мне?

– Андриан! Прекрати! – вступил Клим.

Клим уже сделал шаг в сторону Андриана, но Леся... она взяла его за руку и не дала сделать еще один шаг.

Ее взгляд будто сказал Климу: «Не надо».

И тот остался стоять на месте.

– Что ты там принесла? Тортик? Где твой тортик, Ева? А, вот он!

Андриан нашел коробку с тортиком, который принесла с собой Ева, на столе. Он быстро снял крышку, взял торт с белым кремом в руки и вернулся к Еве.

– Хочешь слизать его с меня, да?

Андриан сунул два пальца прямо в торт, собрал белый крем и размазал его вокруг правого соска.

– Нравится, да? Хочешь полизать мой сосочек своим язычком?

Он продолжал зачерпывать крем с торта и обмазывать им свою грудь.

– Ты у нас сладкоежка, Ева?

Андриан развернул весь торт к себе и прижал его к груди. Андриан принялся размазывать весь торт по всему своему телу.

– Хочешь теперь съесть этот сладкий тортик с моего сладкого тела, Ева? Хочешь, да?

Но Ева только плакала, не в силах ничего сделать.

Андриан пошел в разнос. Он взял тетрадь Евы у Власа и беспощадно вырвал из нее несколько страниц.

– Смотри, что я делаю с твоей тетрадочкой, Ева! Смотри!

Взяв страницы, он принялся ими размазывать торт по своему телу.

– Твои дрочащие девки лизут мое тело! Нравится? Хочешь тоже попробовать?!

Я наклонилась к Денису и шепнула ему:

– Надо вмешаться... нельзя позволить ему сделать что-то еще...

– Ты права...

И в тот момент, когда рука Андриана скользнула за голову Евы, схватив ее за затылок, Денис вскочил и рванулся в их сторону.

– Прекрати!

Раз – Денис толкает Андриана. Два – тот падает, ударятся о стол затылком и валится на пол. Три – Денис вырывает тетрадь из рук Андриана и возвращает ее Еве.

– Отстаньте от нее! Вы все уже совсем сдурели?! Андриан! Ты пьян! Боже, как же ты пьян и сейчас вообще ничего не соображаешь! Вы что устроили? Все! Довольно! Больше никто не будет трогать Еву! Только через мой труп! Хватит ее обижать! Говна куски! Вот, кто вы все такие! Куски дерьма!

Ева прижала к себе свою тетрадь с вырванными страницами. Она вытерла слезы с лица и посмотрела на Дениса.

– Спасибо тебе...

– Прости, что не заступился за тебя раньше.

– Ничего...

Андриан, схватившись за затылок, сделал неудачную попытку подняться на ноги.

– Ты чего, Денис? Мы ж просто играли... И чего она вообще обиделась, а? Это же просто... шутка...

– Хватит, Андриан! Приди уже в себя! Дайна! Займись им наконец!

Дайна перевела пустой взгляд на Андриана и ничего не сделала. Она не сказала ни слова.

Кажется, она тоже перестала понимать, что вообще происходит вокруг.

– Денис...

Это произнес Эмиль, разлепив веки.

– А ты... смелый малый...

Денис не ответил.

Андриану все же удалось подняться на ноги. Он молча поковылял в сторону выхода, но потом свернул куда-то в сторону, пройдя в угол комнаты.

– Мы только начали играть... давайте... еще поиграем?

Андриан подошел к ведру с влажными препаратами и стянул с него металлическую крышку.

В воздух ворвался запах формалина.

– Андриан, хватит, – спокойно сказал ему Денис, – прекрати это.

– Чего такое, Денис? Ты не хочешь играть?

– Нет, Андриан. Тебе пора отдохнуть.

– Я так... не думаю...

Андриан сунул голую руку в чан с формалином и достал из него препарат мужского полового органа.

– Никогда не трогал их голыми руками...

Пауза.

– Лови, Эмиль!

И орган полетел через всю комнату.

Все пригнулись к полу. Препарат угодил в угол, где сидели Влас и Эмиль.

– Ты сдурел совсем? – рявкнула Белла. – Что вы устроили?

Андриан смеялся.

И я поняла... его уже не остановить...

Он взял новый орган – женский. И бросил:

– Это тебе, Белла!

Орган полетел в нее.

– Черт!

Белла отмахнулась от препарата и присела на пол.

С препаратов летели брызги формалина.

Андриан взял в руки еще несколько органов, и глаза его заблестели безумием:

– Ловите все!

Андриан начал кидаться органами, как снежками!

Я, Денис, Леся, Ева, Клим и Белла пригнули головы, чтобы органы не задели нас в полете.

Эмиль, Дайна, Влас и Мадлен присоединились к веселью. Они поднимали упавшие органы с пола и принялись кидать их обратно в Андриана. Тот отвечал – снова брал препараты в руки и бросал в своих соперников по игре.

Это была настоящая битва четверых против одного... только вместо снега – влажные анатомические препараты половых органов.

Какой кошмар...

Во что я вообще влипла?

Как мы до этого дошли?

И что будет дальше?

Эта безумная шайка не унималась. Они продолжали бросаться препаратами. Во все стороны брызгами летел формалин.

Раздавался их безумный смех.

Хаос воцарился в этой комнате!

– Ловите! Еще и еще!

– На тебе, Андриан! На!

– Сейчас ты у меня получишь!

– Бросайте в него! Бросайте в него еще!

– И еще! Да! Вот так!

– Я вас всех одолею! Вы у меня попляшете!

– Закидываем его, братва! Закидываем!

– Вам меня не победить! Да!

– Мы тебя победим! Мы справимся!

– Мы победим!

Остальным пришлось заползти под стол, чтобы не попасть под град брызг.

– Они совсем спятили... – сказала Белла.

– Что будем делать? – спросил Клим.

– Мы не сможем их остановить, – понял Денис, – нам придется дожидаться, пока этот кошмар не прекратится.

Так и случилось.

Мы переждали «бомбежку» под столом.

Через несколько минут безумная игра закончилась. Обе команды выдохлись.

– И кто победил? – голос Эмиля.

– Я! – заорал Андриан. – Я победил!

Я вместе с остальными вылезла из-под стола.

– Иди ко мне! Мой герой! – Дайна протянула руки.

– Уже бегу, милая!

Андриан вприпрыжку преодолел расстояние, отделявшее его от Дайны.

Он присел рядом с ней. Она улыбнулась и языком сняла сладкий белый крем от торта с его шеи.

– Белл...

Влас смотрел на свою пассию.

– Давай ко мне...

– После того, что ты сделал?

– Да, брось! Ты же меня простишь... всегда прощаешь...

Белла, засмутившись, сдалась. Она улыбнулась и присодинилась к Власу, бросившись в его объятия.

Я заметила, как Клим молча взял Лесю за руку, а она вся покраснела.

Что это со всеми ними?

Только что они бросались органами друг в друга, а сейчас...

Я совсем не понимаю этих людей!

– Может, подыщем укромное место, а? – Андриан предложил это Дайне.

– М-м... давай.

Она согласилась.

Влас предложил Белле нечто похожее:

– Пойдем в музей?

– В музей? – она выгнула бровь.

– Это лучшее место.

Черт!

Какого...

– Хочу найти место потеплее, – шепнула Леся Климу на ухо.

– Я возьму с собой свечи, – ответил он ей.

Мадлен... Мадлен предложила себя всем желающим:

– Я останусь здесь... если кто желает присоединиться ко мне – милости прошу...

Эмиль поднялся на ноги и слегка покачнулся, чуть не повалившись на пол снова.

– Пожалуй, я пройдусь... и найду для себя уютную комнату...

И он направился к выходу.

– Что нам делать? – спросила Ева у меня.

– Нам втроем лучше... просто погулять, пока это все не закончится, – предложила я.

– Согласен, – кивнул Денис.

Дайна и Андриан уже начали целоваться.

Влас и Белла, Клим и Леся тоже направилась к выходу, чтобы уединиться друг с другом в других комнатах.

Как это получилось?

Как они так быстро переключились с издевательств над Евой на подобное...

Что руководит этими людьми?

Почему они так себя ведут?

Алкоголь? Наркотики?

Или... ими командует что-то более могущественное... и темное...

Я отказывалась думать о том, что будет происходить дальше. Сейчас имеет смысл оставить их всех. Нужно подумать... подумать о том, что же здесь происходит.

Все покинули класс, оставив в нем одинокую Мадлен ждать своего «принца на белом коне».

Остальные разошлись по парам в разные стороны.

Их разум помутился.

Вряд ли они отдадут себе отчет в том, что сейчас собираются делать.

Темная сила... управляет ими... я это чувствую...

Кто-то должен их спасти, если это еще возможно...

Глава 13. Грехопадение

– Куда ты хочешь?

– Вниз...

– Туда?

– Да, во тьму...

– Но Дайна... там же...

– Тише-тише... ты хочешь сделать это в необычном месте?

– Да, Дайна, хочу...

– Тогда пошли! Я готова...

– Значит, вниз? Во мрак?

– Да... туда, где будет холодно, так что тебе придется греть меня долго-долго...

Они скрепили свои губы в жарком поцелуе, и рука Андриана скользнула за спину Дайны, чтобы нащупать ручку железной массивной двери.

Пальцы Дайны уже скользили по его обнаженному торсу, измазанному сладким кремовым тортом.

– Тебе помочь?

– Да, будь добра...

Она посмеялась, отошла в сторону и позволила Андриану открыть дверь, ведущую на лестницу.

Взявшись за руки, они быстро пробежались по ступенькам, прошли через вторую массивную дверь и оказались в

темном коридоре.

– Скорее... скорее...

Дайна шлепнула Андриана по ягодицам, подгоняя вперед.

Пока он доставал ключи и открывал дверь, ее руки обнимали его со спины и гладили по животу и грудным мышцам. Дайна перевела пальцы на его плечи и поцеловала Андриана в шею.

– Ты вся горишь, Дайна...

– Да. И я хочу отдать все это пламя тебе... только тебе!

– Готово!

Замок щелкнул, и дверь открылась.

Андриан вошел во мрак.

– Свет?

– Нет!

Дайна отрезала это так жестко, что Андриана передернуло от испуга.

– Никого света.

Дайна, держа Андриана за руку, пробежала в сторону подоконника, запрыгнула на него и обняла ладонями лицо возлюбленного.

– Давай же...

На этот раз Дайна во время поцелуя пошла еще дальше. Она укусила Андриана за нижнюю губу так, что у него пошла кровь.

Кончиком языка Дайна слизала красную струйку и проглотила.

– Ты – зверь...

– Ты же с самого начала знал, что имеешь дело с опасной кошкой...

Руки Андриана скользнули Дайне под кофту и направились вверх. Она издала тонкий стон, откинув голову назад.

– Я готова... принять тебя...

* * *

– Тебе нравится эта комната?

– Да, вполне.

Леся и Клим ушли в дальний кабинет. Клим нашел от него ключи на охранном посту. Внешне этот кабинет мало чем отличался от того, в котором они все собрались изначально.

Леся оставила верхнюю одежду на парте и расставила свечи на столе.

– Мне нужно выйти в туалет, чтобы... подготовиться...

– Хорошо.

Клим достал зажигалку.

– Тогда я все приготовлю к твоему приходу. Постелю наши вещи, зажгу свечи. Когда ты вернешься, я буду готов.

Без лишних слов Леся поцеловала Клим в губы, слегка сжав его шею, имитируя удушье.

– Вот и проверим...

Она сказала это так тихо, что Клим не расслышал:

– Что ты сказала?

– Ничего.

Леся среагировала моментально.

Ее мучали сомнения насчет ориентации Клима, связанные с тем, что о нем говорят.

– Будь готов, когда я вернусь. Мы начнем... сразу.

– Да, я буду ждать.

Леся ехидно подмигнула Климу и вышла из класса, плотно прикрыв за собой дверь.

– Так... с чего бы начать?

Первым делом Клим зажег все свечи и расставил их на столе для препаратов, на подоконнике и на полу.

Он разложил верхнюю одежду – свою и Леси – на партах. Затем снял свитер и положил его поверх курток, чтобы сделать покрытие еще более мягким.

Добившись «романтической» атмосферы в классе анатомии, Клим снял обувь, оставив ее в углу комнаты. Затем он снял джинсы и сложил их на стуле, свернув в несколько раз.

Оставшись в одних трусах, он гуськом пробежал к стеллажу в углу класса.

– Так-так... надо что-то придумать... Ах! Вот оно!

Климу пришла в голову забавная идея.

Он схватил с полки человеческий череп, вернулся к партам, залез на столы, стянул с себя трусы и отбросил их прочь.

Устроившись на боку, согнув одну ногу, он поставил череп между ног и обратил взгляд на дверь в ожидании возвращения Леси.

* * *

Когда Белла зашла в уборную, то почувствовала странный

запах ржавчины. Она осмотрелась – вокруг не было ничего, что бы могло издавать подобный запах.

Но ощущения у Беллы оказались не из приятных.

– Боже! Фу! Что за запах? Будто... что-то сдохло!..

Она в шутку подумала: «Надеюсь, среди нас не спрятался убийца?».

Любопытство пробрало Беллу до костей. Она осмотрела каждую кабинку, залезла под каждую раковину, осмотрела все на потолке.

Почему она посмотрела на потолок?

Навязчивая мысль о том, что кровь может стекать сверху одолела ее.

Ничего.

Она ничего не смогла найти!

Все чисто... относительно, конечно. Это все-таки туалет в анатомичке! Сюда частенько смывали старый формалин.

– Странно...

Решив не думать дальше о неприятном запахе, Белла пошла к раковине и посмотрела на свое лицо в зеркале.

Тут дверь скрипнула, и в уборной появилась Леся.

– Привет, – сказала она Белле, словно они давно не виделись.

– Привет... ты ничего не чувствуешь?

– Ты о чем?

– Запах.

– Запах?

Леся приняхалась и осмотрелась.

По ее изменившему выражению лица, словно Леся лимон проглотила, Белла поняла, что та все чувствует.

– Ага! Ты почувствовала! Как думаешь, что это?

– Не знаю... но вонь неприятная, это правда. Какая-то... мертвечина...

– Я тоже так же подумала! Точно! Словно, крысы сдохли...

– Очень может быть! Это же старое здание. Здесь... всякое бывает, так ведь?

– Но какие крысы зимой?

– И то верно...

Они так и не смогли прийти к единогласному решению по поводу природы неприятного запаха, а потому эту тему пришлось отложить.

– Ты чего пришла? – Белла заметила крайнюю обеспокоенность Леси.

– Мы с Климом... тоже решили...

– Тоже? Меня Влас потащил в музей. Ждет сейчас там. Я вот хочу привести себя в порядок, но... а ты...

Леся промолчала.

– Леся, ты чего?

Белла подошла к ней и положила руки ей на плечи, внимательно посмотрев в растерянные глаза.

– Понимаешь, я никогда не...

– О, боже... я поняла. Ты точно этого хочешь сейчас? Мо-

жет, лучше дожидаться более удобного случая, когда ситуация не будет такой... экстремальной?

– Господи! Какая же я дура!

Леся закрыла лицо и опустила на корточки.

– Леся!

Белла присела рядом с ней.

– Я повела себя так глупо перед ним! – Леся уже вытирала слезы. – Словно я... прям все знаю и умею! Понимаешь? Я была очень... уверена в себе. И он увидел эту уверенность во мне! А я совсем не уверена, понимаешь? Я ничего не знаю! Ничего не умею! Я вообще не уверена, что готова это сделать сейчас! Да вообще сделать! Черт! Черт...

– Спокойно, Леся, спокойно, это не конец света. Помню свой первый раз с Власом. Жутко нервничала. Он сделал все сам, но... то было дело в квартире, в тепле и уюте. В моей квартире! А здесь... Леся, ты имеешь полное право отказать ему сейчас.

– Что?

– Да! Просто скажи, что сейчас не готова. Он поймет. Клим – умный парень.

– Хочешь, чтобы я его «обломала»?

– Для твоего же блага, Леся. Да, расстроится он немного, но переживет. Вы можете с ним поцеловаться, полежать просто вместе. Если наберешься смелости – разденешься, но это необязательно. Ты не должна это делать здесь и сейчас, понимаешь? Подумай о себе, Леся. Подумай, как следует. Луч-

ше сделать это в более подходящий момент. И ты сама ведь это понимаешь, правда?

– Да... не так я себе это все представляла.

– Вот и не расстраивайся! Ты же его любишь? Прости... наверное, это слишком сильно было сказано...

– Нет-нет! Я... люблю его, да. Он замечательный. Он очень заботливый, внимательный, нежный и...

– Тогда иди к нему и скажи все, как есть. Это нормально. Вы двое – взрослые люди. Нужно уметь решать подобные проблемы. Скажи, что сейчас слишком холодно и вообще страшновато. Вам, правда, лучше просто... побыть наедине, пообщаться, поцеловаться, поговорить друг о друге и все такое... никто ведь силком не тащит!

Слова Беллы развеселили Лесю.

– Да... ты права. Как всегда.

– Конечно, я права! Ну же, не раскисай! Все тип-топ!

Белла помогла Лесе подняться на ноги и вытерла ей слезы с глаз.

– Ты такая красивая. И у вас все еще будет – я просто уверена в этом на все сто процентов! Просто сейчас... нужно повременить.

– Да, я ему все аккуратно скажу. Мы просто будем целоваться, обниматься и общаться.

– Правильно! Вот и умничка!

Леся прошла к раковине и умыла свое лицо.

– Так лучше?

– Ты прекрасна, Леся.

А сама Белла начала переживать за себя. Она понимала, что Влас сейчас находится не в самой лучшей форме. Она тоже отчасти уверена в том, что сегодня у них ничего не выйдет.

– Белла.

– Да?

– И тебе удачи.

На это Белла лишь молча улыбнулась и кивнула.

– Ну... я пошла!

И Белла вышла из уборной, прочь от мерзкого запаха. Собравшись с духом, она направилась в сторону анатомического музея.

* * *

– Ты такая красивая сегодня... Белла...

Он обнял ее за талию и прижал к себе.

– Надо же... ты умеешь быть нежным. Не знала...

– Все твои шуточки.

– Ты ведь поэтому выбрал меня, да?

– Да?

– За шуточки. Тебе нужно, чтобы я тебя... развлекала...

Влас издал неловкий смешок в ответ.

Он одарил ее нежным поцелуем в губы и прошептал на ухо:

– Ложись...

Она легла, а он устроился рядом.

– Я помогу? – спросил он.

– Давай... не все же мне самой делать, верно?

Влас помог снять Белле кофту. Затем он расстегнул пуговицу на ее джинсах и стянул их с ног.

– Какие у тебя ноги...

– Тебе было приятно наблюдать за тем, как на меня все смотрели, когда я почти разделась?

– Должен признаться... у меня встал...

Белла посмеялась в ответ.

– Другого ответа я и не ждала! Но впредь... я хочу раздеваться только для тебя...

– Разумеется.

Влас одарил шею и грудь Беллы поцелуями. В этот момент он ловко избавил ее от лифчика, а потом стал продвигаться постепенно вниз.

– Раздевайся. Я так больше не могу!

– Моя горячая Белла! Как я это люблю в тебе!

Влас с радостью обнажился, сняв всю верхнюю одежду с себя, оставшись в одних трусах.

– Я хочу...

– Да, Белла?

– Чтобы ты сделал со мной все... что захочешь!

– Правда?

– Да... я разрешаю... сегодня...

Влас довольно заулыбался.

Загоревшись, он поспешил лишить Беллу последнего

предмета одежды, а затем полностью оголился сам.

– Я хочу стать с тобой одним целым...

– Давай же...

Когда он вошел в нее, Белла с силой закрыла глаза и впи-
лась руками в пол.

Влас не останавливался.

Он делал это еще быстрее.

Он получил разрешение делать все, что ему вздумается.

И сейчас он был готов воспользоваться им по полной про-
грамме...

* * *

Грея руки в подмышках, Белла прошла мимо Серафимы, Евы и Дениса, сидящих на ступеньках в холле. Ничего не сказав им, а лишь бросив бессмысленный взгляд в их сторо-
ну, она продолжила свой путь к анатомическому музею.

Она не думала о том, что ее окружало в этот момент. Все мысли ее сконцентрировались на том, что сейчас ей пред-
стоит встретиться с Власом, который прибывает не в самом
лучшем состоянии для занятия любовью.

Она уверена, что у Клима с Лесей все бы получилось, не
будь она такой трусихой! Впрочем, это не ее дело.

Совсем не ее!

А ее дело – Влас...

Влас, которого она на дух не могла переносить, когда он
входит в это состояние...

Ей пришлось раздеться после игры в карты! Да еще и

встать на четвереньки и лаять, как псина!

А что сделал ее человек, чтобы вывести ее из неудобного положения?

Ничего!

Он просто смотрел и наслаждался!

Подонок!

Вонючий, мерзкий наркоман...

Белла откинула от себя правое крыло двери, ведущей в музей, и застыла на пороге.

Мир ушел у нее из-под ног.

То, что она увидела перед собой, повергло ее в немыслимую протрацию, граничащую с шоком.

Первые секунды ее сознание вообще отрицало увиденное. Но глаза... не обманешь!

Она видела Власа, ее молодого человека, полностью раздетого, который лежал сверху на гнилой ветхой мумии... стекло, накрывающее саркофаг, стояло на полу. Влас забрался на постамент к мумии и терся гениталиями меж истонченных мертвых ног, постанывая и покрикивая.

– О, да! Белла! Как я тебя люблю! Еще... еще! Хочу больше!

Весь покрытый потом, он пыхтел и извергал немыслимые стоны удовольствия, продолжая насиловать трупные останки...

– Ты прекрасна! Как ты это делаешь, Белла? О! Что ты делаешь со мной? Как же мне хорошо... хорошо...

Влас издал звериный вой, выгнувшись дугой. А потом он склонился над мумией и стал целовать ее по всему иссохшему черепу.

Вид на этот мир Белле преградила пелена слез.

Она ясно понимала, что с этим человеком...

Это наркотический приход, который она не сможет ответить...

Дело плохо.

– Гребаный наркоша...

Белла не выдержала.

Она не могла и дальше смотреть на этот кошмар.

Она резко выбежала из музея, захлопнув за собой дверь.

Уж лучше она вернется в уборную, к тому мерзкому запаху, и спрячется в одной из кабинок, чтобы прорыдать всю ночь до рассвета, чем еще хоть еще одну секунду лицезреть этот позор.

* * *

Я, Ева и Денис сидели на ступеньках в холле, ожидая, когда в нашем маленьком мире завершится эта «сексуальная революция».

Только что мимо нас пробежала Белла, вся в слезах. Я хотела узнать, что с ней, но Ева и Денис убедили меня в том, что сейчас ее нужно оставить одну в покое.

Что бы там ни случилось, ее ситуация заботила меня меньше всего.

Важнее следующее обстоятельство – Ника.

О ней никто не вспомнил...

Никто!

Даже Денис и Ева словом не обмолвились со мной о Нике. Словно ее... вообще никогда не существовало!

Никто не отправился ее искать. Даже Мадлен... она предпочла сделать из всего класса свою личную территорию и обустроить ее полностью под свои эротические хоромы.

– Мы еще можем уйти, если хотите, – предложил нам Денис.

– Нет.

Я отказалась.

– Должен же хоть кто-то остаться, чтобы предотвратить катастрофу.

– Серафима права, – Ева кивнула, – в подобных ситуациях нужны трезвомыслящие люди, которые потом развезут всех по домам. Тебе ли об этом не знать, Денис?

– Ах... ты про тот случай, когда я развозил наших парней по домам на такси после «дня первокурсника»?

– Ага...

Боже! Я вообще про них ничего не знаю!

Ни про их жизнь, ни про них самих...

Об это знала она, Серафима, но не я...

Мне досталась лишь малая часть ее воспоминаний. И эти воспоминания совсем не связаны с ее учебной и личной жизнью.

Я лишь помню жуткие вещи... слова... голоса...

«Ты умрешь первая»

«Грехопадение»

«Я приведу их...»

– Весело было. Похоже, в этот раз случится нечто похожее.

– Сколько сейчас времени? – спросила я.

Денис посмотрел на часы на своем телефоне.

– Два часа ночи. Через четыре часа вернется охранник. К этому времени нас здесь быть не должно.

– Как думаете, надолго они там все закрылись? – полюбопытствовала Ева.

– Ну-с... учитывая их алкогольное опьянение, все должно закончиться уже скоро.

Нам всем стало неожиданно весело.

– Никогда не понимала, как так можно много выпить... ужас ужасный! – Еву вздрогнула.

– Ты замерзла?

Я подползла к ней поближе и прижалась к ней плечом.

– Нет...

В холле было довольно прохладно. Нашли, где сидеть! Прямо в компании сквозняка!

– Денис...

– Да, Серафима?

– Можешь принести нам чего-нибудь теплого, пока мы ждем? Чай и кофе в термосах сейчас явно не будут лишними.

– Может прихватить еще твоей картошки? И сосисок?

«Моей картошки»?

«Сосисок»?

– Да... будет очень неплохо!

– Тогда ждите меня... скоро вернусь!

Денис, как настоящий джентльмен, не отказал нам в просьбе. Он поспешил вернуться в класс, чтобы прихватить для нас теплую еду.

Я осталась с Евой наедине.

* * *

Стоны Дайны разносились на всю анатомичку.

Она крепко прижималась к Андриану, пока он сам держал ее на своих руках. Своими ногами она обнимала его за таз. Ее глаза широко открыты и обращены кверху.

Андриан пыхтел и сам почти кричал.

На выдохе Дайна услышала от него:

– Благословенное семя дано...

Дайна замерла в ужасе и растерянно уставилась на Андриана.

– Ты что-то сказал?

Но Андриан мгновенно сменил тему.

– Кого ты себе представляешь, Дайна?

Все удовольствие, которое она получала все это время, мгновенно улетучилось.

– О чем это ты?

Андриан остановился, но продолжал держать Дайну на руках прижимая к своему телу.

– Я же все знаю... от меня ничего не скроешь...

– Что ты знаешь, Андриан?

– О тебе... и о других...

– Других?... Андриан! Что ты несешь? Вроде дурь приняла я, а не ты! Что происходит?

Андриан издал грубый смех.

– Клим. Ты все еще любишь его?

– Андриан! Это было в десятом классе! Мы с ним давно расстались! Сейчас он встречается с Лесей! Я ничего не чувствую к нему!

– А почему с ним расстались? Это после тебя он стал геем, да?

– Что ты...

Но Андриан не остановился в своих обвинениях.

– Забудем о нем. Влас.

– А что «Влас»?

– Я все знаю, Дайна...

На этот раз ее выражение лица выдало ее с потрохами.

– Откуда?..

– Да! Так это правда! Да! Ты ему отсасывала... да, я знал!

Всегда знал!

– Кто тебе сказал? Черт! Кто бы тебе это ни сказал, Андриан... это было еще до тебя! И всего один раз!

– Нет... меня не проведешь! Ты – лгунья, Дайна! Грязная лгунья... это было уже при мне! Мы только начали встречаться... А вот Влас с Беллой еще не были вместе. И ты ему

отсосала, когда он пришел к тебе за советом. Я прав? Да, я прав...

Она не могла скрыть правду сейчас.

Андриан видел ее насквозь.

– Отпусти меня! Сейчас же!

Андриан подошел к подоконнику и усадил на него Дайну.

Она схватилась за свою куртку и прикрыла свое тело.

– Чего ты прячешься?

– Кто тебе это сказал?

– Информатор...

– Кто это, Андриан? Это не шутки!

– Ты права, Дайна... это не шутки!.. Ты изменяла мне, сосала всем направо и налево! Это лишь часть твоих похождений, я угадал? Кто еще у тебя был? Денис? Эмиль? Кто?!

– Что за бред ты несешь?!

Андриан, уперев кулаки в бока, злостно плюнул на пол.

– Шлюха...

– Андриан...

– Больше не смей трахаться со мной, поняла?!

– Ты спятил?! Андриан! Это бред! Как ты не понимаешь!

Это полный маразм! Какой Эмиль? Какой Денис? Ты о чем?

– Вечно вы, женщины, такие... суки!

И вдруг над Дайной повис кулак.

Она отпрянула назад, прижавшись к окну, и вскрикнула.

Андриан так и стоял над ней, не в силах сделать последнее движение – нанести удар.

Она ничего не говорила. Из ее глаз медленно текли слезы.

– Я думал, что ты не такая, как все...

Андриан больше не слушал ее слов, молитв о прощении и жалобных стонов.

Он молча оделся и вышел за дверь, оставив ее одну во тьме... наедине с формалином.

* * *

Клим пытался привести мысли в порядок.

Все то время, что он дожидался Леси, Клим постоянно накидывал самые разные варианты о том, как ее будет лучше встретить.

Ничего «умнее», чем остаться сидеть голым на куртках, прикрыв пах черепом, ему больше не пришло.

И вот настал ответственный момент...

Дверь кабинета скрипнула, Клима моментально бросило в дрожь. Он резко поднял голову и увидел...

– Оу, ты здесь... прости, приятель!

Эмиль отвернул свой взгляд от Клима и собрался выйти за дверь, как вдруг...

Клим сам услышал свой голос:

– Нет, Эмиль, постой...

Он замер у двери.

– Останься.

Эмиль закрыл дверь и остался в комнате. Теперь он более решительно посмотрел на Клима.

– Можно?

– Да, я...

– А если Леся придет...

Клим не ответил.

Его взгляд остановился на Эмиле и на мгновение метнулся вниз.

– Вау... как нежно ты тут все придумал!

– Нравится?

– Да... очень романтично.

– Хочешь присесть, пока... она не пришла?

– Будет очень неудобно...

Клим снова не ответил. Эмиль все понимал.

Он спокойно прошел к Климу и сел на парту рядом с ним.

Клим подвинулся ближе к Эмилю. Он не сводил с него глаз.

– Все ведь и так уже знают, да? – спросил Клим.

– О чем?

– Ты знаешь... про меня.

– Ах... и ты знаешь слухи о себе?

– А кто не знает слухи о себе?

Двое легко посмеялись.

– Значит... дыма без огня...

– Не бывает, – закончил Клим.

Какое-то время они молча смотрели друг другу в глаза, не отводя взгляд. Потом Клим наклонился ближе к Эмилю, и тот ответил ему взаимностью.

Их губы почти соприкоснулись, как вдруг Клим сказал:

– Это так...

– Непривычно, да? Ты же хотел этого?

Клим чувствовал на губах горячее дыхание Эмиля.

– Да, и хочу сейчас...

– Тогда смелее.

Эмиль дождался, когда Клим сделает это первым.

Поддавшись своему желанию, Клим поцеловал Эмиля, но потом испуганно отодвинулся в сторону.

– Ты чего? – Эмиль подвинулся к нему ближе. – Все же хорошо... я здесь, с тобой...

– Да, прости. Это просто...

– Ничего страшного...

Эмиль положил свою ладонь на плечо Клима, подвинулся еще ближе, а второй рукой убрал череп, оставив его в сторону.

– Это явно лишнее, ты не находишь? – пошутил Эмиль.

– Да... ты прав.

Клим чувствовал на себе прикосновения рук Эмиля, и от этого у него по спине пробежался приятный холодок.

Он чувствовал, что готов получить то, чего так давно ждал и хотел.

Это его шанс.

Эмиль не сводил взгляда с лица Клима. Он провел пятерней по его волосам и легко усмехнулся.

Тогда Клим набрался смелости и перекинул ногу через ноги Эмиля. Теперь он сидел сверху на нем, прижавшись к

нему всем телом.

– Ты этого хочешь? – спросил Эмиль. – Я должен спросить, ведь...

Клим, не дожидаясь конца его фразы, кивнул:

– Да. Хочу. Правда.

– Вот и хорошо.

Руки Эмиля скользили по спине Клима. Эмиль сильнее прижал Клима к себе.

Клим ощущал приятное жжение по всему телу. Его бросило в пот. В голову ударил жар – никогда прежде он не испытывал ничего подобного, но всегда хотел испытать.

Он снова поцеловал Эмиля в губы и только теперь понял, что хочет продолжения.

Прямо сейчас.

* * *

Денис вошел в класс.

Мадлен сидела там, на своем месте, все еще без одежды.

– Оу, ты пришел! Дениска...

– Я только на минуту, Мадлен.

– Минуту? Ах, я думала, что ты способен на большее!

– Нет, ты не поняла! Прости, Мадлен, но я пришел не к тебе.

– Нет?

– Ева и Серафима замерзли. Я хочу принести им горячих напитков. И чего-нибудь поесть. И тебе я бы посоветовал одеться. Холодно. Не обижайся, Мадлен, но к тебе... вряд

ли кто-то придет...

– Почему же?... Уже пришел...

Денис, стараясь не обращать внимание на заигрывания Мадлен, рванулся к своему рюкзаку. Там он нашел свой термос. Потом он обнаружил сумку Серафимы. Нужно взять еще один термос и контейнеры с едой.

Мадлен тем временем пересекла комнату, прижала спиной дверь в кабинет и легкой походкой направилась к Денису.

– Мадлен... я же сказал...

А потом... он почувствовал на себе ее руки.

Она прижалась к нему сзади всем телом и обняла его руками, обхватив за грудь. Ее пальцы потянулись вниз и отстегнули ремень его джинс и верхнюю пуговицу.

– Не надо, Мадлен... прошу! Что ты делаешь? Мне нужно идти! Меня ждут!

– Подождут...

Вжик!

Мадлен расстегнула ширинку на его джинсах.

– Мадлен...

– Если бы ты хотел убежать от меня, то давно бы это уже сделал.

Денис продолжал стоять и сжимать в руках термос.

Лоб покрылся потом.

А потом... Мадлен резким движением стянула с него джинсы вместе с трусами до самых щиколоток.

– А говоришь, что ничего не хотел...

Она села на колени, на куртки, расстеленные у ног Дениса. И ее пальцы скользнули по его ягодицам к паху.

– Мадлен...

– Денис. Не прикидывайся дурачком. Мы же оба... все прекрасно понимаем... мы с тобой – два взрослых человека, и мы оба хотим это получить... верно?..

– Я должен... идти...

Он почувствовал, как ее пальцы сжали его гениталии.

– И что будет дальше? Ты вернешься к этим клушам? И что потом? Разве они сделают для тебя то, что сделаю я?

Она заставила его развернуться к ней лицом.

Он опустил взгляд вниз – Мадлен довольно улыбнулась, приоткрыла рот и плотно прильнула к его телу.

* * *

Леся шла по коридору и прокручивала в голове весь разговор с Климом, который она заготовила заранее.

Она нашла в себе добрые и мягкие слова, чтобы поделиться с ним о своих чувствах и дать ему понять, что сейчас не готова быть вместе с ним и начинать интимные отношения.

Она очень любит его, но просит повременить до лучшего момента. Эта вечеринка – не то обстоятельство, при котором она будет чувствовать себя спокойно и полностью расслабленной.

Сердце бешено стучало – она переживала за его реакцию. Он же обидится... но если он ее любит – все поймет, так?

Это просто ее заморочки... ее тараканы в голове... ее личные переживания...

Пока что она с ними не в силах справиться.

Леся верит, что Клим ей поможет во всем. Вместе... они со всем справятся!

Подойдя к двери кабинета, за которой ее должен ждать Клим, так решительно настроенный на занятие любовью с ней, она услышала странные звуки.

Дверь была слегка приоткрыта.

Леся осторожно сделала щелочку чуть шире, чтобы заглянуть внутрь.

Лучше бы она этого не делала...

Леся увидела Эмиля... голый Эмиль сидел на столе, свесив ноги. На полу на коленях сидел Клим... ее Клим, тоже голый. И голова Клима ритмично покачивалась между бедер Эмиля...

Все смешалось.

Мысли спутались.

«Это правда» – крутилось у нее в голове.

Ее нижняя челюсть затряслась. К глазам подкатили слезы.

И дело было вовсе не в том, что она увидела...

Нет...

Она поняла самое страшное: они не смогут быть вместе.

Уже никогда.

Прикрыв за собой дверь, Леся спешной походкой направилась в туалет. Там ее будет ждать Белла. Сейчас ей нужно

кому-то выплакаться.

* * *

– Что-то Дениса долго нет, – я подперла подбородок кулаками.

– Надеюсь, Мадлен его не обворожила.

Ева звонко посмеялась. Мне и самой стало весело от такой мысли.

Скорее всего он просто не может найти контейнер с картошкой и сосисками, который принесла Серафима.

– Можно спросить? – решила я.

– Да, Серафима, конечно.

– Это очень неудобно, но я бы... хотела просто понять.

Ева промолчала, давая мне возможность продолжить.

– Почему ты рисовала те картинки? Я имею в виду...

– Девушек?

– М-м... да... черт! Мне очень неудобно! Не надо было спрашивать!

– Все в порядке. Не переживай. Тебе я отвечу.

Эта последняя фраза плотно засела в моей голове: «Тебе я отвечу». Ева доверяет мне. И я не хочу подвести ее доверие.

– Ты вовсе не должна, если не...

Но она меня уже не слушала, а говорила сама:

– Это красиво.

Я заткнулась.

Мне послышалось?

– Прости? Я просто...

– Да, Серафима. Это, наверное, прозвучит очень глупо и нелепо! Просто...

– Красиво?

– Да. Я считаю, что в этом есть своя... эстетика...

Я старалась мыслить категориями Евы. Для нее в женском самоудовлетворении не было ничего постыдного или грязного. Она считала это... красивым.

И не просто красивым, а эстетически красивым!

– Надо же... я как-то не задумывалась об этом, если честно.

Ева не ответила.

– И давно ты их рисуешь?

– С семнадцати лет.

– Правда?

– И ты сама...

– Нет! Нет! Во всяком случае... не так часто, как ты могла обо мне подумать!

– Ой! Ева, прости! Прости меня! Я не хотела! Очень неловко вышло!

– Ничего страшного! Это даже забавно так...

Ева сама посмеялась.

– Если честно, я вот так откровенно ни с кем не говорила об этом, – призналась она.

– И не ты одна...

Тема нашего разговора оказалась весьма интимной. И мне было приятно, что Ева стала именно тем человеком, с кото-

рым об этом можно поговорить спокойно и без стеснения.

– Почему ты пошла сюда? – спросила я снова.

– Сюда?

– Да, на эту вечеринку. Компания... явно не твоя. Они же тебя обижают.

– Они просто напились. Так, они меня не обижают. А почему я пошла? Просто... стало как-то скучно, вот и все. Однажды завязался разговор с Денисом, и вот... он позвал и меня, через Андриана, конечно.

Денис позвал...

И Андриан не смог ему отказать.

– Серафима.

– Да, Ева?

– Я тоже хотела кое-что спросить у тебя.

– Конечно! Раз уж мы так с тобой разоткровенничались... я готова открыться и тебе.

– Вопрос будет личный...

– Уж точно не такой, как у меня!

Нам снова стало весело.

– Я слушаю, Ева.

– Вы с Денисом... у вас... что-то есть?

Вот черт!

Хотелось бы мне знать было ли что-то у Серафимы и Дениса...

Но я не знаю!

Если подумать о том, как он ко мне относится... ничего

особенного. Он больше похож на хорошего друга, но я не могу исключить, что втайне от всех он тешит мысль начать отношения с Серафимой. Именно с Серафимой, а не со мной!

Меня он совсем не знает...

Я и сама себя не знаю!

Что же ей ответить?

– Видишь ли, Ева... пока все сложно...

– Сложно? Не понимаю. Что в этом сложного? Если вы любите друг друга, то просто будьте вместе и все тут!

Надо же какая наивная душа!

Что за ребенок!

– Порой людям бывает... непросто разобраться в своих чувствах и вообще понять, что они чувствуют.

– То есть ты не понимаешь: чувствуешь ли ты любовь к Денису или это что-то другое, так?

– В каком-то смысле... только в нашем случае скорее запутался он.

– А ты?

– Я?

– Ты его любишь, Серафима?

Вот влипла...

Ну, дура-дурой! Что тут еще сказать?

Сижу и выкручиваю отношения с совершенно незнакомым мне человеком!

– Наверное, я тоже пока запуталась... не стоит мне быть такой уверенной, как я себя считаю...

Ева просто кивнула.

Кажется, она удовлетворилась моим смятым ответом.

Неплохо навешала ей лапши – чего тут еще сказать?!

– Может, пойдём к Денису? Я совсем замерзла ...

– Да, давай. Поедим все вместе в классе. И Мадлен угостим, а то она там совсем скучает.

Посмеиваясь над Мадлен, мы направились обратно в класс.

* * *

Немного успокоив Лесю и оставив ее в уборной, Белла вышла в холл. Эта троица уже исчезла. Наверное, вернулись в класс.

Ей нужно забрать Власа из музея и привести в чувство.

Нет смысла обижаться на того, кто не в состоянии мыслить здраво. Но у Власа такое... случается все чаще.

И ей приходится с этим как-то справляться.

Единственное, что Белла не может себе позволить – мириться с этим.

Она никогда не примет пагубные привычки Власа. Вопрос в другом: станет ли она бороться с ними и с ним?

Или оставит его?

Нужно ли ей это?

Для этого Белле надо покопаться в своих чувствах, а делает она это нечасто.

Сейчас же дело за маленьким – вернуть Власа к реальности, если это еще возможно.

Вытерев последние слезы, она ускорила шаг, дошла до двери в музей и открыла ее со словами:

– Все, Влас, хватит с тебя! Пора возвращаться к остальным. Надеюсь, ты уже пришел в...

Пауза.

– ...себя...

Запах.

Тот запах, что она ощущала все это время в уборной.

Здесь он царствовал в полную силу.

Влас...

Его не было.

А вместо него – кровавое красное месиво, растекающееся поверх сухой мумии.

Изорванная одежда Власа, клочки длинных волос в красном желе, поломанные кости, разбитый череп, петли кишечника, сдувшиеся легкие. Другие органы вообще отсутствовали!

Белла смотрела на красные лохмотья – все, что осталось от ее Власа – и больше не сдерживала оглушительный визг.

Глава 14. Найти виноватого

Открыв дверь класса, я заглянула внутрь, и то, что я увидела... ох! Лучше бы я ослепла!

Голая спина Мадлен, по которой струились ее рыжие волосы.

Ее тело подпрыгивало вверх и вниз, а из-под ягодиц торчали слегка волосатые голые ноги Дениса.

Мадлен извивалась, запрокидывая голову, стонала и смотрела то на окно, то на Дениса, то в потолок.

Рядом со мной появилась Ева, и я тут же закрыла ладонью ей глаза. Словно мать, я защитила «дочь» от непристойного зрелища!

– Ау... вот и вы!

Мадлен игриво посмеялась, обернувшись ко мне.

– Там кто-то пришел? – раздался голос Дениса.

– Да... твои подружки!

– Черт! Серафима! Ева! Это не то... Слезай с меня! Черт!

Мадлен с визгом полетела прочь от Дениса, и я зажмурилась.

– Я все объясню! Серафима! Ева!

– Бога ради, оденься сначала! – крикнула я.

– Да, да... хорошо! Сейчас!

Мы с Евой так и стояли в дверях с закрытыми глазами. Я не видела, что именно происходило в комнате, но искрен-

не надеялась на то, о чем я думала: Денис спешит одеться и прикрыть все свои «достоинства».

– Зачем ты вообще согласился на это? – бросила зачем-то я.

– Я?..

Денис растерялся.

– Я не понимаю... Черт! Это все как-то... само что ли...

– Все ясно!

Я отрезала весьма грубо.

– Нет ничего удивительного, девочки, – послышался голос Мадлен, – он не смог устоять передо мной, вот и все! Это взрослая жизнь, детки. Здесь все просто.

– А ты молчи! – рявкнула я на нее.

– Ай! Как грубо! Что я сделала?

– Много чего...

Мы прождали еще немного, и Денис разрешил нам открыть глаза:

– Все, я оделся.

– Слава богу!

Я открыла глаза и убрала руку с лица Евы.

Денис стоял в своей привычной одежде с взъерошенными волосами и потными висками. А Мадлен... так и осталась, в чем мать родила.

– А ты чего гольшом разгуливаешь? – бросила я в нее. – Чертова нудистка!

– А вам-то что?

– Черт... Денис! Что ты тут устроил?

Я смотрю на него и вижу, как его лицо заливается краской.

Его взгляд бегал между мной и Евой. Вижу сразу – ему нечем перед нами оправдаться.

Связался с Мадлен – жди беды. Это я уже успела понять.

– И чем ты вообще думал, Денис? – я не унималась.

А собственно, какое мне дело до этого?

Почему злюсь?

Чего это я набросилась на него, как овчарка на котенка?

Это же ведь... его жизнь, его выбор...

Почему я чувствую в себе эту... злость?!

– Серафима, я зашел за термосами. А тут Мадлен... мы разговорились, и я сам не понял... как... ох...

Он схватился за голову, не в силах найти объяснение случившемуся.

– Не оправдывайся, Денис.

Я окончательно выдохнула.

– Ты не виноват.

– Правда?

Он тупо глазел на меня и не моргал.

– Да. Я не должна была на тебя бросаться. Это же ведь... твоё дело, так? Какого черта я на тебя взъелась, скажи, да?! Это было лишним. Я просто... неправильно среагировала. Забудь.

И своими извинениями я его загнала в тупик еще сильнее.

Наверное, ему самому было бы лучше, если бы я кричала,

рвала и метала, выкрикивала проклятия и пыхтела, как черт. А тут... он даже сказать мне ничего не может!

– Серафима, Ева...

Он с трудом выдавил из себя наши имена.

– Давайте забудем об этом. Мне так неудобно!

– Еще бы... мне тоже. Что бы ты понимал, Денис... я ничего не видела, если ты думаешь об этом. Только... ноги... А вот ее тело мне уже все глаза замусолило!

– Давайте сделаем вид, будто ничего не было. Ладно?

Я была вынуждена согласиться с Денисом, но не без решения Евы. Она тоже стала участником этого конфуза.

– Да, думаю, так будет лучше для всех нас, – кивнула Ева, – ничего не было. И точка!

– Фух... слава богу... а то уж я...

– Денис. Все. Хватит. Помолчи. Забыли.

Он крепко сжал зубы, чтобы не ляпнуть еще чего-то лишнего, и энергично закивал.

– Вот и славно. Мы друг друга поняли.

И я вернулась к Мадлен.

Я не могла не смотреть на нее.

Эта девушка... что с ней вообще происходит?!

Она до сих пор стоит нагишом и смотрит на себя в телефон через фронтальную камеру!

– Мадлен...

– Да, Серафима? Что-то не так?

Я уже была готова наброситься на нее с критикой ее рас-

пущенного поведения, но...

В комнату ворвались Андриан и Дайна. Вернее, ворвался первым Андриан, а Дайна бежала за ним следом.

Андриан был... не в самом лучшем расположении духа.

– Да не сосала я Власу! Не сосала! – орала Дайна у него за спиной. – Кто тебе сказал такую глупость?! Андриан! Поймай!

Мы с Евой расступились, освободив проход.

Андриан, пройдя в класс, бросил беглый взгляд на Мадлен и Дениса, а потом схватил первую попавшуюся бутылку коньяка и сделал большой глоток из горлышка.

– Я люблю тебя, Андриан! Как ты не понимаешь?! Кто-то хочет посеять вражду между нами! Разве, ты этого не видишь?! Андриан! Умоляю! Выслушай меня!

Дайна уже стояла на коленях, заливаясь слезами.

Андриан преспокойно пил и гневно скалился на нее.

– Даже не смей ползать на коленях передо мной! Ты сама прекрасно знаешь, в чем виновата!

– Андриан! Прости меня! Прости! Я уже другая! Я не такая!

– Не такая, да? Значит, теперь ты это не отрицаешь?!

Дайна замерла на мгновение, пытаясь ухватить звено логической цепочки. Должна признать, с этим она справилась плохо.

– Андриан! Прошу тебя! Давай... забудем! Ну, не было такого! Я просто... это все так преувеличенно! Это неправда!

Андриан! Я не понимаю... не понимаю, как ты мог узнать!
Влас... Влас был тогда... о, боже...

– Заткнись! Заткнись, Дайна, иначе я тебе врежу! Как же ты сейчас меня бесишь! Черт! Сука!

Андриан махнул рукой и разбил бутылку о пол. Раздался звон и треск стекла.

Мадлен вскрикнула, а Денис уклонился от полета острого осколка.

– Андриан... милый... умоляю...

– Молчи, шлюха! Молчи! Не то я...

Дайна вся распласталась на полу и лежала, заливаясь слезами.

На этой ноте в комнате появились Клим и Эмиль. Он вошли в класс, держась за руки.

– А что это у вас тут такое происходит? – с легкой интонацией поинтересовался Эмиль.

– Она отсасывала Власу! – Андриан указал пальцем на Дайну. – Это было в то время, когда мы уже встречались! И еще она трахалась с тобой, Клим! Но это в прошлом... я тебя не виню.

– Уверяю тебя, Андриан, – заговорил спокойно Клим, – я уже точно никогда не уведу у тебя Дайну. И вообще никакую девушку...

Кажется, Андриан, Мадлен и Дайна только сейчас заметили, что Клим и Эмиль держались за руки.

– Так вы – голубки! – воскликнула радостно Мадлен. –

Клим! Наконец-то! А то я уже переживала за тебя... как вы на это решились?

– Решились...

В дверях стояла Леся.

Я видела по ней, как она морально разбита. На ней лица нет!

Она посмотрела на сплетенные пальцы Климa и Эмиля пустым холодным взглядом.

– Я рада за тебя.

– Леся...

Клим сделал шаг в свою сторону.

– Не говори ничего.

Она повернулась к нему спиной.

– Просто будь счастлив.

– Леся...

Но она молчала.

Клим переглянулся с Эмилем и потом сделал шаг в сторону Леси, приобняв ее руками.

– Мне было хорошо с тобой. Но ты сама знала... что мы не сможем быть вместе.

Я видела лицо Леси. И я видела ее крупные слезы, текущие по щекам в тот момент. Должно быть, от этой мысли, озвученной Климом мгновением раньше, ей было больнее всего.

– Я желаю тебе счастья, Леся. Я все равно люблю тебя. Прости.

Клим поцеловал Лесю в затылок, разжал свои объятия и вернулся к Эмилю. Плечи Леси судорожно опустились. Она вытерла руками слезы и развернулась к остальным.

– Что у вас тут происходит?

Леся смотрела то на Андриана, то на Дайну, лежащую на полу, то на Мадлен, так и не решившуюся прикрыться.

– Спроси у Власа сам! – выпалила Дайна. – Вот спроси у него, когда он придет! Тогда ты поймешь, что случилось! Тогда ты...

– Заткнись! – не сдержался Андриан снова и уже сделал шаг в сторону Дайны, сжав кулак. – Я без тебя разберусь во всем!

В комнате повисла звенящая тишина.

Андриан навис над Дайной, сжимая кулак.

Никто и не думал его останавливать...

– Подождите! – вырвалось у Клина. – А откуда... ходили слухи обо мне? Кто... кто рассказал вам о моих терзаниях по поводу... моей ориентации? Кто это все болтал...

Никто не ответил.

Я поняла сразу: здесь есть «крыса».

Сплетник.

Тихушник, который распускает слухи!

И которому эти слухи и тайны сообщают...

– Влас! Влас!..

В классе появилась Белла, вся в слезах. Ее трясло, словно она пережила мощнейший эмоциональный шок.

Бледная и холодная, она застыла в дверях, оглядываясь всех присутствующих.

Из нее вырывалось лишь одно слово:

– Влас... Влас...

Леся взяла Беллу за руки.

– Какая ты холодная! Белла, что случилось? Где Влас? Ты говорила, что он...

Она не стала продолжать.

Не моргая, Белла не сводила напуганного взгляда с Леси.

– Белла, где Влас? Мне надо с ним серьезно поговорить! –

Андриан направился к выходу.

– Влас... Влас...

– Что это с ней? – не понимала Дайна.

– Влас...

– Белла, отведи нас к нему. Ты знаешь, где Влас?

Белла даже не кивнула.

Она просто развернулась и вышла из класса.

Все последовали за ней.

Леся шла рядом с Беллой, поддерживая ту за талию и держа за руку, предотвращая падения.

– Влас... Влас...

Никто ничего не понимал.

Мы просто шли по коридорам в направлении, ведущему к музею. И все молчали. Говорила только Белла. Она бесконечно повторяла одно и то же имя.

Вот мы пришли к двери с надписью «анатомический му-

зей», и Белла чуть не упала!

– Я держу! Я держу!

Леся успела подхватить ее.

– Откройте дверь.

Андриан вышел вперед и открыл дверь музея.

– Влас... Влас...

А там...

– Где он?

Этот вопрос Эмиля повис в воздухе.

Музей был пуст. Здесь только экспонаты в стеклянных витринах. Ничего необычного и странного...

– Белла, где Влас? – Леся спокойно обратилась к подруге.

– Влас... был... здесь...

– Но его здесь нет!

Белла прошла вперед. Леся не стала оставлять ее одну и последовала за ней. Белла остановилась у стекла, которым была накрыта сухая мумия.

– Он был... здесь...

– Ничего не понимаю! Ребята! Кто-нибудь видел Власа? –

Леся забеспокоилась.

Но никто... не видел Власа...

Я стояла в этом небольшом скоплении ребят и слышала их шепот.

– Откуда ты узнал, что я... такой? – спросил Клим у Эмиля. – Я говорил об этом только одному человеку.

– И кому же ты рассказывал?..

Ответа Эмиля я не услышала.

Зато услышала Дайну:

– Я говорила про Власа... только ей...

– Кому? – спросил Андриан уже спокойным голосом.

Дайна обернулась назад и посмотрела на нее.

– Она? – переспросил Андриан.

– Это все она... подлая крыса.

А «подлая крыса» тем временем, почувствовав опасность,

попыталась слинять...

Но у Мадлен ничего не вышло.

Глава 15. Расправа

– Хватайте эту дрянь! Хватайте!

Протяжный визг Дайны пронесся через весь коридор. Мадлен уже бежала прочь от анатомического музея, когда Дайна, Андриан, Клим и Эмиль погнались за ней.

– Что происходит? – не понимала Леся. – Куда они все побежали?

Ей никто не ответил.

Они услышали гневные крики Андриана:

– Сейчас ты сдохнешь, тварь! Сдохнешь!

Я, Денис, Ева, Белла и Леся озадаченно посмотрели друг на друга. И вдруг до нас дошло, что сейчас начнется нечто ужасное.

– Нам пора...

Денис сказал это в тот момент, когда мы все уже рванулись с места и побежали по коридору вдогонку за остальными.

И вдруг... в моей голове прозвучали голоса... те самые голоса, которые я услышала после пробуждения в подвале...

Они говорили мне:

– Приготовься...

Приготовиться?

К чему?

– Шоу... вот-вот начнется...

«Шоу»?

О какому «шоу» они говорят?

– Прочь!

И тут я поняла, что сказала это вслух.

– Серафима, – Денис опустил свою ладонь мне на плечо, – с тобой все в порядке?

– Да... я просто... задумалась о чем-то своем... не обращайтесь внимания! Со мной все в порядке. Правда!

Но на меня посмотрели крайне не доверительно. Кажется, они все сомневаются в стабильности моего психического состояния.

Возможно, они правы, но сейчас это совершенно неважно! Важно то, что они сделают с Мадлен...

– Быстрее! – поторопила нас Леся. – Мы должны что-то предпринять!

Вспомнив о нашей главной цели, мы ускорились, добежали до класса и быстро ворвались внутрь.

Перед нами встала картина: обнаженная Мадлен сидит на коленях на холодном полу, Эмиль держит ее за волосы, накрутив их на кулак, Андриан бьет Мадлен в живот, и та прогибается. Клим тут же плюет прямо в лицо Мадлен.

А Дайна...

– У кого-нибудь есть ножницы?

– Посмотри в учительском столе! – бросил ей в ответ Андриан.

Дайна пулей метнулась к преподавательскому столу, отодвинула верхний ящик и издала победный крик:

– Нашла!

Дайна, держа ножницы в руках, направилась к остальным. На лице Мадлен стоял ужас. Она не сводила взгляда с ножниц. Словно... к ней шла сама смерть с косой в лице Дайны с ножницами.

– Стойте! Что вы делаете?! – вырвалось у Леси.

– Приводим обвинительный приговор в исполнение! – бросила в ответ Дайна.

– Что? Что еще за «приговор»? О чем это вы? Что она вам сделала?

Эмиль резко вздернул Мадлен за волосы, та сжалась от боли, ее коленки оторвались от пола. По ее щекам струились слезы.

– Прошу... не надо! Простите! Не делайте этого! Отпустите меня! Отпустите... умоляю!

Но Мадлен никто не слушал.

– Эта тварь распускала слухи и сплетни о нас всех! – бросила в ответ Дайна. – Она болтала всем подряд о том, что каждый ей доверил лично! Все секреты! Все тайны! Она все знала! По какой-то причине мы все доверяли Мадлен, она вызывала это доверие, но она... крыса! Подлая мерзкая крыса, которая вела двойную игру! Чертова сплетница!

– Что она рассказала? – не понимала Леся.

– Она проболталась о том, что я отсасывала Власу! Из-за этого Андриан так на меня разозлился! Она распространяла слухи о том, что твой дорогой Клим больше предпочитает

мужские волосатые ноги, а не пышную женскую грудь!

Леся застыла. Она моментально посмотрела на Клима.

– Это... правда?

Клим кивнул.

И вдруг... ярость вспыхнула в глазах Леси.

Такой я ее еще никогда не видела!

Она сорвалась с места и скорым маршем направилась к Мадлен.

– Отдай это мне, Дайна!

Леся потребовала от Дайны ножницы, и та, увидев гневный блеск в глазах напарницы, с радостью предоставила их ей.

– Эмиль, позволь я займусь ей...

– Как скажешь, Леся!

Эмиль отошел в сторону и передал связку волос Мадлен в руки Леси. Она обвила их вокруг своей руки и приготовила ножницы к действию.

– Леся... милая... не надо! Прошу... ты же не такая! Ты не такая, как они! Ты этого не сделаешь... умоляю... – Мадлен лепетала, сбивая дыхание.

– Заткнись, падаль!

Леся резко потянула Мадлен за волосы, и та визгнула от боли.

– Леся! – я не выдержала. – Что ты делаешь? Зачем это тебе?

– Ты не понимаешь, Серафима! Мы доверяли Мадлен. А

она болтала наши секреты всем подряд. Это из-за нее пошел слух о том, что Клим... другой. Это из-за нее о нем так болтали! И он многого натерпелся из-за этого! Он пришел к ней... честно признался, а она... она не должна была так подло поступать! И она это заслужила!

Все случилось быстро.

Раз – ножницы сверкнули в пламени свечей. Два – раздался звук, словно коса скосила траву. Три – рыжие волосы осыпались на пол.

Мадлен дико взревела.

– Нет! Нет! Мои волосы! Мои прекрасные волосы! Что вы наделали? Суки! Твари! Что вы сотворили со мной? Нет!

Леся стояла над Мадлен, держа в одной руке ножницы, а в другой – срезанные рыжие волосы.

Мадлен, вовремя осознав, что сейчас ее никто не держит, резко рванулась с места.

– Ты далеко собралась, красавица?

Андриан толкнул Мадлен ногой в бок, и та снова повалилась на пол, схватившись руками за живот. Она согнулась от боли в позу эмбриона.

– Ты еще ничего не поняла, Мадлен? – усмехнулась Дайна. – Это только начало твоего наказания! Очень скоро от тебя не останется живого места...

И я полностью верила словам Дайны. Я отдавала себе отчет в том, что она вполне может привести свою угрозу в исполнение.

Сейчас, в этот самый момент, не стоит сомневаться в их решительности.

И идти против этой толпы, которая выбрала себе козла отпущения, пускай, отчасти заслужившего свою участь, просто бессмысленно.

Мы ничего не могли сделать: ни я, ни Денис, ни Ева. Пускай мы не имели ничего против Мадлен, у других ребят было достаточно аргументов, чтобы наказать виновницу по полной программе.

А Белла?

Белла до сих пор прибывала в состоянии шока после странного исчезновения Власа и не могла участвовать в происходящем кошмаре.

А кошмар начался... незамедлительно.

– Сдохни!

И на Мадлен обрушился град ударов.

Андриан, Дайна и Эмиль начали пинать ее истощенное замерзшее тело ногами. Леся и Клим склонились над Мадлен: она резала ей оставшиеся волосы ножницами, а он вырывал их с болью голыми руками.

Мадлен издавала нечеловеческие вопли страдания.

Очень скоро к пинкам присоединились плевки. Мадлен каждый раз пыталась свернуться в комок, но ей этого не давали – Леся и Клим вечно дергали, заставляя лечь на спину и распластать руки. А ее продолжали забивать ногами... на нее плевали, а Дайна начала царапать ее кожу ногтями,

оставляя кровавые порезы по всему телу.

Общая экзекуция сопровождалась диким выкриками и проклятиями. А сама Мадлен редела и стонала от невыносимой боли и позора.

– Гадкая тварь!

– Мерзкая крыса!

– Что б ты сдохла!

– Паршивая дрянь!

– Чертова шлюха!

– Будешь знать, как распускать свой гнилой язык!

– Будешь знать, как болтать чужие секреты!

– Твое место в гнили! В гнили!

– Сдохни! Сдохни! Сдохни!

Я застыла в ужасе. Мое сознание было не готово к тому, что происходило тогда и будет происходить несколькими минутами позже.

Денис и Ева взяли меня за руки. Кажется, им нужна была чья-то поддержка, чтобы перенести вид этого ужасающего действия.

Когда ребята устали мучить Мадлен, они все расступились. И я увидела ее израненное окровавленное заплеванное и разодранное тело. Она лежала на полу, не в силах пошевелиться. Окровавленные пальцы, расцарапанная спина, все тело покрывали массивные гематомы, а лицо распухло и отекло. Волос на голове почти не осталось – лишь несколько рыжих клочков, торчащих в разные стороны.

Из глаз ее текли слезы. Забитая, униженная, оскорбленная, израненная, Мадлен лежала на полу и тихо плакала.

Раздался звон – Леся выронила из рук ножницы.

Все они тяжело дышали. Причинение боли такого масштаба отняло у них немало сил.

Но силы еще были...

Клим собрал слюну во рту и беспощадно выплюнул ее на Мадлен, попав прямо в глаза.

– Думаешь, мы на этом остановимся? – бросил в Мадлен Андриан. – Думаешь... мы вот так тебя оставим? И на этом твои страдания закончатся? Нет... мы только начали...

И голос в моей голове сказал:

– Да начнется второй акт!

«Второй акт» – эти слова громом пронеслись в моей голове.

Я понимала и без всякого голоса в голове, что это еще не конец.

– Эмиль, – скомандовала Дайна, – неси ведро.

Эмиль огляделся вокруг. В классе стояло только одно единственное ведро, в котором плавали влажные анатомические препараты половых органов. После ужасной игры с перебрасыванием органов, все препараты сложили в чан с формалином.

Эмиль быстрым шагом направился к ведру. Взявшись за ручки, он оторвал дно от пола и потащил тяжелый чан к месту экзекуции.

– Что ты задумала, Дайна? – не поняла Леся.

– Я хочу... чтобы она почувствовала вкус той гнили, которую изрекал ее рот...

Мне стало совсем дурно.

Денису и Еве тоже не по себе от всего происходящего. Но мы не могли это остановить...

Уже не могли...

Эмиль поставил ведро рядом с Дайной и скинул с него крышку.

Заметив, что Мадлен хочет слинять, Дайна рявкнула:

– Держите ее!

Мадлен рванулась с места, но уйти ей не удалось. Андриан резко схватил ее за обе ноги и прижал к полу. Леся и Клим держали Мадлен за руки, не позволяя ей сопротивляться.

– Нет! – вырвалось у Мадлен. – Дайна! Не делай этого! Прощу! Это же полное безумие! Ты не сделаешь этого... умоляю! Не надо!

– Заткнись, поганая тварь! Сейчас я заткну тебе рот, и ты сама знаешь, чем именно!

Дайна опустила руку в формалин.

– Оу... нашла...

Она вынула из чана препарат мужского полового органа и положила его на живот Мадлен.

Та выгнулась дугой.

– Нравится?

Дайна, взявшись за препарат, начала водить им по живо-

ту Мадлен, поднялась выше, провела им по грудям, а потом направилась к шее.

– Меня сейчас стошнит... – шепнула Ева и отвернулась к двери.

Я ее понимаю.

Мадлен ждет весьма незавидная участь...

– Сейчас ты поймешь... и пожалеешь, что распускала свой... гнилой язык!

Высказав это, Дайна одним резким движением запихнула препарат наружного полового органа прямо в рот Мадлен и начала проталкивать его дальше и глубже, чтобы та не смогла его выплюнуть.

Раздался раскатистый смех.

Андриан, Дайна, Леся, Эмиль, Клим – все они смеялись и потешались над Мадлен.

Эмиль сам выхватил из ведра препарат женского полового органа и стал размазывать им опухшее лицо Мадлен.

– Сейчас мы сделаем тебе омолаживающую маску! – посмеивался он.

Мадлен задыхалась.

Она боролась с инородным телом у себя во рту, но никак не могла избавиться от него, лежа на спине. Она отчаянно хотела перевернуться, но ей не давали это сделать.

Эмиль, размазав препарат по лицу Мадлен, прошелся им по ее груди, рукам и ногам и оставил лежать на животе.

– Давайте еще! Нужно затолкать их во все дырки, чтобы

ничто больше не вышло из нее! – обрадовалась Леся.

Клим, выслушав Лесю, полез в ведро и нашел еще один препарат наружного полового органа мужчины.

– Этот побольше! – посмеялся он.

– То, что нужно! – воскликнула Дайна.

Леся склонилась над ухом Мадлен и прошептала:

– Сейчас мы сделаем тебе приятно... ты же этого хочешь?

И Леся подала сигнал Климу, призывая его к действию.

– Да, моя нежная! – пропел Эмиль. – Давай! Давай! Пусть она получит то, что заслужила! Вставляй!

Денис отвернулся.

Он не желал смотреть на все это, как и Ева. Но мне в голову пришла другая мысль.

Сегодня Денис был с Мадлен. Она его соблазнила. Впрочем, я точно не могу сказать, как дело обстояло на самом деле. Но я лично видела, как Денис удовлетворял Мадлен. Это случилось несколько минут назад!

А сейчас...

Ее «удовлетворяют» по-другому.

Взорвалась волна неистового хохота. Это случилось в тот момент, когда Клим исполнил задуманное и затолкал анатомический препарат в половую щель Мадлен.

– Да! Давайте еще! У нее осталось еще одно отверстие! – заликовал Андриан.

Он лично нашел последний оставшийся в чане препарат мужского полового органа. Мадлен перевернули на живот и

раздвинули ноги. Последний препарат Эмиль затолкал в задний проход Мадлен.

Они продолжали смеяться и радоваться.

Я чувствовала, как Денис и Ева сжимают меня за руки все сильнее. Им до стыда неприятно смотреть на все это.

И это... еще не конец.

– Она не должна оставаться здесь! – воскликнула Дайна. – На такое «чудо» должны посмотреть все в городе!

– Да! Дефиле! Дефиле! – закричал Эмиль.

Андриан и Эмиль подхватили Мадлен за руки и подняли на ноги. Но ноги уже не держали. Мадлен каждый раз валилась на пол. Тогда двоим ребятам пришлось буквально тащить ее за руки, волоча ноги по полу.

Дайна включила камеру на своем телефоне и начала снимать ужасающее шествие.

– Дорогу! Дорогу!

Мы расступились.

Клим прорвался вперед и открыл массивные двери класса.

Андриан и Эмиль волокли Мадлен по коридору. Леся и Клим шли впереди. Клим тащил с собой ведро с формалином. Дайна ходила вокруг процессии, чтобы снять на камеру это действие со всех ракурсов.

А Мадлен... казалось, она уже ничего не чувствовала.

Полностью смирившись со своим положением, она даже не делала попыток сопротивляться. Ее тело максимально

расслабленно, словно лишено жизни.

Как кукла...

Ее тащили, как тряпичную куклу... у нее во рту до сих пор кляпом вставлен влажный анатомический препарат.

– Что вы делаете? – Белла словно оживилась.

– Даем ей то, что она заслужила! – ответил Андриан.

– Но так... нельзя!

– Еще как можно и нужно! – бросил в ответ Эмиль.

Пока тело Мадлен волокли по массивным каменным ступенькам вниз, о которые ее ноги постоянно ударялись, Дайна, снимая все происходящее на камеру, начала вести «репортаж»:

– С вами я, Дайна ээ бест! И я сейчас нахожусь на месте событий! Мы можем наблюдать процесс заслуженного наказания злобного преступника. Сейчас вы видите перед собой не девушку, а крысу. Да, она похожа на человека, но сути это не меняет! Крысе представлены обвинения в распространении секретов, тайн и личных проблем других людей. Крыса обвиняется в распространении сплетен. Она распространяла слухи и создавала поводы для ссор и конфликтов. Именно из-за нее между друзьями и любовниками возникали междоусобицы! Надо же как я сказала! Междоусобицы! И вот вы видите то, что ждет любого виновника этих самых... междоусобиц! Обратите внимание, ее тело забито тем, чем она заслужила! Вот ее рот! И ниже... и еще сзади! Только посмотрите на это! Прекрасно, не правда ли? Как бы сказал один

из наших коллег, это очень...

Эмиль добавил:

– Нежно!

– Да! Это очень нежно! И сейчас вы своими глазами увидите, как сплетница получит то, что заслужила! Оставайтесь с нами и смотрите наше шоу «преступление и наказание»!

Леся открыла массивные двери здания анатомички и пустила внутрь морозный ветер. За стенами царили ночь и метель. Клим поставил ведро с формалином рядом с выходом. Эмиль и Андриан протащили Мадлен к самому порогу и опустили ее на колени. Дайна продолжала снимать все происходящее.

– Ваше последнее слово, мадам!

Тишина. Лишь вой метели.

– Ах, да! Мы совсем забыли! Вы же не можете говорить! Тогда... мы начинаем отправление в последний путь!

Андриан и Эмиль снова взяли Мадлен под руки и стали раскачивать ее безжизненное обвисшее тело.

– И... раз!

– И... два!

– И... три!

Двое отпускают руки, и тело Мадлен летит вперед. Оно ударяется о каменные заснеженные ступеньки, бьется и катится вниз, в снег.

– Вам кажется, что наша подсудимая уже получила то, что заслужила? – Дайна продолжала свой «эфир». – Но оста-

лась последняя «вишенка на торте»! Клим, передаю эстафету вам! Давайте, закончите дело! Проучите эту чертовку и подарите ей то, что она заслужила, разнося по всему городу слухи о вашей сексуальной ориентации!

Клим взял ведро с формалином.

Все смотрели на него и на тело Мадлен, лежащей в снегу.

Та с большим трудом дышала и продолжала жить. Она сделала попытку подняться, уперевшись о землю руками.

Но потом...

Клим замахнулся массивным ведром и обрушил все его содержимое прямо на Мадлен. Та снова повалилась в снег под большим напором потоков формалина и оставшихся препаратов, плавающих в нем.

Израненная и измученная, Мадлен лежала на снегу под метелью, облитая формалином, в окружении влажных анатомических препаратов половых органов.

– Вы только что видели, как главный виновник наших междоусобиц получил по заслугам. Такая же участь ждет каждого сплетника и каждую крысу! Берегите себя и своих близких! С вами была я, Дайна зэ бест. И мой репортаж подошел к концу! Всех люблю, целую обнимаю. Подписывайтесь на мой канал, ставьте лайки и пишите комментарии!

На этом съемка Дайны завершилась.

– Славная работа, команда!

Дайна взглянула на изувеченное тело в снегу и поежилась от холода.

– Давайте вернемся... здесь совсем холодно!

– Дайна права, – кивнул Андриан, – метель становится сильнее.

Они вернулись внутрь анатомички, плотно закрыв за собой массивные ворота. Метель больше не проникала в холл, и стало заметно теплее.

Я смотрела на них... на этих людей, которые так поступили со своим же...

И сейчас они вели себя так, словно случившееся несколькими минутами раньше, было для них какой-то обыденной нормой. Словно... так и должно быть.

Все безумие будто исчезло в их глазах.

Они сделали то, что жаждали сделать, и сейчас... наконец успокоились.

– Наконец-то эта сучка получила по заслугам! – Дайна вытерла руки о джинсы, оставив на них следы крови и формалина.

– Больше мы не будем ругаться из-за нее, – Андриан обнял Дайну за талию.

– Значит, все закончилось, так?

– Да. Я люблю тебя, милая.

Конечно, они не могли сдержаться и не поцеловаться при всех нас.

– Леся, – Эмиль обратился к ней.

– Да?

– Ты же... не злишься?

– На кого?

– На меня или на Клима?

– Эмиль! Что за глупости? Конечно, нет! Это жизнь... это просто жизнь. Если так сложилось, значит, так сложилось. Береги его. Я хочу, чтобы с тобой он был в надежных руках.

– Но он все еще любит тебя, понимаешь?

– То есть...

– Клим... не полностью такой, как я. Он испытывает одинаковые чувства... к нам обоим.

– Значит, решать только ему.

Эмиль ничего не ответил на это.

Леся бросила свой взгляд за его спину и осмотрела нас: меня, Дениса и Еву – тех, кто не принял участие в общей расправе над Мадлен.

– А где Белла?

Я оглянулась.

Ее нет.

– Ребята, вы не видели Беллу? – озадачилась я.

– Я не видел ее после того, как мы вышли из кабинета, – ответил Денис.

– И я тоже! – добавила Ева.

– Ребята! – я крикнула это всем и привлекла всеобщее внимание. – Белла пропала! Надо ее найти!

И какого же было мое удивление, когда... они взяли и согласились со мной. Словно ничего не случилось! Словно Мадлен никогда не существовало! Мы начали поиски Беллы.

* * *

– Где это я?

Белла шла между узких рядов стеллажей, заставленных банками с анатомическими препаратами.

– Они там... творят ужасное...

Она прокручивала в голове те сцены расправы над Мадлен, которые ей удалось увидеть своими глазами.

– Как они могли так поступить? Чудовища...

Белла перестала понимать, где находится, а потому поспешила ускорить шаг. Совсем скоро она перешла на бег.

– Как отсюда выбраться? Проклятье!

Она уже не могла смотреть на эти банки с препаратами. Она сразу вспоминала сцены экзекуции Мадлен.

– Нужно бежать...

Белла спасалась бегством.

Она не желала возвращаться назад.

– Я больше не вернусь! Никогда не вернусь!

Только бы выбраться...

Только бы сбежать!

Прочь из этого проклятого места!

Прочь!

И вот... она увидела...

– Окно!

Формалин остался позади.

Глава 16. Новая кровь

– Давайте разделимся и найдем ее, – предложил Денис, – мы и так потеряли Власа. Его до сих пор никто не видел! Вам не кажется это странным?

– Я согласна, – выступила Серафима, – Влас пропал, теперь исчезла Белла. Это уже напрягает.

– О, боже, началось!

Дайна всплеснула руками и направилась качающейся походкой вверх по лестнице.

– Ты куда, Дайна? – бросила ей вслед Леся.

– Сейчас начнутся расследования аля Нэнси Дрю! Мне нужно выпить...

– Ты не будешь искать Беллу?

– Мне кажется, что из вас уже сложилась неплохая поисковая группа. Куда она могла уйти? Подумайте сами! Здесь не так много помещений, чтобы можно было спрятаться. Половина дверей закрыты. На улицу она не могла выйти – мы все время стояли у выхода. Думаю, вы ее быстро отыщете.

Никто не стал убеждать Дайну присоединиться к общим поискам.

– Кто-то еще возражает против поисков? – решил спросить Денис.

– Я только «за»! – откликнулся Эмиль. – Давайте вместе найдем Беллу. И еще Власа, если повезет! Нехорошо, что на-

ша компания так разбегается.

И что с этими людьми не так?

Пару минут назад они зверски расправились со своей подружкой. Ладно-ладно, бывшей подружкой. И все же!

Совсем недавно на моих глазах они выдрали Мадлен волосы, затолкали в нее анатомические препараты, вытолкнули на улицу в метель и окатили формалином из ведра!

Влас, Белла...

Где они могут быть?

Ника!

Я должна проверить подвал. Если кто-то найдет Нику...

Нет! Никто ее не найдет! Я вернусь вниз и спрячу ее лучше.

– Да, я тоже согласен все осмотреть и найти Власа и Беллу, – ответил Клим, – Леся, ты с нами?

– Разумеется. Андриан?

– Вы идите... я хочу поговорить с Дайной. Сами видите, какой переполох тут случился! Мы будем ждать вас в классе. Надеюсь, вы найдете Власа и Беллу.

Андриан пошел следом за Дайной. Двое укрылись в классной комнате.

– Как будем действовать? – Эмиль, вдохновленный поисками Беллы и Власа, спросил у Дениса. – Разделимся?

– Да, поделимся. Пусть каждый осмотрит свою территорию. Потом встретимся в классе и обсудим результаты поисков.

Все уже собрались расходиться в разные стороны, как вдруг прозвучал голос:

– А что если...

– Что такое, Леся?

– Я просто подумала... а если мы их не найдем?

Они посмотрели на Дениса, как на лидера, организовавшего поиски. Они ждали от него ответа на этот вопрос, который так внезапно озадачил их.

– В этом случае... поговорим об этом после поисковой операции.

Спорить не стали.

Действительно, что они могут сейчас решить, не попытавшись найти пропавших ребят?

– Я осмотрю все в подвале! – первая вызвалась я.

– Да-да, конечно!

Ева захотела пойти за мной, но я не могла этого допустить! Я остановила ее рукой и сказала:

– Ступай с Денисом. Я справлюсь.

– Ой... да, конечно...

Ева заметно поникла.

Я не хотела ее обидеть, но сейчас никто не должен спускаться в подвал, где спрятан не один, а два трупа!

Серафима и Ника...

Все разошлись в разные стороны, и я пулей помчалась к двери, ведущей в подвал.

Пока я бежала, в висках защемило. Мою голову пронзила

острая боль. Я услышала шорох. Навязчивый и неприятный шорох в своей голове...

А потом их голоса:

– Куда ты бежишь?

Не важно, куда я бегу!

– Там никого нет... кроме нее...

Кроме нее?

О ком они?

– Она еще там, внизу... плавает в формалине...

Серафима.

– А вторая?

Я сказала это вслух.

– Ее нет... она... уже не там...

– Что за бред?

Я открываю дверь и быстрым бегом спускаюсь по лестнице. Толкаю вторую дверь и оказываюсь в коридоре с кабинетами.

– Так, не эта, не эта...

Я помню ту дверь. Точно помню!

– Вот она!

Переведя дыхание, я открыла дверь и мигом зашла в класс.

Девушка... девушка по имени Серафима... она все еще здесь...

Голоса были правы.

Она застыла в белом тумане формалина, словно статуя.

Ее ноги слегка согнуты в коленях. Руки тянутся куда-то наверх. Взгляд смотрит вперед и вверх. Волосы развиваются и блестят.

– Серафима...

Она там, в банке.

А я здесь.

У меня ее лицо и ее имя.

Но я... не она!

– Ника...

Я бросаю взгляд под массивный стол, предназначенный для изучения препаратов. Низ стола завален плакатами, которыми я скрыла мертвое тело от глаз. Я бросаюсь к плакатам, раздвигаю их и...

– Где она?..

Ника исчезла.

Никого нет!

Ее труп... где он?

– Что вы с ней сделали?

Я спросила у голосов.

– Ты, правда, хочешь это узнать?

– Да, хочу! Отвечайте! Что вы с ней сделали, уроды?

Я поймала себя на мысли, что сама понятия не имею, с кем говорю. Но эти «кто-то» говорят внутри меня. Они отвечают мне. Они слышат... мои мысли.

– Говорите! Сейчас же!

Но они продолжали упорно молчать.

– Черт!

Резким движением я отбрасываю от себя плакаты.

– Проклятье...

Как же мне быть?

Где же она?

Не мог труп просто взять и исчезнуть!

Что же они с ней...

– Съели...

Я застываю.

Они ответили...

С... с...

Съели?..

– О чем это вы? Как?

– Ее душа, ее мысли, ее грехи – все принадлежит нам.

– А ее тело? Что стало с ее телом?

Я оглядываю комнату в попытке найти подсказку. Голо-

са молчат. Здесь есть только Серафима... и больше никого!

След Ники совсем простыл! Даже кровь... исчезла...

Я сунула руку в карман и сжала рукоять ножа.

– Отвечайте...

Тишина.

Они не говорят!

Черт!

– Отвечайте сейчас же!

– Серафима...

Голос... он не принадлежит им... нет!

Ева.

Черт!

Я бросаюсь к двери.

– Серафима, ты там?

Ева спустилась вниз.

Я открываю дверь и вижу перед собой Еву. Она старается смотреть мне за спину, но я ей этого не позволю. Я быстро выхожу в коридор, закрывая за собой дверь.

– Ева?

– Ты никого не нашла?

– Нет...

– Я же просила тебя остаться с Денисом.

– Знаю, но он забеспокоился за тебя, и я спустилась.

– Ох... ладно, в этой комнате никого нет. Давай осмотрим другие?

– Ага!

Мы осмотрели все остальные кабинеты в подвале. Пусто везде. Препаратная тоже пустует.

– Никого.

– Что теперь? – озадачилась Ева. – Если никто не нашел Власа и Беллу, значит... значит...

Она вот-вот заплачет!

– Эй-эй! Тише! Иди ко мне!

Я обнимаю ее и прижимаю к себе.

Ева уже не сдерживает слезы.

– Серафима...

Она говорит это имя, и мне сложно признать, что оно... теперь принадлежит мне.

– Да, Ева?

– Ты понимаешь, что тут происходит?

Ева тоже это осознает... она чувствует, что здесь творится какая-то чертовщина!

Люди исчезают!

Живые, мертвые – не важно!

Они исчезают бесследно!

– Нет, Ева, нет... пока не понимаю.

– Мы умрем, да?

На ее глазах наворачиваются слезы.

– Тише-тише! С чего ты это взяла? Скажи...

– Я чувствую... что-то неладное... сначала Ника, потом Влас, затем Мадлен, а теперь Белла...

Что мне ей сказать?

Как я ее успокою, если сама не могу успокоиться?

– Мы во всем разберемся, слышишь? Ты со мной. И с нами Денис. Леся, Клим, Эмиль... они все тоже на нашей стороне, я уверена.

Кого я обманываю?

Я уже ни в чем не уверена!

После того, что они сделали с Мадлен...

– Что мы будем делать? – спросила Ева, вытерев лицо.

– Для начала давай найдем Дениса и вернемся в класс. Кто знает – может, поиски увенчались успехом?

– А если нет?

Я не ответила.

Я просто взяла ее за руку и вывела прочь из подвала. Кажется, за время пути она немного успокоилась. Мы вернулись в кабинет, где встретили Дениса, Дайну и Андриана.

– Ох, я вас заждался уже!

Денис обрадовался нашему возвращению.

– Серафима, ты как?

– Порядок, Денис. Спасибо. Власа и Беллу не нашли?

Я и так знала ответ.

– Леся, Эмиль и Клим осматривают последние кабинеты.

Я невольно посмотрела на Дайну. Она уже рассыпала на столе белый порошок и ровняла его кредитной карточкой.

– Да слиняли они оба! – махнул рукой Андриан. – Не выдержали и сбежали! Чего тут думать? Влас тоже у нас такой... малодушный! И Белла за ним! Мы просто не заметили, как они ускользнули... да и черт с ними!

Андриан взял с пола бутылку коньяка и сделал пару глотков. Дайна села за стол и втянула в обе ноздри белый порошок. Она посмотрела на себя в телефон и начала шмыгать носом, загоняя кончиком пальца в нос то, что осталось вокруг ноздри.

– Не слишком ли много на сегодня, Дайна? – Андриан поглядел на нее искоса.

– После произошедшего... мне нужен релакс.

Дайна, приведя себя в порядок, легла на пол и укрылась

теплыми куртками и пледами.

– Ах... как же хорошо...

Андриан потянулся за сигаретой, оставленной Власом.

– Он хотя бы оставил нам свое добро...

– И все вещи они тоже оставили! – подметила я. – Вам не кажется это странным? Как они могли уйти без курток и сумок? Прямо так и сбежали?

Ни у кого не нашелся для меня ответ.

Андриан закурил, а Дайна лежала на полу, глядя в потолок.

– Давайте немного приберемся? – предложил Денис.

Точно! Это именно то, что нам сейчас нужно!

– Через три часа вернется сторож. Мы не можем оставить этот беспорядок, иначе нам конец!

Три часа... скоро рассвет.

* * *

– Мы уже все посмотрели?

Клим остановился в коридоре, обдумывая план обысков.

– Да, осталось проверить музей, – напомнила Леся.

– Думаешь, Влас и Белла, правда, могут быть там?

В этом Клим сильно сомневался. И Леся тоже.

– Это последнее место.

– Тогда идем.

Они двинулись в сторону музея. И вдруг Леся остановилась, спросив:

– А где Эмиль?

– Он шел за нами.

– Правда? Я его не видела.

Клим осмотрелся – коридоры пусты.

– Эмиль! Эй! Эмиль! Ты где?!

Крики не помогли.

– Не нравится мне это, Клим...

– Наверное, он уже вернулся в класс к остальным. Давай проверим музей и назад.

– Да, согласна.

Придя к общему решению, они ускорили шаг, чтобы поскорее закончить поиски. Клим вышел вперед Леси, открыл двери музея и...

– Милостивый Иисус...

Леся упала на колени.

Ноги Клима подкосились, но он схватился за ручку двери и смог устоять на ногах.

– Какого...

Клим и Леся наблюдали немыслимую картину: под потолком висело обнаженное смуглое тело Эмиля, распятое на железных цепях. На шее виднелась бардовая лента, и на грудь от нее стекали алые струйки. Голова слегка наклонена вбок, глаза открыты... мертвые, они смотрели на своих зрителей. Цепи врезались в кожу запястий и голеней, оставляя кровавые подтеки. Вокруг тела Эмиля на стене висели яркие букеты красных роз. Он словно застыл в алом облаке. Лепестки сыпались на пол... а на полу, обращенное к распятому те-

ду, на коленях стояло второе тело... еще один труп кланялся Эмилю. Обезглавленный труп. И на его теле Клим узнал знакомую одежду. В силу своей ненаблюдательности, он ничего не понял. А вот Леся все поняла. Одежда принадлежала тому, кто исчез с самого начала... Нике.

Глава 17. Во власти зла

– А где голова?

– Тебя волнует, только это?! Андриан, ты серьезно?! – Леся переполошилась.

Мой взгляд был прикован к обезглавленному телу Ники. Окровавленная синяя кофта с вышивкой белых медведей и звездочек. Короткая школьная юбка. Голые ноги, обтянутые рваными колготками. Алый плащ, стекающий по спине. Ее руки, вытянутые вперед, в знак поклонения, покрылись пятнами и трещинами.

Я не могла смотреть на распятого Эмиля, потому что его глаза оставались открытыми. Они смотрели на нас всех, так пристально и так осуждающе, будто мы все собрались и убили его, а потом украсили весь музей красными розами. Сотни... сотни роз заполняли стеклянные полки стеллажей. Букеты висели, прикрепленные к цепям. Обнаженное окровавленное тело являло собой центральный бутон одного большого цветка.

– Кто это мог сделать?

Клим произнес эти слова так холодно, что я подумала: к нему вернулся рассудок?

Еще совсем недавно он участвовал в экзекуции, устроенной для наказания Мадлен. Которая так и не вернулась! И где она? Всем плевать! Потому что никто не хочет ее больше

видеть.

А теперь Клим строит из себя детектива, расследуя убийство своего... любовника, назовем это так.

Что вообще творится здесь?

– Кто мог это сделать? – повторил Клим.

Дайна шмыгнула носом.

– Ты хочешь... обвинить одного из нас в убийстве?

– И не в одном! – рявкнул Клим.

Он так вспылал, что Лесе пришлось взять его за руку, чтобы успокоить. Но Клим резко дернул плечом, отведя его от ее руки.

– Ника обезглавлена. Головы нигде нет. Влас и Белла пропали. Уверен, что и они мертвы. Мадлен... мы сами с ней расправились! Я не удивлюсь, если ее труп уже похоронен под снегом у порога анатомички.

– Ты сам хотел ее прикончить, Клим! Разве не так?!

Дайна почти набросилась на него, но тут подоспел Андриан. Он обхватил ее руками со спины и не дал Дайне напасть на Клима.

Клим же даже не шелохнулся, будто знал, что Дайне не дадут ничего сделать.

– Ребята! – вступил Денис. – Тише вы! Успокойтесь. Давайте сохранять здравый смысл и рассудительность...

– После того, сколько я в себя залил сегодня, это сделать крайне проблематично, – отшутился Андриан, – и все же я постараюсь.

– Ребята! Одумайтесь! Здесь умирают люди! Люди умирают! Наши друзья! Разве вы не понимаете этого?

Дайна посмотрела на Лесю, как на слабоумную.

– Надо же, Америку открыла! Мы и так видим, что они мрут, как мухи!

– Кроме нас здесь никого нет, – размышлял Клим вслух, – нас было двенадцать. Осталось семеро. Два трупа. Два пропавших. Одна... не важно. Есть предложения? Кто и когда это мог сделать?

Я угадала: расследование началось.

Проблема в том, что я не знаю, как и с чего все началось. Я очнулась уже с ножом в руке, рядом с трупом Ники и... Серафимой, плавающей в формалине.

Кто-то ведь это устроил...

И зачем устроил?

– Это мог быть любой из нас, – ответил Денис.

Он отошел в сторону и прижался спиной к стене, почувствовав усталость.

– Ты это о чем? – спросила у него Дайна.

Денис, пожав плечами, стал рассуждать:

– Мы все разошлись в поисках Беллы. Каждый пошел своей дорогой. Друг друга мы почти не видели. Кто угодно мог убить Эмиля, притащить тело Ники и устроить это все.

– Ты смеешься что ли? – выбросил Андриан. – На поиски Беллы ушло всего несколько минут! Как можно успеть убить человека, повесить его труп на цепи, развесить все эти цве-

ты, да и еще и Ника... ты в своем уме, Денис?

– Ты прав, Андриан. В одиночку это будет мало кому под силу. Выходит, у главного преступника есть свои сообщники. Они могли действовать по двое или по трое.

– Он совсем рехнулся! – плюнула Дайна в пол.

Денис не стал заострять внимание на импульсивном поведении Дайны и продолжил рассуждать:

– Итак, исходя из моей логики... это могли быть вы, Дайна и Андриан.

– Вот думаю: врезать тебе сейчас или сперва выслушать твой бред? – Андриан сделал шаг в сторону Дениса.

Я уже хотела метнуться на его защиту, но это не потребовалось. Денис сам жестом остановил меня и спокойно взглянул на Андриана:

– На твоём месте я бы выбрал второй вариант. Позволь мне закончить. Поскольку, ты и Дайна первые ушли «в кабинет» во время поисков Беллы, то мы вас не видели. Вы могли направиться в музей и подготовить все необходимое.

– Это полный бред! – зарычала Дайна. – Полный бред! Это просто невозможно! Разве, вы не понимаете?! Это нереально! Как мы могли предсказать, что никто не пойдет проверять музей в первую очередь? Денис, что за хрень ты несешь?!

Но Дениса не остановили замечания Дайны.

– Именно поэтому можно смело подозревать Клима и Лесю. Именно они обнаружили труп Эмиля. Именно они ушли

с ним, а вернулись уже без него...

– Ты спятил?! – Клим не мог молчать. – Эмиль... он был моим... моим...

– Да-да, Клим, я все понимаю. Я не обвиняю тебя в убийстве. Вовсе нет! Я просто строю предположения.

– Хреновые у тебя предположения! Как ты вообще мог подумать, что я смогу убить человека, который стал мне так дорог?!

Я смотрела на Лесю. Я видела ее лицо, когда Клим говорил такие слова об Эмиле. Ей стало невыносимо тоскливо. И то, что Эмиль уже мертв, ничего не меняет. Она не может изменить Клим, не может изменить его чувства. Если он любил их обоих, значит, он любил их обоих.

– Знаешь, что я думаю по всему этому поводу? – Клим не переставал гнуть свою линию. – Ева! И Серафима! Вот у кого-кого, а у них было предостаточно возможностей убить Нику! Разве, вы не помните? Кто выходил из кабинета? Сначала Еве позвонили по телефону! Она вышла, а следом пошла Ника. Ева привела Нику в крайне тяжелом нетрезвом состоянии. Потом Ника опять вышла в туалет, чтобы проплеветься, а Серафима пошла ее проверить! И вот потом... Серафима вернулась к нам уже без Ники! И на вопросы она отвечала крайне уклончиво! Вот, у кого были все шансы избавиться от Ники!

И он чертовски прав!

Надо же... какой гений!

Все именно так! Это была я! Я убила Нику! Я очнулась с окровавленным ножом в руках рядом с ее бездыханным телом! Я утопила Серафиму в формалине и забрала ее тело себе! Это все я! Я! И никто больше!

– Клим, я вовсе не...

– Не оправдывайся, Ева.

Я защитила ее своей спиной.

– Они сами не знают, что несут. Как мы, две хрупкие девушки, могли поднять Эмиля на цепях, а?

– Да все просто! – у Клима нашелся ответ. – Вы же действовали втроем! С вами был Денис!

– Что?!

Получив обвинение в своей адрес, Денис отошел от стены и направился в мою сторону.

– О чем ты говоришь, Клим?

– Вы всегда держались вместе. Ты. Ева. Серафима. Разве нет? Ты не будешь отрицать, что ты заодно с ними! У вас... своя компашка! Ты привел Серафиму сюда. Так? Ты ее пригласил!

– А Ева? Серафима с ней даже не знакома!

– А откуда нам знать про ваши терки в меде? Откуда нам знать наверняка, что вы не были знакомы все с самого начала?

Клим прав... нашу доказательную базу подрывало то обстоятельство, что Клим и Леся учатся в другом институте, поэтому они не осведомлены о наших знакомствах или

незнакомствах.

Вот черт!

Они так могут выйти на меня, да! Но я же знаю, что Ева и Денис ни в чем не виноваты! Я не могу позволить им страдать за меня!

Может... все рассказать?

Рассказать им, что я не настоящая Серафима? И показать ее... отвести их вниз и...

Нет! Одумайся! Это настоящее безумие!

А вдруг банка с формалином исчезла так же, как исчез труп Ники? Но труп девчонки легче перенести и спрятать, чем огромный стеклянный чан с формалином, который весит под тонну!

Боже, и до чего я дошла, раз так размышляю?!

– Ева и Серафима задумали всех нас порешать поодиночке, а ты, Денис, им в этом помог. Скажи... Ты ведь дружишь с Евой, да? Не ты ли уговорил Андриана пригласить ее? Она ведь совершенно не к месту! Как эта мелкая вообще оказалась среди нас? Она же не пьет, не курит – вообще не нашего поля ягода! Что она здесь делает?

Денис уже хотел ответить, но его опередили.

– Оставь Еву, Клим.

Такого я от Андриана не ожидала...

– Что?..

Все смотрели на Андриана, заступившегося за Еву, которую сам же сильно обидел несколько часов назад.

– Почему ты ее защищаешь? – не понимал Клиим.

– Она не виновата.

Андриан с сожалением взглянул на Еву.

– Это мое... извинение для тебя за тот ужасный поступок, который я совершил. Прости, Ева, я не должен был брать твою тетрадь и уж тем более рвать ее на куски... мне жаль.

Ева оторопела.

Да тут и я оторопела!

Никто не ожидал такого акта благородства от... Андриана...

– Ничего, – Ева тепло улыбнулась в ответ, – есть повод завести новую тетрадь.

Конфликт исчерпан.

Так просто?

Может, и в убийствах все также просто?

– А с чего вы решили, что убийцей мог быть один из нас? – задумалась Леся.

– У тебя есть другие версии? – выгнула бровь Дайна.

– Сторож, например.

– Сторож? – Андриан усмехнулся. – Сергеич?

– Да! Почему он не может оказаться маньяком, который согласился оставить нас здесь на ночь, чтобы удовлетворить свои жажды убийств и крови?! Как вам такая идея?

Все всерьез задумались над версией «сторож-убийца». Скорее всего, только я и настоящий преступник с его сообщниками понимали, что это не так. Ведь настоящий убийца...

как минимум, одного убийства, это я.

– Если бы он хотел убить нас, то должен хорошо прятаться, – размышлял Денис, – за все время нашего прибывания здесь я ни разу не заметил намека на чье-то постороннее присутствие.

– Все потому, что мы были слишком заняты выяснениями отношений друг с другом, – поддержал Клим Дениса, – я не буду отрицать этот вариант. Он слишком хороший. Сторож вполне мог подобраться к каждому из нас. Он мог убить Власа, пока мы все разошлись по кабинетам, чтобы... ну, вы поняли. Он мог схватить Нику после того, как она встрети-лась с Серафимой в туалете. Он мог быстро схватить Беллу, когда она убежала, после того, что мы сделали с Мадлен... А потом... у него достаточно сил, чтобы распять Эмиля и сделать это у нас у всех под носом...

Я поймала себя на мысли, что логика Клима очень гибкая. Фигура сторожа могла многое объяснить. Вдруг, он отравил меня психотропными веществами и подбросил нож в руки после того, как убил Нику? Подставил меня...

Черт!

Почему я сама об этом не подумала, а продолжаю винить себя?

– Все! Довольно!

Леся схватила телефон.

– Что ты делаешь? – Дайна испуганно взглянула на нее.

– Звоню в полицию! Меня это уже до чертиков довело!

– Нет! Не смей! – вырвалось у Андриана.

Клим выхватил у Леси телефон.

– Эй! Отдай сейчас же! Клим! Прошу! Я так больше не могу! Дай мне позвонить...

– Вы сдурели? – обратился Андриан к нам всем. – За незаконное проникновение в анатомичку нас исключат!

– Черт с этим проникновением! – бросила Леся. – Тут людей убивают! У нас есть трупы!

– И один из них – наша заслуга! Тебе напомнить?

– Мы еще не знаем, что с Мадлен...

– И, по-твоему, будет лучше, если она выживет?

Леся задумалась.

Действительно, если Мадлен выжила... им точно конец.

– Кому вообще будет какое дело до нашей вечеринки, если убили людей?! Если сторож института – убийца – и убирает студентов одного за другим?!

– Леся, еще ничего не доказано! – парировал Клим. – Версия со сторожем – просто версия, не более. Я все еще не сбрасываю со щитов вину одного из нас. Мы ничего не знаем наверняка...

– Клим! Одумайся! Какие могут быть еще версии?! Конечно, это сторож! Это же очевидно! Никому из нас не выгодно убивать своих друзей! Какой тут мотив? Сторож – маляк! Все ясно, как день! Отдай телефон!

– Нет!

Клим спрятал телефон в карман.

– Клим!

– Все, Леся! Прекрати! Ты не получишь свой телефон, пока мы не решим, что делать...

– Кто-нибудь! Денис! Серафима! Отберите у него телефон! Позвоните сами! Нам нужно вызывать полицию и убираться отсюда! Пусть они приедут, увидят трупы, а мы убежим...

– И они поймают одного из нас отследив местонахождение телефона.

– Телефон мы уничтожим! Кто-нибудь! Прошу! Пожертвуйте своим телефоном!

Мне искренне стало жалко Лесю. Чисто по-человечески. Если она, действительно, не виновата в этих убийствах, а в этом я быть уверена наверняка не могу, то понять эту девушку, оказавшуюся в крайне неприятной истории, можно.

Но никто не стал жертвовать своим телефоном ради звонка в полицию. Возможно, оставался страх расплаты. Андриан, Дайна и Клим явно не будут довольны, если кто-то позвонит в полицию.

– Пока мы все живы, предлагаю держаться вместе, чтобы никто больше не пострадал, – предложил Денис.

Или кто-нибудь воспользуется случаем и прикончит остальных. Особенно легко это получится сделать, если у настоящего убийцы есть сообщники.

– Денис прав, – кивнула Ева, – если сторож окажется убийцей, то вместе мы сможем отбиться. Более того, возмож-

но, он не станет нападать на нас всех в открытую. До этого он убивал нас по одиночке. Если же убийца среди нас, то... у нас есть шанс его остановить. Держаться вместе – хорошая идея. Что скажешь, Серафима?

Я поймала себя на мысли, что не произносила ни слова уже очень давно. Пришло время высказать свою позицию.

– Да, я согласна.

Придерживаться позиции Дениса и Евы – лучший вариант. И не потому, что они – мои друзья. Держаться вместе – лучшее, что мы сейчас можем сделать.

– Вы с нами? – обратилась я к остальным.

Андриан и Дайна, переглянувшись, взяли за руки.

– Да, это выход, – согласился Андриан, – до тех пор, пока не поймем, что происходит, не будем расходиться.

– Я «за»! – поддержала общую идею Дайна.

Клим посмотрел на Лесю и протянул ей руку. Теперь решение только за ней. Клим уже согласен держаться вместе.

Но Леся...

– Я ухожу!

Вот так просто!

Леся берет и уходит прочь из музея, не собираясь оставаться в анатомичке ни минутой дольше!

– Леся! Ты куда?! Леся! Постой!

Клим первый погнался за ней.

– Черт! – прорычал Андриан. – Она не должна уходить! За ней!

Дайна и Андриан пулями бросились следом за Климом и Лесей. Я, Денис и Ева не стали отставать.

Пока мы бежали, я видела убегающие спины Дайны и Андриана, а также Клина, который уже заходил в кабинет за Лесей. И я подумала: как же мало нас осталось.

Их пришло сюда двенадцать, и сейчас осталось только семь.

– Все, я ухожу! Не надо меня останавливать! Я больше этого не выдержу! Отстаньте! Отпустите меня! Отпустите! Уберите свои руки!

Я слышала крики Леси из кабинета.

Не успели мы подбежать к двери, как Леся тут же вырывается в коридор у нас перед носом, держа в руках свое черное пальто и сумку.

– Остановите ее! – рывкнул Андриан.

Ни я, ни Денис, ни Ева не предприняли никаких решений. Этим мы, конечно, сильно разозлили остальных.

Леся уже бежала вниз по ступенькам холла.

– И чего вы стоите, как истуканы? – бросила в нас Дайна и погналась за Лесей.

За ней снова организовалась погоня: Клим, Андриан и Дайна бежали за Лесей, быстро уходящей прочь.

– Нет! Нет! Не трогайте меня! Я хочу уйти! Я ничего и никому не расскажу! Я просто хочу жить! Отпустите меня!

Клим перепрыгивает через последние три ступеньки, приземляется на пол, быстро вскакивает и делает рывок в сто-

рону Леся.

Леся уже открывает двери, ведущие на улицу...

Но холода нет.

Я не чувствую ветра.

Я не слышу метель.

– Я хочу жить! Жить! – кричит Леся.

И замирает.

Время останавливается.

Андриан и Дайна тоже застыли на ступеньках, оставив бесполезную погоню.

Ведь Леся... уже никуда не уйдет.

Она хотела выбежать в метель, убежать в ночи к себе домой, уйти прочь от нас, от формалина и от смерти...

Но никакой свободы за воротами анатомички больше не существовало.

Весь наш мир... перестал быть прежним.

Леся, затаив дыхание, смотрела в глубокую темноту бесконечного туннеля, заставленного высокими стеклянными стеллажами с формалином...

Глава 18. Лабиринты формалина

– Аай!..

Дайна села на корточки и схватилась за голову. Она начала раскачиваться взад и вперед, приговаривая:

– Я не должна была принимать дурь... я не должна была принимать дурь... зачем... зачем я это сделала... больше не буду... я обещаю... пожалуйста, Господи... я больше не буду принимать дурь... пусть все это закончится... умоляю... я исправлюсь... я не буду принимать дурь...

– Дайна, встань!

Андриан резко схватил ее за руку и дернул вверх, заставляя девушку подняться на ноги. Он потряс ее за плечи и жестко произнес:

– Дурь тут ни причем. Я тоже это вижу! Мы все это видим! Ради бога, успокойся наконец!

Но Дайна столкнулась с проблемой – она никак не могла взять себя в руки. Из ее глаз потекли слезы, и она не переставала лепетать:

– Это все дурь... я приняла... я не должна была это делать... почему я такая глупая...

– Дайна! Успокойся! Ты не сошла с ума! Хватит!

Андриан крепко прижал Дайну к груди и стал гладить по спине в попытке успокоить и привести в чувство.

Я не сводила взгляда с бесконечного темного коридора.

Мои ноги подогнулись, и я схватилась за Дениса, чтобы не упасть.

– Что это... – вырвалось у него.

Клим, помотав головой и протерев глаза кулаками, прошел к Лесе и закрыл ворота.

Затем... Клим снова открыл двери – все повторилось: мы видели коридор со стеклянными стеллажами, тянущимися до самого верха и утопающими во мраке.

– Какого хрена?

Клим повторил свой ритуал: он снова закрыл двери и открыл их. Все повторилось вновь!

– Какого черта?!

Клим начал отчаянно хлопать дверьми, создавая оглушительный шум.

– Почему это происходит с нами?! Какого черта?! Мать вашу! Что это за срань?! Я не хочу дышать здесь! Не хочу! Не хочу! Не хочу!

– Все, Клим, хватит! Успокойся! Перестань!

Леся одернула Клима за руку и отвела его прочь от дверей. Ворота неспешно открылись со скрипом, демонстрируя нам бесконечные черные коридоры.

– Посмотри на меня! – Леся обнимала лицо Клима ладонями. – Прошу тебя... успокойся. Клим! Посмотри на меня сейчас же!

Сначала его взгляд беспомощно метался из стороны в сторону, а затем остановился на лице Леси.

В его глазах я увидела слезы.

– Клим... ты со мной. Мы вместе. И мы найдем выход отсюда. Обязательно. Слышишь? Прошу, не надо паниковать.

– Но там...

– Я знаю-знаю, любимый. Там что-то странное и непонятное. Я тоже это вижу. Мы не могли сойти с ума все вместе. Ты не принимал дурь. Ты не пил слишком много.

– Тогда почему... я здесь...

Она не могла ответить. Леся просто обняла Клим, стараясь совладать с эмоциями. Она очень старалась не заплакать вместе с ним.

Я посмотрела на время на телефоне.

– Ребята...

– Что такое? – спросил Денис.

– Время. Три часа. Проверьте свои часы!

Они поспешили достать телефоны и проверить время.

– Три часа, – ответила Леся.

– И у меня, – добавил Андриан.

– Я смотрела на время несколько часов назад. Было три.

И так все осталось. Время... остановилось... – ответила я.

И вот сейчас всем стало еще хуже.

Мало того, что мы не можем выйти из здания – внешний мир исчез. Так теперь еще и время замерло.

– В какой момент это случилось? – не понимал Денис. – Когда мы так провинились?

Ева медленно спускалась по ступенькам холла.

– Это явно случилось после истории с Мадлен, – рассуждала я, – тогда внешний мир еще существовал.

Ева медленно прошла к воротам и остановилась у порога.

– Ева, ты куда? – бросил ей вслед Денис.

Ева молча смотрела на бесконечный коридор, а потом произнесла:

– Я чувствую... что эти туннели... бесконечны...

В холле повисла тяжелая тишина.

Мы опустошены.

Мы не знаем... что нас ждет дальше.

Мы не знаем, куда идти.

– Давайте попробуем найти другой выход? – предложил Андриан. – Должны быть окна... должны быть еще двери, ведущие на улицы. Главный вход не может быть единственным выходом из здания.

– Я согласен, – его поддержал Денис, – можно выбить окна при желании и выбраться наружу. Мы можем это попробовать.

– Хотите опять разделиться? – испугалась Леся. – Мы же только что договорились!

– Мы и не будем разделяться. Давайте ходить всюду вместе.

– Да... хорошо...

Леся взяла Клима под руку.

– Ты в порядке?

– Да... кажется, мне уже лучше, – кивнул Клима, – давайте

выбьем окна.

Мы вернулись в наш класс, где оставили все вещи. Оказавшись вновь в этих стенах, я подумала о том, как же много всего успело случиться. Особенно, я никогда не забуду издевательства над Евой и расправу над Мадлен.

Андриан, посадив уставшую Дайну на стул, подбежал к большому окну, за которым я видела только тьму.

– Заколочено...

– Что?! – вырвалось у Леси.

Андриан присмотрелся внимательнее. К нему подбежал Денис.

– Проклятье! – рявкнул Денис. – Окно забито досками!

Как это возможно?

– Их можно выломать? – предложил Клим.

– Надо попробовать... – задумался Андриан.

Осмотревшись вокруг, Андриан взял стул в руки и встал напротив окна.

– Отойдите!

Мы сделали несколько шагов назад.

Андриан бросает стул прямо в окно и разбивает стекло. Крупные осколки сыплются на пол и бьются вдребезги. Раздается оглушительный звон, и я зажимаю уши и закрываю глаза.

Кто-то вскрикивает.

Кто-то визжит.

Но звон утихает, и все приходят в себя.

Я смотрю на окно и вижу нелепо прибитые деревянные доски.

– Сможем их выбить? – задался вопросом Денис.

– Надо пробовать.

Андриан залез на подоконник и начал бить по одной доске ногой.

– Давай же!

Он ударял снова с большей силой.

– Ну же! Срань! Бейся!

Андриан не ослаблял хватку. Он бил каждый раз с большей силой.

– Давай же! Давай! Черт!

Еще удар и...

Деревянная доска выбивается наружу.

Мы видим то, что было скрыто от нас заколоченными досками...

Тьма.

И лабиринт стеклянных стеллажей.

– О, нет... – ахнула Ева, прикрыв рот.

Андриан замирает, глядя в брешь.

И вся уверенность в завтрашнем дне угасает в нашем сознании навсегда.

Мы не дожили три часа... до рассвета...

Андриан медленно спускается с подоконника и садится на пол, не в силах взглянуть кому-то из нас в глаза.

– Как же так?... – не понимал Клим. – Почему это... про-

исходит сейчас? В чем мы так... провинились перед Богом?..

Все молчали.

Ситуация вышла из-под нашего контроля.

Мы понимали, что дороги во внешний мир нет. Сомнений в том, что и другие окна в здании заколочены таким же образом, не оставалось. Дальнейшая проверка и поиски выхода просто бессмысленны.

За всеми окнами... за всеми дверьми... мы столкнемся с лабиринтом формалина.

– Это невозможно...

Леся опустила на стул рядом с Дайной.

Все пропало.

И надежды уже нет...

И вдруг я почувствовала неприятную резь в животе. Проклятье! Очень вовремя!

– Мне нужно в туалет, – открыто сказала я.

– Одна ты не пойдешь, – Денис направился в мою сторону, – я буду ждать тебя у дверей.

– Хорошо.

Возражать я не стала.

Вдвоем мы молча вышли из класса. Оказавшись в коридоре, я ускорила шаг. Рвотный комок уже подступает к горлу.

Я не могу позволить, чтобы меня вырвало прямо здесь и сейчас.

К счастью, мы быстро добрались до женского туалета.

– Я жду.

Денис остался за дверью. Я вошла в уборную и почувствовала неприятный гнилостный запах.

– Чем же тут так воняет?

Я склонилась над раковиной, приготовившись к любым последствиям.

Живот продолжал болеть.

Отравилась?

– Ну же... давай!

Я сунула два пальца в рот в надежде вызвать искусственную рвоту. Я надеялась, что мне полегчает после этого.

Но ничего не вышло!

Как назло!

Я не смогла заставить себя это сделать... не вышло!

– Черт!

Я пускаю воду и умываю лицо.

Боль постепенно проходит.

– Что со мной не так?

Я вспомнила, как ощутила похожую боль после пробуждения. Но сейчас она стала еще интенсивнее и мучительнее.

Я посмотрела на окно – там тоже чернота.

Мы правы: выхода нет.

Единственный наш путь к свободе лежит через лабиринт...

Умывшись и прополоскав рот, я смогла справиться с болью и прийти в себя. Сейчас нужно сосредоточиться на более важной проблеме – нашем выживании.

Я вышла к Денису в коридор.

– Ты как, порядок? – спросил он у меня.

– Да, я в норме.

– Что-то серьезное случилось?

– Нет, это неважно.

– Ладно.

Мы пошли обратно в класс.

– Что думаешь делать дальше? – спросил он моего мнения.

– Не хочется это признавать, но, боюсь, что иного пути у нас уже нет.

– В лабиринт?

– Это единственный путь.

Когда мы зашли в класс, то застали остальных ребят за сбором вещей. Они складывали продукты и питье в рюкзаки.

– Что вы задумали? – спросил Денис.

– Идем в лабиринт, – ответил Андриан, – другого пути нет. Берем с собой все самое необходимое. Нам понадобятся запасы еды и воды. Будем использовать фонарики на телефонах и беречь зарядку. Давайте, собирайтесь.

Никто уже не спорил.

Все приняли безысходность нашей ситуации.

Приходится плыть по течению. И пусть мы не знаем, куда нас занесет, мы готовы столкнуться с самым страшным...

А я не сомневалась, что настоящий кошмар еще впереди.

Мы с Денисом присоединились к общим сборам. Я сложи-

ла в рюкзак побольше фруктов и воды. Многие брали сухарики и чипсы. Их выбор. Андриан и Дайна прихватили крепкий алкоголь. Думаю, он нам пригодится, но не для употребления внутрь.

– У Власа тут ворох зажигалок, – заметил Клим, – давайте я каждому раздам.

Он раздал нам зажигалки. Это может быть полезно.

– У нас есть оружие? – спросила Леся.

– Оружие? – переспросила Дайна. – С кем ты собралась сражаться?

Вопрос Леси не показался остальным странным или бессмысленным. Мы не знаем, что ждет нас во тьме.

– Нужно быть готовыми, если на нас нападут, кто бы это ни был: монстры, сторож или кто-то из нас.

Никто не стал возражать Лесе на повторное обвинение кого-то из нас в этом кошмаре. Все понимали, что она вполне может оказаться права, и виновник кошмара – один из нас.

Этот вариант нельзя было отрицать.

А вот, что касалось монстров...

– Монстры? – переспросил Андриан. – В монстров мы бросим водку и зажигалку.

– Сработает? – выгнул бровь Клим.

– А потом только делать ноги. Другого плана нет.

Оружие... у меня есть одно.

Нож.

Он все еще при мне.

Я не смогла избавиться от него, но и рассказывать об этом кому-то не собиралась.

Это будет мой секрет.

– Много не берите, – велел Андриан, – неизвестно, какой путь нам предстоит. Возьмите самое важное для пропитания и выживания. Тащить весь этот хлам с собой нет смысла.

Сборы почти закончились. Леся собрала свой рюкзак, остановилась и спросила у нас:

– Вы ведь верите в то, что выход есть?

Этот вопрос волновал всех.

Уверенности в ответе на него не было ни у кого.

– Да, он есть, – Ева не промолчала.

Еще недавно она говорила о том, что лабиринт ей кажется бесконечным.

– Я верю, что мы его найдем.

На ее лице появилась такая светлая улыбка, которая не могла не воодушевить всех нас. Самая тихая и скромная из нас, она оказалась полна решимости и надежды на спасение. Именно этого света нам как раз не хватало.

– Держимся вместе и выбираемся из этого Ада, – объявил Андриан.

Мы надели свои теплые куртки, нацепили на спины рюкзаки с провизией и отправились ко входу в лабиринт.

Основное здание анатомички остается позади...

Больше мы сюда не вернемся.

Наша семерка стояла у главного входа и смотрела на чер-

ный коридор, у которого не было видно ни потолков, ни дальних стен. Все ограждено высоченными стеллажами с банками с формалином, в которых плавали анатомические препараты, как в музее. Вершины стеллажей утопали во мраке. Этот лабиринт мне напоминал... библиотеку. Только вместо книг... уродливые органы в банках.

– Все готовы?

Под слова Андриана мы зажгли фонарики на телефонах.

– Вперед.

И мы сделали шаг во тьму.

* * *

Наши шаги звучно отдавались эхом. Под нами – черное кафельное покрытие. Вокруг – бесконечные высокие стеклянные стеллажи, между которыми возвышались стройные стеклянные колонны, утопающие во тьме. А в банках, стоящих на полках... уродливые младенцы, уродливые органы, непохожие на органы здорового человека, уродливые препараты.

Повсюду лишь тьма.

И пустота.

Мы здесь одни...

Вернее, мне хотелось в это верить.

Никаких дверей и стен.

Только коридоры, повороты, развилки, перекрестки и длинные... очень длинные туннели.

В ширину коридора помещались пять человек. Поэтому

мы шли группами. Андриан и Клим вели нас. За ними – Дайна и Леся. Я, Денис и Ева замыкали процессию.

Денис стал для нас с Евой защитником в тылу.

Мы освещали себе путь во мраке светом фонариков, включенных на телефонах. Заряда у меня осталось на сорок два процента. Это еще не катастрофа. Я надеюсь...

Шли мы молча.

Смотрим по сторонам.

И повороты выбирали наугад. Их выбирал Андриан.

И все же он старался идти вперед, чтобы дойти до конца туннеля. Мы хотели упереться хотя бы в одну стену, но пока без успехов.

Потолка не видно, а потому я сразу поняла, что мы находимся совсем в другом... измерении, если можно так сказать. Часы остановились на трех часах ночи, а потому я совсем потеряла счет времени.

Никто не знал, как долго мы идем.

Это начало утомлять.

Бесконечный коридор... бесконечные стеллажи, бесконечное стекло... бесконечная тьма...

Ничего не менялось.

Ничего нового здесь не появлялось уже очень давно...

– Я устала, – прозвучал голос Дайны.

Мы вышли на перекресток.

Андриан остановил наш эшелон.

– Как остальные?

Ему ответили томные взгляды.

– Понятно. Я тоже устал.

Он посветил фонариком во все четыре направления. Везде все одинаковое. Везде лишь бесконечная тьма.

– Хотите устроить привал?

– Это не опасно? – озадачилась Леся.

– Кому-то придется дежурить, – ответил Клим, – мы точно не знаем, чего ожидать от этого места. И от нас самих.

Идея дежурства себя полностью оправдала. Это обязательно.

– А если...

Все посмотрели на Еву.

– Если враг среди нас, и мы оставим его на дежурстве? Разве... это не отличная возможность... убить нас всех?

Ее вопрос не возмутил остальных, но озадачил.

– Давайте сделаем так...

Андриан начал размышлять вслух.

– Так или иначе, мы все разбиты на свои группы. Денис, Ева и Серафима. Леся и Клим. Я и Дайна. Если враг – кто-то из нас, то он действует сообща с кем-то. Это наиболее вероятно, так?

– Что ты хочешь сказать, Андриан? – не понял Клим.

– На дежурстве будут участники разных групп. Например, я, Клим и Денис. Потом на дежурство встанут Серафима, Леся и Дайна. Так будет справедливо. Что скажите?

– Хорошая мысль, – кивнула Леся, – если мы, девочки,

что-то заметим, то сразу вас разбудим.

– Разумеется.

Андриан скинул со спины рюкзак.

– Располагаемся.

Спать в лабиринте – не самая лучшая затея, понимаю. Но иного выхода у нас нет. Я и сама сильно устала. От всего! Этот день... выдался не из легких. После сна к нам вернуться былые силы, и мы сможем продолжить путь.

А может, мы проснемся, и этот кошмар закончится?

Мы расположились на перекрестке и решили перекусить. Из рюкзаков достали фрукты, чипсы, сухарики и печенье. Запивали соком и водой. Припасы решили экономить. Никто не знает, сколько еще таких привалов нам предстоит устроить.

Я съела лишь яблоко, банан и сделала пять глотков воды. Достаточно.

Первыми на дежурство вышли парни. Они оставили гореть свет одного фонарика. Остальные выключили телефоны, чтобы не потратить заряд напрасно.

Подложив рюкзак под голову, я легла поверх куртки и уснула.

Уснуть в таком месте?..

Это оказалось проще, чем я думала.

Глава 19. Мертвецы

Я чувствую, как нож пререзает плоть.

Лезвие входит так легко и свободно.

По моей руке струится блаженный жар, а в голову бьет холод.

Так хорошо...

Я ощущаю, как по запястью стекает горячая кровь.

Я открываю глаза и вижу ее лицо, полное ужаса.

Девушка... с россыпью родинок на лице, с нелепой копной волос и в синем свитере, украшенном звездами и белыми медведями.

Я... убиваю ее...

Моя рука, сжимающая нож, пронзает ее живот.

Незнакомка наклоняется ко мне и шепчет на ухо:

– Ты... следующая...

Я вынимаю нож из ее тела, и она падает на спину.

Мертва.

Я оглядываюсь: банки... огромные стеклянные банки с формалином окружают меня. А в них... плавают они...

Знакомые лица.

Андриан, Денис, Дайна, Мадлен, Влас, Белла, Леся, Клим, Ева, Эмиль...

Они плавают в формалине.

Их глаза слегка приоткрыты.

Они смотрят на меня.

И оживают!

Они подплывают к стеклу и стучат по нему кулаками. Они кричат. Они ругают меня. Они показывают пальцами. Они обвиняют меня в том, что я сделала.

Окровавленный труп Ники лежит в моих ногах. Ее кровь постепенно чернеет, а тело гниет...

Все они... в формалине, заточенные в банках, кричат... и я слышу... слышу их голоса внутри себя!

Хор голосов... ругает меня... обзывает... унижает...

А потом – я вижу трамплин. Точно такой же, какие устанавливаются в бассейнах для пловцов!

А под трамплином – еще одна огромная банка с мутной жидкостью. Но пока пустая...

По ступенькам, на самый верх трамплина, поднимается она...

Хвостик русых волос, светло-коричневый свитер, синие джинсы и сапожки...

– Серафима...

Я стою с окровавленным ножом в руке и смотрю на нее снизу вверх. Я уже не слышу ругательства, сыплющиеся на меня со всех сторон.

Пока они в банках, они безвредны для меня...

Шагая ровной походкой, Серафима поднимается на вершину трамплина, идет к самому краю, опускает взгляд и смотрит на меня.

Звук выключается.

Мир замирает...

Ее губы шевелятся, и я слышу голос:

– Теперь ты... вместо меня...

Пауза.

Серафима делает шаг...

И падает в формалин.

– Нет!

Стон боли вырывается из моей груди, я падаю на колени
и выпускаю лезвие из рук.

Звенит сталь.

Боль... я чувствую ее... по всему телу...

Боль собирается в одном месте, в области живота...

Меня снова тошнит...

Я плачу.

Хочу кричать, но не могу выдохнуть...

Холодная мокрая рука сжимает мое горло.

Серафима.

Вся в формалине, она стоит надо мной и держит меня за
шею.

Мои колени отрываются от пола, и я невольно поднимаюсь
вверх.

У нее... пустые глазницы, из которых вытекает черная
смоль. Губы темные, по щекам струятся вздутые черные
вены. Изо рта вытекают чернила. Истекая тьмой и формалином,
она сжимает мое горло.

– Нет... прошу...

Это мой голос.

– Пощади...

Она молчит и крепче сжимает хватку.

– Я не могу умереть...

Боль в животе становится сильнее.

И вот я кричу:

– Мой ребенок!

Хватка Серафимы ослабевает, и я проваливаюсь в пустоту...

И кричу.

* * *

Все еще кричу.

Мне тут же закрывают рот рукой.

Мои глаза открыты.

Я вся в поту.

Передо мной – Денис.

Одной рукой он закрывает мой рот, сдерживая крик, а второй касается пальцем своих губ, призывая меня к молчанию.

Вокруг – тьма.

И стекло.

Стеклянные коридоры...

Я все еще здесь, в лабиринтах формалина.

На полу лежит телефон с зажженным фонариком.

Ева... она стоит за спиной Дениса и закрывает лицо ладо-

нями. Я вижу, как по ребрам ладоней у нее текут слезы.

И больше никого нет...

– Тише...

Голос Дениса вернул меня к реальности.

То был сон... всего лишь очередной жестокий кошмар...

Просто сон...

– Серафима, тише... – повторил Денис.

И я наконец замолкаю.

Он с осторожностью убирает от моего рта свою руку, и его взгляд мельком опускается вниз.

Я тоже смотрю вниз и вижу...

– Что это?

Я тяжело дышу.

Живот... он стал чуть больше... словно начал вздуваться...

– Ты как? – спросил Денис.

Ева наконец убирает руки с лица и смотрит на меня заплаканными глазами.

– Что со мной случилось?

Денис и Ева обеспокоенно оглядываются. Они, как и я, ничего не понимают.

– Кажется, ты беременна...

Что за глупости?

Я упираюсь руками о пол и пытаюсь встать. Тяжело... в животе колит...

– Черт...

Денис протягивает мне руку и помогает встать. Моя рука машинально тянется к животу.

– Ты словно на третьем месяце, – произносит Ева.

И мне становится дурно от этих слов.

– Невозможно... Денис!

Я в отчаянии смотрю на него, пытаюсь отыскать спасение.

– Что со мной происходит?

Из глаз текут слезы.

– Я не знаю, Серафима. Но... Ева права. Ты словно забеременела, и твоя... беременность протекает очень быстро.

– Как это возможно?.. Я же ничего не...

И тут в мое сознание врываются слова.

Слова, которые гласят:

«Их плоть и кровь,

Грехи и души – все Ваше.

Я приведу их.

Я верну Первую Матерь.

Я дам ей Благословенное Семя,

И Дитя родится.

А Вы даруете мне свободу

От страданий Ада.»

Какого черта?

– Это... странное место, Серафима...

Первая Матерь...

Благословенное Семя...

Дитя...

– Ах!..

Я все еще держу руку на животе.

– Что это значит?

Но они не могут мне ответить.

Они тоже ничего не понимают!

– Что-то темное... – произнес Денис, – в этом месте...

творятся странные вещи...

– О чем ты?

Они не говорят!

Проклятье!

Почему эти двое просто молчат?!

– Где остальные?

Я сменила тему.

– Они ушли, чтобы проверить обстановку, – Денис сказал это со всем спокойствием, которое у него еще осталось.

– Ушли?! В лабиринт?! Без нас?!

– Не переживай. Они оставили след – смотри.

Чипсы...

Чипсы аккуратно разложены по одной на полу и ведут куда-то вдаль.

– Прием в стиле «Гензель и Гретель»? – выгнула я бровь.

– Да, что-то в этом духе. Правда, здорово, придумали?

– Почему мы остались?

Ева ответила:

– Ты так спала... мы с Денисом не стали тебя будить и отпустили остальных. Мы хотели дождаться, когда ты

проснешься, чтобы пойти вместе и найти остальных по следу из чипсов...

Найти остальных по следу чипсов...

– Почему вы не разбудили меня?

Двое синхронно опустили взгляды на мой живот.

– Когда это случилось, во сне?

Денис кивнул.

– Мы с Евой испугались. Мы не понимаем, как это возможно, но... пока ты спала, твой живот немного вздулся. И вот сейчас...

– Не понимаю...

Я запуталась!

Я окончательно запуталась в этом лабиринте... своих мыслей и воспоминаний!

Как это все может быть правдой?

Я же не сплю...

Я точно не сплю...

Я уже проснулась.

– Нам лучше держаться вместе, – Денис взял свой рюкзак и нацепил его на спину, – пора продолжить путь.

Он прав.

Что бы ни случилось со мной, самая главная задача – отыскать выход. Назад пути уже нет. Мы никогда не сможем вернуться обратно в анатомичку. Мы уже ушли от нее достаточно далеко. Сейчас остается идти только вперед.

– Давай я тебе помогу.

Пока Ева собирала свои вещи, Денис помог мне надеть на спину рюкзак.

– Нормально? Не тяжело?

– Не возитесь со мной, как с беременной! Прошу!

– Как скажешь...

– Прости, Денис, я просто на взводе!

– Я все понимаю! Ты не должна оправдываться! Мы все сейчас в ужасе от того, что с нами происходит. Ты готова идти?

– Да, идем, нужно найти остальных.

Мы собрали все наши вещи с этого привала, зажгли фонарики на телефонах и начали свой путь по следу чипсов.

Денис шел впереди, а я с Евой – за ним. Он вел нас через лабиринт, двигаясь точно в заданном направлении.

Я следила за чипсами под ногами и боялась только одного: что в какой-то момент след оборвется.

Никто из нас не мог сказать, как долго мы уже идем. Но чипсы не заканчивались, а путь становился утомительным.

Как вдруг...

Раздался скрип стекла.

– Что это?

Денис резко замер.

Мы прислушались.

Стекло... разбилось...

– Может, это наши? – предположила Ева.

Но Денис не стал никого звать.

Мы не могли знать точно, кто еще, кроме нас, обитает в этом лабиринте.

– Давайте идти по следу. Я не хочу уходить с него.

Разумно.

Мы продолжили идти, но уже быстрее.

Снова звуки битого стекла...

И еще!

Еще!

– Что происходит?! – ахнула я.

– Бежим!

Денис дал команду, и мы побежали.

– Ева! Не отставай!

– Я стараюсь!

Стекло бьется...

Опять и опять...

Звуки становятся все отчетливее. Мы приближаемся...

Чипсы хрустят под ногами...

– Давайте сюда!

Мы сворачиваем в новый коридор.

Впереди нас ждет очередной перекресток...

– Быстрее! Быстрее!

Стекло бьется... где-то рядом...

Уже совсем близко...

– Денис! Не так быстро!

– Надо бежать!

Я хватаю Еву за руку, и мы бежим, сломя голову. Денис

несется вперед и постоянно оглядывается на нас.

Мы уже почти добежали до перекрестка, и здесь... след из чипсов обрывается.

– Где чипсы? – спросил Денис словно у себя самого.

Мы смотрим под ноги: никак чипсов больше нет!

Чего я и боялась...

А потом... мы видим его...

Он уже стоит прямо перед нами – высокий, худой, бледный, с пустыми черными глазницами, высушенным дряблым телом, покрытым кровавыми ранами, из которых истекает чернильная смоль.

Труп...

Живой мертвец...

Прямо здесь!

– Аргх!

Денис вскрикивает.

Живой труп медленно открывает рот, и я вижу, как на его языке копошатся черви...

Он тянет свои тонкие конечности с пальцами, покрытыми язвами, к нам...

– Бежим! – кричу я.

И мы, не теряя ни секунды, срываемся на бег.

– Вот черт! – охнул Денис. – Что это было?

– Не время это выяснять, – бросаю я в ответ, – лучше быстрее сматываться!

– Поддерживаю!

Мы бежим дальше и вот... впереди – еще один живой труп!

Сухой, коричневый, как мумия в музее, он идет к нам...

– Сюда! Давайте направо!

Мы сворачиваем и убегаем.

– Кто они такие? – не понимает Ева.

– Зомби! – кричит Денис. – Чертовы зомби в лабиринте!

Как они здесь оказались?

Кто они такие?

Не важно – нужно бежать.

– Быстрее! Быстрее!

Мы сворачиваем и видим... новых мертвецов.

Они идут к нам целой толпой. Черная потрескавшаяся кожа с глубокими кровоточащими язвами и пустыми глазницами. У них жутко длинные ноги и руки, что совсем не характерно обычному человеку! Издавая жуткие стоны, они сбивают своими телами стеклянные банки с полок. Те падают на пол и разбиваются вдребезги. Формалин растекается у них под ногами.

– Вот черт...

К такому мы не были готовы...

Лабиринт восстал против нас.

– Бежим!

Денис командует, и мы убегаем в совершенно другом направлении. За нами погоня. Толпа мертвецов. Они идут... они преследуют нас.

Еще один перекресток. Поворот, а впереди – красные глаза во тьме...

Огненные очи, прорывающиеся сквозь бесконечный мрак.

– Это еще что такое?

Вопрос Дениса остался без ответа.

Мы не стали выяснять природу алых глаз и бросились бежать в другую сторону.

Звона битого стекла уже не слышно.

– Получилось... мы отстали от них!

Это можно считать маленькой победой.

Мое дыхание сбивается.

Я больше не могу... бежать дальше...

– Давайте, за мной!

Денис поворачивает направо и... падает на пол! Слышится шум голосов... человеческих голосов!

– Ай!

– Что это было?

– Как вы нас нашли?

– Черт, Денис!

– Как так получилось?

Они здесь...

Анриан, Дайна, Леся и Клим – они все здесь! Мы нашли их!

Мы встретились!

– Почему вы перестали оставлять след из чипсов? – Денис

потер шишку на лбу, а Андриан, с которым он столкнулся, помог подняться ему на ноги.

– Так у нас чипсы закончились! – бросила в ответ Дайна.

– И почему вы не вернулись?

Никто не успел ответить, потому что я ворвалась в разговор.

– Вы видели мертвецов?

– Мертвецов? – переспросила Леся. – Каких еще мертвецов?

Я прислушалась к звукам вдалеке.

Тихо.

Ни битого стекла, ни жуткого воя, ни шагов толпы...

Кошмар позади.

– Выходит, вам повезло больше, чем нам, – выдохся Денис.

– О чем это вы? – не понимал Клим. – Что еще за мертвецы?

– Мы не одни в лабиринте. Здесь есть монстры, которых мы опасались. Давайте отныне держаться вместе и...

Денис не успел закончить, его перебила Леся, не сводящая взгляда с моего живота:

– Серафима... что с тобой?

Теперь они все глазели на мой живот!

– Ах, это... – Денис почесал в затылке, – еще одна наша проблема...

Глава 20. Одержимая бесами

– Мы съедем их грехи...

Голоса внутри меня.

– Мы убьем всех грешников...

Я замираю и слышу лишь голоса в своей голове.

– Скоро наступит... твой час...

Мир вокруг меня продолжает жить своей жизнью: краем глаза я вижу, как Денис, Ева, Андриан, Леся, Дайна и Клим размахивают руками, что-то бурно обсуждают, указывают на меня пальцами. Кажется, кто-то даже кричит.

Но я их не слышу.

– Мы уже близко...

Я слышу только их внутри...

– Мы уже близко...

Меня хватают за плечо.

– Серафима!

Это Денис.

– Серафима! С тобой все в порядке?!

Я возвращаюсь в реальность – кто-то включил для меня внешние звуки.

– Серафима!

Я моргаю.

– Да? Ай... что ты...

– Серафима, с тобой все хорошо?

Они все обеспокоенно смотрят на меня.

– Что случилось? – тупо спрашиваю я.

– Это ты нам скажи! Серафима, ты, словно отключилась!

Будто вошла в какой-то... транс. Ты сейчас вообще не слышала, что мы говорили?

– Нет... прости...

Денис тяжело вздыхает.

– Надо идти, – Андриан дает команду, – здесь оставаться опасно. Мы не знаем, где еще можем встретить тех мертвых уродов. Давайте не отставать впредь друг от друга, лады?!

Они уже собрались уходить.

Я смотрю в черные коридоры и вижу...

Красные глаза.

Одна пара – в одном коридоре. Поворачиваюсь – вторая пара. Третий коридор – еще одна пара.

– Мы уже здесь...

О, нет...

– Ребята!

Леся оборачивается:

– Что еще?

Я смотрю в коридоры – глаза исчезли.

Мой взгляд уперся в Дайну – ее глаза блеснули алым... лишь на одно мгновение!

– Серафима, идем! – позвал меня Денис.

А потом... из носа Дайны идет кровь.

– Ребята... – она шарахается.

– Дайна! Что с тобой? – Андриан бросается в ее сторону. Дайна вытирает кровь и смотрит на красный мазок на ребре ладони.

– Это всего лишь кровь... давай помогу...

Андриан протягивает руку к ней, и Дайна падает на спину. А точнее, она не просто падает – ее выгибает дугой. На какое-то мгновение она встала на затылок и пятки, а только потом ее тело бездыханно плюхнулось на спину.

– Дайна!

Ее трясет.

Из ее рта вырывается белая пена.

– Что с ней? – не понимал Клима.

Леся ахает. Ева закрывает глаза. Денис стоит, словно вкопанный. И я не лучше!

Андриан быстро сбрасывает со спины рюкзак и садится перед Дайной на колени.

– Что с ней? – он задает вопрос, на который у нас нет ответов.

Дайна прямо у нас на глазах извивается в адских конвульсиях и пускает пену изо рта, а струи крови бьют из носа.

– Черт! Черт! Помогите мне! Прошу! Помогите спасти ее! Дайна!

Андриан хватает ее за плечи. Он пытается пригвоздить Дайну к полу, чтобы она больше не ударилась о твердую поверхность. Ее руки барахтались, как рыбы на суше.

Глаза закатывались так, что остались видны лишь алые

белки.

– Дайна! Нет! Что с тобой?!

Но Андриан не мог ничего сдаться.

Он оказался бессильным против подобного судорожного приступа.

А я... слышу их голоса:

– Да... как вкусно...

Нет!

Они едят ее!

Они... питаются ей!

Леся утыкается лицом Климу в плечо, и он крепко обнимает и прижимает девушку к себе. Ни он, ни она не хотят смотреть на столь жуткое и пугающее зрелище.

– Мы съедим все ее грехи...

А потом... Дайна замирает.

Судороги прекратились.

– Проверь ее пульс! – посоветовал Денис.

Андриан приложил руку к сонной артерии под углом нижней челюсти, а сам положил голову на грудную клетку Дайны, чтобы параллельно с пульсом оценить дыхание.

– Она не дышит... пульса нет...

Андриан делал все быстро. Он повернул голову Дайны на бок, открыл ей рот и сунул внутрь два пальца. Он собрал всю слизь, пену и очистил ротовую полость. Затем он запрокинул ее голову назад, выдвинул нижнюю челюсть и расстегнул пальто.

– Я спасу тебя, Дайна!

Андриан вытянул руки, сцепил их в замок, поставил на область нижней трети грудины и приступил к непрямому массажу сердца. Он двигал лишь свой корпус, оставляя руки неподвижными в вытянутом положении.

Андриан вел отсчет вслух.

– Двадцать один, двадцать два, двадцать три...

А мы стояли и смотри на это.

Никто так и не подошел, чтобы ему помочь.

– Двадцать девять, тридцать!

Андриан наклоняется над лицом Дайны. Одной рукой он зажимает ее нос, откидывая голову чуть назад ребром ладони, другой рукой придерживает нижнюю челюсть, плотно обхватывает губами ее губы и делает два интенсивных вдоха.

– Живи!

Он возвращается к непрямому массажу сердца и продолжает отсчет компрессий.

– Вкуснятина...

Они едят ее.

Они в ней...

Ее уже не спасти.

– Прошу, милая, живи! Дайна! Очнись!

Из его глаз уже струятся слезы.

– Андриан... – тихо произнес Клим.

– Заткнитесь все! Она должна жить! Она не может вот так умереть! Моя Дайна... Очнись! Очнись!

– Андриан, идем...

– Нет!

Андриан взревел.

– Я сделаю прекордиальный удар!

– Не смей! – вырвалось у Дениса. – Его запретили не просто так!

Но было поздно.

Андриан замахнулся кулаком и нанес удар по грудной клетке Дайны. В следующее мгновение ее тело согнулось пополам, рот широко открылся, и из него вырвалась алая струя, которая ударила в щеку Андриана.

– Нет! Нет...

Андриан смазывает кровь с лица.

Изо рта Дайны вытекали алые струи...

– Зачем ты это сделал?! – рявкнул Денис. – Что ты натворил, Андриан?!

– Я не хотел... я хотел спасти ее... хотел, чтобы она вернулась ко мне... Дайна...

Забыв про кровь, Андриан наклоняется к ней. Он хочет поцеловать ее в лоб... и тут – глаза Дайны резко открываются.

Андриан застывает над ней.

– Дайна?..

Пауза... мгновение... и тело Дайны резко отрывается от пола и взлетает в воздух.

– Что происходит? – ахнула Леся.

Мы все видим, как Дайна висит в трех метрах над полом. Ее волосы развиваются, а изо рта стекает алый поток. Ноги слегка согнуты в коленях. Ее руки... раскинуты в разные стороны.

– Дайна!.. Что с ней?!

Андриану не ответили.

– Она... одержима! – Клим выдал свою версию.

– Ах! – Ева зажимает рот рукой.

– Вот черт! – выругался Денис.

Они завладели ее телом и ее духом.

Они съели все, что было внутри нее.

Осталась она сама.

– Как же вкусно...

Я слышу их голоса.

Голоса тех, кто внутри Дайны... прямо сейчас!

– Я этого так не оставлю!

Андриан бросается к Дайне. Он подпрыгивает в надежде схватить ее за ногу и избавиться от одержимости. Но стоило ему коснуться ее ноги... как вдруг невидимая ударная волна отбрасывает Андриана прочь от Дайны, и он летит в стеллаж со стеклянными банками.

Леся громко вскрикивает.

Стекло бьется.

– Андриан!

Денис бежит ему на помощь.

Обессиленный, Андриан лежит среди разбитого стекла и

формалина.

– Ты цел? Ты жив?

– Да... кажется, жив...

Андриан не сильно пострадал, а вот Дайна... ее тело поднялось в воздух еще выше. Теперь нам ее не достать.

– Ваши грехи...

Это говорят они, ее голосом. Голосом Дайны.

– Он говорит?! – озадачился Клим.

– Кажется... это не она говорит... – сглотнула Леся.

Демоны внутри Дайны твердили:

– Ваша плоть...

Ее запястья... выгнулись в неестественную сторону.

Хрустнули кости.

– О, боже! – ахнула Леся.

Дайна говорит дальше:

– Все принадлежит... нам...

Грехи...

Плоть?!

«Их плоть и кровь,

Грехи и души – все Ваше.»

Дайна выгибается дугой назад. Ее позвоночник хрустит.

Ноги выворачиваются в коленях в неестественную сторону.

Ее тело... словно выгибается наизнанку.

Шея выгнулась назад. Руки скрутило в нескольких местах.

Ступни и колени вывернулись в обратную сторону. Позвоночник прогибался то вперед, то назад, то вбок.

На лице... растекалась кровавая улыбка.

Глаза-белки блаженно наблюдали за нами.

Пальцы... каждая фаланга ломалась и трещала.

И смех...

Она смеялась...

И кровь брызгала в разные стороны из ее рта.

– Вам не убежать...

Голоса говорят, и их уже слышат все, а не только я.

– Вы – блюда на нашем славном пиршестве...

Мир безвозвратно изменился. И ничто не сможет сделать его прежним.

– Пиршестве... по случаю рождения Дитя...

Все смотрят на меня, а я... держусь за свой живот...

– О чем они говорят? – Денис не понимает. – Серафима...

И я... я тоже не понимаю!

– Вы такие вкусные!

Дайна смеется.

Ее тело скручивается в неестественный комок из плоти и костей.

Она уже потеряла все человеческие формы.

– Мы празднуем... День рождения...

И Дайна, чье тело свернулось в уродливый комок, подобный тем мерзким младенцам, что плавают в банках формалина, камнем упала вниз.

И наступила тишина.

Перед нами лежало кровавое месиво с торчащими сквозь

кожу костями.

– Дайна...

Послышался слабый голос Андриана.

– Что они сделали... с моей девочкой...

И дикий вопль.

Крик, разнесшийся далеко-далеко по всему лабиринту.

– Я вас уничтожу! Я вас всех прикончу! Сраные ублюдки!

Вашу мать! Я убью вас! Я найду вас! Я уничтожу...

Денис подбежал к Андриану и крепко обнял его в попытке успокоить. Он с силой прижимал Андриана к себе, не давая ему даже смотреть на останки Дайны.

Голоса с нами больше не разговаривали.

Зато раздался треск битого стекла...

– Мертвецы... – испугалась Ева, – они опять идут за нами...

– Надо бежать! Быстро! – скомандовал Денис. – Давай, Андриан, вставай! Сейчас же! Нам нужно немедленно уходить отсюда! Мертвецы уже рядом... идем! Скорее же! Скорее!

Денис тащил Андриана за руки, помогая тому подняться на ноги. У нас не было иного выхода. Мы должны оставить ее труп здесь... сейчас нужно спастись.

Стекло бьется чаще... они уже идут... они уже рядом!

– Бежим! Быстрее! – кричит Клим.

Андриан с большой болью оставляет Дайну и отправляется с нами. Мы снова в бегах. Снова спасаем свои жизни.

Снова бежим по бесконечному лабиринту от мертвецов.

– Скорее! Скорее!

Денис руководил нами.

Он выбирал маршрут и повороты.

Времени на размышления у нас совсем не оставалось.

За нашими спинами билось стекло... снова и снова!

Я слышу их стоны... их вопли... они бегут за нами...

– Сюда! Сюда!

Эта погоня никогда не закончится.

Мы в ловушке, как подопытные крысы в лабиринте.

– Не отставайте! Сюда! Скорее!

Сколько это может продолжаться?

Сколько еще будет длиться борьба за наши жизни?

Пиршество...

Дитя...

День рождения...

Черт! Черт! Черт!

– Давайте быстрее! Все за мной! Сюда!

Еще один поворот. Еще один перекресток.

Звон стекла становится тише.

Стоны исчезают.

Мы уже далеко... мы оторвались...

Здесь уже безопасно, чтобы...

– Аргх!

Я останавливаюсь и хватаюсь за живот – боль невыносимая.

– Серафима! Что с тобой?

Денис останавливает бег и идет ко мне. Я сгибаюсь и держусь за колени, тяжело дыша. Он кладет свою руку мне на плечо и наклоняется ниже, чтобы увидеть мои глаза.

– Ты как? Серафима, ты можешь идти?

– Да, наверное... могу... только подождите немного...

Всем нужно перевести дух. Мы не можем бежать целую вечность. Но только бег может спасти нас.

Хотя бы дать нам шанс на это спасение.

– Как вы, ребята?

Я смотрю на каждого: Леся и Клим обнимают друг друга, справляясь с одышкой. Андриан прижимается спиной к стеклянной колонне и держится за грудь.

Ева сглатывает комок, и ее глаза... мерцают алым...

– Ева...

Ее глаза тут же возвращают прежний цвет и широко раскрываются. Ева хватается за горло, жадно глотая воздух.

Ее ноги... отрываются от пола.

– Нет! – вырывается из Дениса. – Только не это! Ева!

Ева...

Нет...

– Она будет следующая... – голос раздается из пустоты.

Их нельзя остановить. Они получают то, что хотят. Они убьют всех нас тогда, каким им это будет угодно.

И мы ничего... не можем сделать...

– Ева!

Ее тело поднимается вверх на десяток метров. Она отчаянно размахивает руками в попытках глотнуть воздух. Незримая рука душит ее.

Ее глаза... останавливаются на мне...

– Ева...

А потом...

Потом ее шея резко наклоняется в бок, слышится хруст, ее руки ослабевают, падают вниз, и Ева закрывает глаза.

– Ева!

Я падаю на колени.

Все тело сжимает невыносимая боль!

А Ева... она улетает прочь во тьму, исчезая в глубине черного коридора лабиринта.

– О, нет... Еву забрали! – Леся не сдерживала плач. – Так быстро... сначала Дайна, теперь Ева!.. Что с нами будет?

Я вижу слезы на своих руках. Денис садится рядом со мной и кладет свою руку мне на спину.

– Мы должны идти дальше. Это единственный выход.

Но выхода нет...

Это плен.

Вечный плен.

Я слышу звон битого стекла. Это знак, что нужно уходить, если мы не хотим быть съедены мертвецами.

Но рано или поздно нас съедят другие...

Вот так быстро и просто... к такому никто не был готов...

Нас осталось пятеро.

Глава 21. Темные воды

Они оставили ее умирать.

Они ушли, думая, что она мертва, но она... еще жива.

Ее тело... оно уже никогда не будет прежним.

Красота ушла навсегда.

Ее руки... ее ноги... ее тело... ее лицо...

Все смято.

Все в крови.

Она лежит там... все еще лежит, на холодном полу, чувствуя боль, но не в теле, а в душе...

Ей кажется, что она плачет...

Но слезы не вытекают из глаз, ведь глаз... уже нет...

Как они могли оставить ее...

Как они могли уйти...

Чем она это заслужила?

Вся ее жизнь, каждый ее шаг, каждый выбор – все привело к этому моменту.

Она жила нормальной жизнью: смеялась и любила, злилась и ненавидела, сожалела и сочувствовала...

И что с ней теперь?

Все изменилось за пару мгновений.

– Мы можем дать тебе шанс.

Они пришли за ней.

Шанс?

Какой еще шанс?

– Ты хочешь... отомстить им?

Мечь?

За что?

– Они оставили тебя... они бросили тебя умирать, а сами убежали, чтобы спасти свои жизни...

Это правда.

– Хочешь отнять их жизни?

Отнять у них... жизнь?..

– Ты будешь голодна... всегда голодна...

Ей не привыкать к голоду.

– Ты не сможешь утолить его обычным способом.

Обычным...

– Только смерть. Только кровь.

Смерть и кровь...

Она пойдет на это?

– И грех...

Грех...

В чем ее грех?

В чем она провинилась, чтобы превратиться в это?

– Мы подарим тебе другую жизнь.

Жизнь...

Готова ли она прожить эту «другую» жизнь.

– Или ты выбираешь... свою смерть.

Нет!

Только не так!

Только не смерть!

Она не хочет... не хочет умирать так! Не сейчас... не сегодня...

– Иная жизнь... или простая смерть... решайся...

Жизнь или смерть?

Вопрос в том, какая это будет жизнь...

Жаль ли ей своей жизни?

– Ты станешь... одной из нас...

Одной из тех, кто сотворил этот ужас с ней...

Одной из тех, кто ест... ест грехи, плоть и кровь...

– Ты познаешь силу... новую жизнь... и вечный голод, который будет невозможно утолить... он будет всегда с тобой...

Что это ей даст?

– Отомсти за свою погибель и присоединяйся к празднеству новой жизни...

Празднество новой жизни?

О чем они говорят?

– Выбирай...

Надо решиться.

У нее еще есть шанс... вернуться...

Вернуться в другом теле, в другом сознании, с другой целью!

– Ты согласна на наши условия?

Быть вечно голодной, быть демоном...

Быть... живой...

– Жизнь или смерть?

Она делает этот выбор.

Она выбирает...

* * *

– Серафима, что с тобой?

Денис остановил ход.

Я прижалась спиной к колонне, когда мы добежали до нового перекрестка. Живот схватила боль.

Я положила руку на низ живота и увидела своими глазами, как он... медленно увеличился – вздулся, как воздушный шар!

– Он стал больше! – ахнула Леся.

– Что с тобой случилось? – спросил Клим. – Мы так всего и не поняли.

– Она сама ничего не может понять, – ответил им Денис.

Я взглянула на Андриана: тот просто стоял в стороне и смотрел в пустоту. Он не произнес ни слова после того, как мы потеряли Дайну. Ее смерть... убила его внутри. Я это чувствую.

А Ева...

Я не верю!

Она не могла просто взять и умереть!

Просто исчезнуть...

Как же так?

Почему все так несправедливо?

Она должна была быть с нами! Быть здесь! Сейчас! Рядом

со мной!

Я защищала ее!

Я была готова сделать все, чтобы она не пострадала!

Почему... за что все это...

Что мы натворили?

– Ты можешь идти?

Денис положил руки мне на плечи, и боль ушла.

– Да, могу...

Я все еще не понимаю, что со мной случилось. Почему я беременна? И беременность ли это вообще?

Почему я гадаю?! Почему не смотрю правде в лицо?!

Да, я беременна!

Черт возьми!

Я беременна!

Какого черта?!

– Уже не болит? – спрашивает Денис снова.

– Нет, уже прошло...

– Отлично. Надо идти дальше, пока они нас не нашли.

Они: мертвецы? Или те, кто скрывается во мраке?

– Идем дальше.

Денис взял меня за руку, зажег фонарик на телефоне и повел меня во мрак, следуя за остальными.

Эти бесконечные стеклянные коридоры не заканчивались. Не видно ни конца, ни края. Это бессмыслица! Мы можем вечно плутать здесь!

Выхода нет...

Стекло снова бьется.

– Бежим!

Это невозможно!

Сколько можно убегать?!

Они опять преследуют нас...

Опять идут за нами!

Проклятье!

– Не останавливаемся! Бежим!

Как же я устала!

Как же я устала от всего этого!

Как же я...

Они перед нами.

Темные, израненные, перемазанные кровью, с пустыми
глазницами...

Тени пришли за нами.

– Сюда! Сюда!

– Нет!

Андриан остановился.

– Ты что задумал? – бросил Клим. – Надо убегать!

– Хватит!

Мы стоим... а на нас идет толпа живых мертвецов – ски-
тальцев лабиринта.

– Сейчас я их проучу!

Андриан хватает с полки ближайшую банку с формали-
ном, в котором плавало разрезанное сердце. Он замахивает-
ся и кидает бутылку в скопище монстров.

Банка попадает в одного из них, разбивается, и формалин брызгает во все стороны.

Андриан выхватывает из кармана зажигалку, зажигает, бросает...

И вспыхивает пламя.

Мертвецов охватывает рыжий огонь. Стекло бьется. Раздаются вопли.

Огонь...

– А вот теперь бежим!

Андриан командует, и мы не собираемся останавливаться.

– А здорово ты это придумал! – взбодрился Клим. – Отличная была идея!

– Поблагодарите, когда мы выберемся отсюда!

Если выберемся...

Мы снова бежим, а за нами – огонь, кровь, битое стекло и формалин.

Мертвецы горят, и это нам на руку!

Остается только бежать быстрее, чтобы скрыться от них подальше... как они нас постоянно находят?

Сколько их здесь?

Крики стихают... мы убегаем дальше и дальше, прочь от монстров, прочь от демонов, прочь от этого кошмара...

– Куда теперь?

Мы снова на перепутье.

– Давайте сюда!

Я не понимала, по какому принципу мы выбирали дорогу.

Наверное, никакого принципа не было. Мы просто бежали туда, куда манило сердце.

А не холодный разум...

– Мы отстали! Я их уже не слышу!

– Передохнем?

– Да, давайте...

Мы останавливаемся и восстанавливаем сбитое дыхание.

– Ты отлично разделался с ними, Андриан! – похвалил товарища Денис.

– Я же сказал, что все благодарности оставить на «потом». «Потом» может не настать.

– Ты спас нас, Андриан, и мы не можем не быть тебе благодарны. Черт! Как же я устал бежать...

Денис присел на пол, облокотившись спиной о колонну.

– Куда теперь? – Клим сплюнул мокроту на пол.

Туда, куда и всегда – во тьму.

– Серафима не может все время бежать, – сказала Леся, – мы должны что-то придумать. Мы так и не поняли, что с ней происходит.

Они снова смотрят на меня.

Что ж... мою беременность теперь грех не заметить! Спасибо!

Но что прикажете с этим делать?

– Может, вырежем его?

Это сказал Андриан.

Мы погрузились в звенящую тишину после его слов.

– Ты это серьезно? – Леся выгнула бровь.

– А у вас есть другие идеи? Ждать, когда она родит?

Они смотрят на меня.

Нельзя молчать:

– Нет! Даже не думайте! Уж лучше я буду бегать с животом, как у девятимесячной мамыши, но не позволю себя резать!

Никто и не собирался меня резать.

Это же просто... Андриан.

– Мы должны разобраться, что с тобой случилось, – вмешался Клима.

– Позвольте, я сама с этим разберусь. Наше дело – бежать дальше.

– Сейчас мы уже можем не бежать, – заявил Денис, поднявшись на ноги, – Андриан их здорово напугал, и мы славно отбросили их от себя. Слышите? Ничего нет. Тихо. Они не идут за нами. Давайте идти пешком.

Это будет долго.

Намного дольше, чем перемещаться по лабиринту бегом.

До этого нас подгоняли мертвецы, но мы понимали, что бег – хороший способ быстро выйти отсюда.

Плутать же здесь можно бесконечно.

– Ладно, – запыхалась Леся, – давайте идти.

После короткой передышки мы снова отправились в путь по мгле.

Мы вышли в еще один ужасно длинный коридор. Никаких

поворотов. Никаких развилок.

Только вперед – бесконечный туннель.

– Мы уже голодны...

Они здесь.

Они говорят со мной!

По отсутствию реакции у остальных ребят я понимаю, что они их не слышат.

– Ребята!

Они останавливаются и оборачиваются на меня.

– Пришло время трапезы...

Они смотрят на меня, и сами все понимают.

– Они здесь, – говорю я.

– Ты их слышишь? – ужаснулся Денис.

Еще как!

Порой я чувствую себя сумасшедшей, но постоянно отдаю себе отчет в том, что это не так...

Вероятнее всего, я слышу их из-за того, кто сидит внутри меня...

Я кладу руку на живот.

– Серафима...

За спиной Андриана, во тьме, появились красные глаза.

– Осторожно!

Я кричу, и глаза Леси... озаряются алым блеском...

И я знала, что случится потом...

Это уже происходило дважды.

– Леся!

Клим кричит.

Тело Леси отлетает в левый стеллаж.

Бьется стекло. Банки летят на пол. Формалин растекается по полу.

Лесю словно пригвоздили к стене...

– Леся!

Клим бросается ей на помощь, но вдруг... Леся летит лицом в противоположную стену – снова в стекло.

Осколки...

Битое стекло врезается в ее кожу.

В тело, в руки, в ноги, в лицо...

Леся истекает кровью.

– Что за черт...

Стоит Денису это произнести, как Лесю переворачивает лицом к нам. Она вся в крови... ее лицо источено осколками.

Она плачет.

Леся стонет:

– Помогите...

Раз – она резко падает на пол лицом вниз.

– Леся! – Клим бросается к ней.

Два – она поднимает голову и тянет окровавленную руку к нему.

Клим протягивает ей свою руку...

Три – она катится назад, прямо по полу, словно ее кто-то тащит за ноги.

– помогите мне!

Она кричит.

Леся визжит от страха, а не от боли.

– Не бросайте меня!

Леся!

Андриан и Клиим бросаются в погоню.

Незримая рука тащит Лесю во мрак.

– Леся, держись!

Мы с Денисом не можем оставаться в стороне. Я беру себя в руки и даю ему знак – мы бежим.

Мы гонимся за Климом и Андрианом.

Те бегут за Лесей, которую тащат во мрак.

– Помогите мне! Не оставляйте меня!

Я слышу ее крики.

– Клиим!

Она может умереть...

– Спаси меня!

Леся не может помочь себе – ей владеют демоны. Они владеют ее телом и утаскивают его в свое логово. Там... они съедят ее.

И тело, и грехи, и душу...

– Леся! Я спасу тебя!

Клиим бежит вдогонку за Андрианом. Андриан вырывается вперед – он ближе всех к Лесе.

Израненная осколками, она скользит на животе, отчаянно цепляясь руками и ногтями за плитчатый пол.

Но ничто не помогает ей задержать себя на одном месте.

Незримые демоны безжалостно тащат ее... дальше и дальше...

– Нет! Леся!

Мы бежим.

И вот я вижу... конец коридора!

Высокая черная кирпичная стена... а в ней – белая деревянная дверь.

Дверь...

Выход...

– Леся!

Ее тело поднимается в воздух и летит в стену. Лесю прижало к кирпичам, и она медленно скатывается на пол.

Мы уже близко... совсем рядом!

– Леся, держись!

Андриан ускоряется. Он бежит изо всех сил.

Силы покинули Лесю... она с трудом стоит на ногах, а потом...

Белая дверь открывается сама по себе. Леся делает шаг в сторону. Она идет в проход за дверь...

– Леся!

Андриан кидается следом за ней!

Клим за ним!

И мы с Денисом уже здесь... у самого порога...

Я вижу, как спина Андриана проваливается во тьму, а Клим падает прямо перед нами. Денис хватает его за ноги...

А я обхватываю Дениса со спины.

– Леся...

Замерев, я понимаю, что случилось. Я смотрю за спину Дениса и вижу, как он держит за ноги Клима, который уже висит над пропастью. Клим держит за ноги Андриана, который свисает над обрывом вниз и держит Лесю за руку... а под ней...

Темный туннель.

Внизу – пустота.

За дверью – провал в бездну.

– Держи ее, Андриан! – кричит Клим.

Нам бы вытащить Клима, а ему бы вытащить самого Андриана...

Андриан висит между Климом и Лесей, а Леся... болтается над пропастью.

– Тащи ее! – Клим снова кричит.

Андриан держит Лесю за руку из последних сил.

– Не смейте отпускать! Тянитесь!

Денис тащит Клима назад.

У нас есть шанс вытащить их всех...

Это тяжело.

Денис не справляется.

Он физически не может вытащить троих человек!

– Андриан... не смей отпускать ее... верни... ее мне...

Андриан молчит.

Говорит только Клим.

– Вытащите нас...

Но это невозможно!

Тяжело... слишком тяжело!

Я вижу, как Денис старается вытащить их всех! Но он не может!.. Двое взрослых парней и девушка... двое из троих людей уже висят в воздухе...

– Верни мне Лесю, Андриан... держи ее!

Андриан все еще молчит.

У него нет сил на слова. Он только держит... держит Лесю над пропастью...

– Простите меня...

Звучит голос Леси.

– Прощайте...

И раздаётся оглушительный рев Клима.

Мы с Денисом почувствовали ослабление... Леся упала... она отпустила руку Андриана...

– Нет!

Клим ревет.

Он вопит!

А потом мы слышим плеск воды...

Там, внизу, вода...

– Держитесь!

Денис тянет Клима с новой силой. Клим затаскивает Андриана на поверхность. Получилось!

Мы подходим к краю обрыва и видим Лесю... она все еще там! Ее голова торчит из темной воды...

– Мы спасем тебя! – вырывается у Клима.

А потом...

Леся испускает визг, и ее голова резко уходит под воду, словно кто-то потащил ее на дно.

И раздается душераздирающий стон Клима.

Он уже хочет броситься в темные воды следом за Лесей, но Денис обхватывает его со спины и тащит прочь от обрыва и белой двери. Тот вырывается, машет руками и дергает ногами, но все тщетно.

Мы возвращаемся назад, в туннель. Андриан закрывает белую дверь за своей спиной, которая не привела нас к выходу.

Мы нашли лишь первый тупик в лабиринте...

Леся... пропала...

Клим кричит. Он отчаянно пытается вырваться из хватки Дениса, но в конце бросает все свои попытки сделать это, и его тело расслабляется...

Клим опускается на пол и заливается слезами.

Я смотрю на Дениса, потом на Андриана... я – последняя девушка.

Беременная девушка...

Что же со мной будет?

– Почему...

– Она отпустила мою руку, Клим, – спокойно ответил Андриан, – она сама... сделала этот выбор, чтобы спасти нас с тобой.

– Ты должен был держать ее...

– Клим, ты понимал, что шанса не было. Мы не могли спастись все вместе!

– Шанс был... ты его упустил, Андриан! Ты разжал руку... ты убил ее...

– Клим! Приди в себя! Ты сдурел? Я не мог ее спасти!

– Ты убил... мою Лесю...

Но ярость уже заполонила светлый разум Клима. Было поздно.

Глава 22. Слабое звено

Это случилось за одно мгновение.

Клим срывается с места и бросается на Андриана. Он цепляется руками в широкие плечи соперника и толкает его. Андриан делает лишь два шага назад, а затем... замахивается кулаком. Его рука летит вперед и тут же попадает по носу Клима.

Слышится неприятный хруст.

Я уже вижу брызги крови.

Андриан ударил так сильно, что разбил нос Клима в кровь.

– Ребята... это ни к чему, – успел произнести Денис.

Клим, вытерев ладонью кровь с верхней губы, издал отчаянный вопль и снова набросился на Андриана.

На этот раз он нанес удар не рукой, а ногой, ударив Андриана по коленке.

– Ты совсем слетел с катушек! – рявкнул Андриан, постанывая от боли.

– Клим, хватит! – я крикнула это ему.

Но уже поздно.

Клим летит на Андриана, переполненный яростью и злостью, и бьет его по груди кулаком. Андриан сгибается пополам, но не сдается.

– Ты сам нарвался, ублюдок...

Кулак Андриана ударяет Клима по лицу. Тонкое тело Клима отлетает в сторону, а голова отклоняется в сторону удара. Клима падает на стеклянный стеллаж, и на него сыплются банки.

– Андриан, не делай этого, – жестко произнес Денис.

– Этот кусок говна получит свое!

Андриан сделал рывок в сторону Клима и схватил своего оппонента за воротник куртки.

– Мало тебе, да? Сраный говнюк!

Андриан наносит удар.

– Андриан, нет!

Денис бросается к нему, чтобы остановить, но за это время Андриан успевает нанести очередной удар, превращая лицо Клима в кровавое месиво.

– Ты сдохнешь здесь, сукин сын!

– Ребята, хватит! – кричу я. – Немедленно прекратите! Андриан, оставь его! Он не заслужил этого! Нам нужно выбираться! Вместе!

– Мы уйдем... но сперва эта тряпка получит по заслугам!

Денис обхватывает Андриана со спины и тащит прочь от Клима.

– Отвянь от меня! Не мешайся!

Андриан толкает Дениса локтем в бок. Денис разжимает хватку и отступает назад. Андриан, избавившись от Дениса, возвращается к Климу.

– Еще не понял, что здесь происходит, грязный сопляк?

Андриан пинает Клима в живот.

– Людидохнут! Дайна! Ева! Леся! Никто не виноват в их смерти! Какого черта ты обвиняешь меня, мерзкий подонок?!

Андриан наносит новый удар – бьет ногой по виску. Клима падает на пол и бьется затылком о твердый пол.

– Андриан! Прекрати!

Денис бросается на Андриана сзади, но тот разворачивается и толкает Дениса в грудь двумя руками – Денис падает.

– Денис!

Я хотела побежать ему на помощь, но... стоило мне сделать шаг, как в живот ударила боль.

– Ах!

– Серафима!

Денис смотрит на меня и торопится подняться на ноги.

– Черт...

Я хватаюсь за живот, и он... становится еще больше.

– Проклятье!

– Серафима! Я сейчас!

Денис встает и бежит ко мне. Он держит меня за руки, помогая мне устоять на ногах.

– Он стал больше.

– Вижу!

– Ты как?

– Порядок... нужно просто успокоиться и подышать.

– Да, хорошо. Давай. Дыши.

Я делаю глубокие вдохи и выдохи.

А тем временем... Андриан продолжает свою расправу с Климом.

– Какой же ты жалкий!

Андриан пинает слабое тело Климана, и оно катится по полу в сторону двери, оставляя за собой кровавый след.

– Ничтожество!

Андриан садится на колени перед Климом и замахивается над ним кулаком.

– Трус!

Андриан бьет Климана: в живот, в грудь, в лицо.

– Андриан! – Денис кричит, но не отходит от меня. – Перестань! Отойди от него! Хватит! Слышишь?! Хватит! Уходим!

Но Андриан не слушал. Он уже вошел в некое состояние транса, не переставая наносить удары Климану один за другим.

Я видела, как из-за спины Андриана брызгает кровь Климана...

– О, боги... – выдыхаю я, – что же мы наделали...

– Андриан! Нет!

Но Денис не отходит от меня. Он продолжает держать меня за руку, зная, что мне еще тяжело. Живот сильно увеличился в размерах и потяжелел. Моя спина... болит. Мне все сложнее стоять на ногах. Мне приходится не просто расстегнуть пальто, а снять его и оставить здесь, на полу, в этом коридоре, оставшись в кофте. Только так я ослаблю давление

на живот.

– Ты уверена в этом? – Денис смотрит, как я бросаю верхнюю одежду в сторону.

– Да, так намного лучше.

– Как скажешь.

– Что мы будем делать, Денис? Андриан сейчас убьет его!

Если уже не убил...

– Сдохни, мразь! Сдохни! – орет Андриан, нанося удары снова и снова.

От Клима не остается живого места...

– Денис, – говорю я, – останови Андриана, со мной уже все хорошо.

– Уверена?

– Да, уверена! Иди! Быстро!

Он отпускает меня, бежит к Андриан и резко замирает, услышав скрежет...

Белая дверь в конце коридора, за которым начиналась пропасть в темные воды, открылась...

Андриан перестает бить Клима и отрывает от него взгляд, переводя на дверь.

Мертвецы...

Они выходят из темного прохода и идут на нас!

Целая толпа живых мертвецов...

– О, черт! – вырывается у Дениса.

– Уходим! – кричу я.

Андриан бросает последний взгляд на безжизненное тело

Клима, встает и разворачивается к нам.

– Быстрее! Бежим отсюда!

Мертвецы идут к нам...

Денис и Андриан уже бегут ко мне.

Я смотрю на Клима – ослабленный, избитый, израненный, весь в крови, он лежит на животе и тянет руку в нашу сторону. Я вижу, как он поднимает голову и смотрит на меня... а я ничего не могу сделать!

Это его конец.

И мы оба знаем это.

Его лицо – все в крови, опухшее от ударов. Ни единого живого места. Только серые глаза...

И тонкие длинные красные пальцы.

Он делает последний выдох и распластается на полу.

– Бежим! Серафима! Скорее!

Денис хватает меня за руку.

И мы снова должны бежать.

Звон битого стекла – банки с формалином на полках разбиваются, и из них выползают ожившие уродливые младенцы. Плоды-мутанты сползают с полок и присоединяются к армии нежити.

Они все собираются вокруг тела Клима.

Они окружают его.

Я бегу и постоянно оглядываюсь назад.

Мертвецы и уродливые младенцы окружают Клима, и раздается истошный вопль.

Я вижу, как в воздух поднимаются клочки рваной одежды, а за ней – красные ошметки плоти.

Они... разрывают Клима заживо... смачно чавкают...

Они едят его...

– Проклятье! Какого черта?! – Денис с ужасом взглянул назад. – Серафима, не смотри туда. Надо бежать.

– Это их задержит! Славно! – довольно произнес Андриан.

Крики Клима затихают – слышны лишь звуки поедания плоти. Мертвецы наслаждаются своей трапезой одного из нас.

– Как ты можешь так говорить? – я смотрю на Андриана.

– Клим был слабым звеном. Он это заслужил.

– Чем же? Своей слабостью?

– Выживают сильнейшие.

Сильнейшие...

Значит, он считает свою Дайну недостаточно сильной, раз демоны смогли завладеть ее телом?

Я совсем его не понимаю!

Что за бред он несет?!

Я уже не оглядываюсь назад. Там ничего нет. Только мертвецы...

– Серафима, ты как?

– Давайте скорее оторвемся от них, ладно?

На самом деле мне очень тяжело бежать. Это просто становится невозможным! Живот слишком большой и слиш-

ком тяжелый, чтобы я могла вообще передвигаться!

Я так долго не смогу... не смогу...

Мы добежали до перекрестка.

– Куда теперь? – спрашивает Денис.

Андриан смотрит по сторонам.

– В прошлый раз, мы пришли оттуда, значит, давайте бежать направо...

Но я не могу!

Все! Силы закончились!

– Простите...

Я останавливаюсь и сажусь на пол.

– Серафима! Ты как?

– Простите... я больше не могу так убегать! Слишком тяжело! Этот живот...

– Денис! – Андриан обращается к нему. – Мы должны идти. Мы не можем оставаться здесь – мертвецы скоро будут.

– Ты совсем спятил?! Мы не можем оставить Серафиму!

– Еще как можем! Из-за своего дурацкого положения она долго не протянет! Она будет постоянно тормозить нас!

Сама не верю, что я говорю это:

– Он прав. Денис. Иди с Андрианом. Я пойду сама. Я справлюсь. Я пойду за вами, когда мне станет легче.

Не Клим оказался слабым звеном, а я...

Он мог бежать!

Он мог спастись!

Он не был готов к драке...

Так же не был готов, как Серафима...

А я... я не могу даже бежать, чтобы спасти себя!

– Серафима...

Денис смотрит на меня, как на сумасшедшую.

– Предлагаешь другой выход? Хочешь плестись вместе со мной и умереть? Ты слышал демонов? Они... хотели, чтобы это случилось со мной... быть может, из-за ребенка они не тронут меня...

– Ты, правда, так думаешь, Серафима?

– Не знаю! Я не понимаю, что со мной, но все это чертовски странно и ужасно одновременно! Не по своей же воле я беременна сейчас! Понимаешь? Это часть... их плана...

Слова из прошлого аукаются у меня в голове с новой силой, обретая совершенно новый смысл:

«Я верну Первую Матерь.

Я дам ей Благословенное Семя,

И Дитя родится.»

Это ведь про меня...

– Андриан, ты можешь уходить один, если хочешь. Я не могу оставить Серафиму одну.

– Денис! Не будь дураком! Не будь таким же слабаком, каким был Клим! Хочешь сдохнуть из-за бабы? Ты серьезно? Хочешь сдохнуть из-за какой-то беременной бабы?

Денис рванулся к Андриану и ткнул пальцем тому в грудь, процедив сквозь зубы:

– Не смей так говорить о ней!

Андриан вызывающе посмотрел на него в ответ.

– Убери от меня свои руки!

Андриан отмахивается от руки Дениса.

– Не хочешь жить дальше – твоя воля, оставайся с ней!

Подышайте вместе! Из вас получится отличная парочка! А я... я подыхать не хочу! Я пойду дальше и найду выход, потому что у меня есть сила! И воля к жизни!

Денис не ответил Андриану. Он сделал другое – он сел рядом со мной и обнял меня за спину.

– Ты серьезно?

Андриан тупо смотрит на него.

– Да, Андриан. Иди! Проваливай, раз так хочется! Ступай!

Он смотрит на нас и молчит. Он не может поверить в то, что Денис решился на это. А я... я не стала останавливать Дениса – это его выбор.

Потом Андриан плюет себе под ноги и бросает в нас:

– Долбанутые психи!

Он уже хочет уйти и оставить нас одних встречать смерть, но вдруг... раздается оглушительный шум битого стекла.

– Что это? – ахнул Денис.

Очень громко... очень жутко... очень много...

Где-то совсем рядом все стекло на стеллажах бьется, бьется, бьется...

– Что происходит? – Андриан оглядывается по сторонам.

И вот мы видим, как один из массивных стеллажей от-

клоняется в сторону и... падает на другой. Стекло бьется. Все летит вниз. Один за другим стеклянные стеллажи падают друг на друга.

– Вот черт...

Денис помогает мне подняться на ноги.

Если этот погром дойдет до нас, то нам придется бежать, чтобы не умереть под завалами!

– Какого хрена?

Никто из нас ничего не понимает.

Нас осталось трое... я, Денис и Андриан. Я вспомнила предположение о том, что виновником всех событий может оказаться один из нас.

Если это не я, то кто-то из них.

Остальных ребят просто не осталось!

Они все мертвы!

Только я... и эти двое!

Кому я могу доверять?

С кем я могу убежать?

Может... стоит уйти с Андрианом?

Могу ли я верить Денису сейчас?..

Или я не могу доверять им обоим?..

– Вот черт!

Биение стекла затихает.

Несколько стеллажей в стороне от нас упали друг на друга и остались стоять в неустойчивом положении. Все, что могло упасть под наклоном – уже упало и разбилось.

Повисла звенящая тишина.

– Что могло вызвать такой погром? – озадачился Денис.

Что-то очень большое... и очень сильное...

Я услышала шипение... жуткое шипение, словно где-то рядом рой тысячи змей.

– Ребята...

Мы озираемся по сторонам в поисках источника неприятного звука.

Я поднимаю голову и вижу это там, наверху. Оно сидит на вершине стеллажа прямо перед нами и начинает ползти вниз...

– Оно там!

Я указываю пальцем наверх.

Андриан и Денис запрокидывают головы и видят... это...

Жуткая тварь... она напоминала огромную многоножку.

Вот только у нее не лапы насекомого, а руки... тонкие руки из плоти и крови. Человеческие руки! Длинные, тонкие, многие разной длины. Вытянутые паучьи пальцы с белыми заостренными ногтями. По десять с одной стороны и десять с другой – руки росли от жуткого комка плоти, представляющего собой месиво из кожи, костей, позвоночника, сосудов и нервов. От этого «тела» на тонкой шее держалась голова. Вполне человеческого объема. Из головы спускались длинные редкие светлые волосы. Их длина могла достигать почти трех метров!

Многорукое уродливое существо замерло, остановив

спуск со стеллажа. Две руки с длинными костлявыми пальцами раздвинули водопад седых волос, и мы увидели... лицо...

Уродливое, искаженное тьмой и кровью, с проступающими на лбу черными венами, разрезанным носом, горящими алыми глазами, впалыми тонкими щеками, отвисшей беззубой челюстью...

Это лицо очень сильно напоминало... некогда изящное смазливое личико... Дайны.

Глава 23. Порождение Греха

– Узнали меня?

Ее голос...

Он напоминал писклявый оглушительный шепот, разносящийся со всех сторон и отбивающийся эхом от стеклянных туннелей.

– Андрианчик!

Монстр полз вниз.

– Хочешь поцеловать меня?

Андриан оторопел от увиденного.

Существо издавало звуки, которые мы все слышали, но ее раскрытый рот при этом совсем не двигался! Нижняя челюсть тяжело отвисала вниз.

– Дайна... что они с тобой сделали?..

– Не они... я сама сделала этот выбор...

– Почему?

– Ты такой... вкусный! Беги – не беги, а я тебя съем, мой сладкий Андрианчик!

И вдруг... гадкая в тварь, в которую демоны превратили Дайну, срывается с места и летит в сторону Андриана.

– Андриан!

Денис бросается к нему, обхватывает рукам и сбивает с ног. Оба летят вперед и падают на пол.

Дайна перепрыгнула на другой стеллаж – тот, что у меня

за спиной. Я оборачиваюсь: она смотрит на меня алыми глазами.

– У тебя будет ребеночек, – сказала она, – их ребеночек...

– Что? – спрашиваю я. – О чем ты говоришь?

– Сохрани его для них... иначе, тебе же самой будет худо...

– Я не понимаю! Откуда у меня этот ребенок? Ответить мне!

– Скоро... очень скоро ты все сама узнаешь! Оу... это будет такой поворот событий!..

– Проклятье! Дайна! Отвечай!

– Я не должна говорить. Я не за этим сюда пришла. Я хочу... есть... как же я голодна... вы бы знали...

Ее нижняя челюсть отвисает вниз. Рот растягивается до невероятной длины. Наружу появляются длинный черный раздвоенный язык, с которого стекают потоки черных жидких зловонных масс.

Гадкая жидкость, напоминающая нефть, течет изо рта дайны, скатывается с языка и льется на пол.

– Черт!

Я отошла назад, чтобы мерзкая жидкость не испачкала меня.

– Серафима! Уходи от нее! – бросил мне Денис.

Дайна резко поворачивает голову в их сторону: Денис и Андриан поднялись на ноги и пришли в себя.

– Глупцы... сладкие глупцы... Андрианчик! Я тебя съем!

Андриан хватает с полки банку с формалином и замахи-вается ею, словно снарядом.

– Не дожدهшься, тварь! Ты уже не моя Дайна! Ты – совсем другое!

– О, нет!.. Это все еще я, в своей новой... форме! Тебе нравится? Ты все еще хочешь меня? Ах! В том подвале было так тесно...

Андриан не слушает ее. Он бросает банку с формалином в Дайну, но та отпрыгивает сторону и перемещается на противоположный стеллаж. Банка летит в стеклянную колонную и разбивается. Осколки летят во все стороны – я отворачиваюсь и прикрываю голову руками.

– Поиграем, Андрианчик? Ты не попал! Теперь... мой черед!

Я вижу, как изо рта монстра вырывается поток черных масс. Сгусток чернил летит в Андриана и Дениса. Двое парней разбегаются в разные стороны, и гнилая темная мокрота Дайны ударяет в пол, растекаясь в лужу.

– Вот незадача! – раздался досадливый тон демонической сущности.

Я подхожу к стеллажу, беру в руку увесистую банку с формалином – в нем плавают головной мозг, в извилинах которого копошатся черви.

Какая мерзость!

Смотрю на Дайну – она готовится к прыжку. Она хочет добраться до Андриана, чтобы... съесть его!

Не дождется!

– Андрианчик! Я иду к тебе!

И я бросаю банку.

Я попадаю Дайне прямо в затылок, и слышу, как раздается ее истошный вопль боли.

Ее руки ослабевают, и она падает на пол – слышатся глухой удар и звон стекла – тварь угадила прямо в кучи осколков, оставшихся от разбитых банок.

– Ай! Что ты наделала, мерзавка! Я на твоей стороне!

На моей... стороне...

– Не мешайся! Лучше уйди! Уйди и рожай ребенка!

Ребенок...

Он им нужен.

Я для них не имею никакого значения, важен лишь ребенок. Когда они получают то, что хотят, они избавятся от меня...

Меня разила идея: нож.

Нож?

Нож...

Мой нож остался в кармане пальто, которое я сняла с себя и оставила в том коридоре! Черт!

Я сама лишила себя единственного своего оружия по собственной глупости!

И как я могла забыть про него? Как могла оставить его там?

Но это еще не конец! У меня есть... план «Б».

– Как ты стала такой, Дайна? Что ты сделала с собой?

Нужно отвлечь ее внимание.

Пока я говорю с ней, медленно приближаюсь к горе битого стекла.

– Грехи...

Дайна с трудом поднимается на своих двадцати руках. Из ее треснутого затылка течет черная кровь.

– Они дали их все мне...

– Грехи? – переспросил Денис.

Он заставил Дайну перевести взгляд на себя, чтобы я осталась для нее незамеченной.

– Что это значит? – добавил Денис.

Дайна смотрела то на Дениса, то на Андриана.

А я крадусь к битому стеклу...

– Они поглотили слишком много грехов, слишком много, – продолжила Дайна, – они питаются ими... грех и плоть. Кровь и души. Это пища... пища, которой всегда не хватает. Голод... вечный голод! Я его чувствую... он сводит меня с ума! Как же я хочу есть... я так голодна...

– Не отвлекайся! – жестко бросил Денис. – Ты говоришь, что они наделили тебя грехами, так?

Дайна поправляла волосы, переминалась с рук на руки, крутилась на месте. Ее изуродованное кровавое тело пульсировало. Я видела кишечные петли и сосуды, выющийся позвоночник и другие органы в массивном клубке уродливой плоти.

– Да...

Дайна любезно говорила с нами.

Возможно, в ней еще осталось что-то человеческое. Она не стала полноценным демоном. Голод еще не имеет над ней такой власти, которую имеет над остальными.

– Они могут делиться грехами, которые поглотили. Они могут накапливать их в себе и пожирать их постепенно, а не сразу. Теперь... и я могу делать также. Они отдали мне их. Они накормили меня грехами наших друзей...

– наших друзей? – переспросил Андриан. – Ты про остальных ребят, которые погибли?

– Да... все они: Белла, Влас, Мадлен, Ника, Эмиль, Ева, Леся, Клим... они отдали мне их грехи... и я съела все... без остатка... они подарили мне новую жизнь в новом теле, с новыми приоритетами, с новыми целями и новой жадой...

– Жадой крови и грехов? Этим ты сейчас питаешься? – бросил Денис.

– Да... они отдали все, что у них было, чтобы возродить меня к жизни и сделать меня такой...

– Как это вышло?

– Я... заключила с ними сделку... новую жизнь взамен на новую плату за нее...

– Почему? Почему ты не выбрала смерть, а такую жизнь, Дайна?

Она не отвечала.

Этот вопрос заставил ее задуматься над собственным вы-

ходом.

Денис и Андриан выигрывали для меня время. Я уже почти добралась до горы осколков.

– В смерти нет ничего... вы понимаете? Когда вы умрете – вы окажетесь в их власти. Они покарают вас за ваши грехи. Вы будете страдать. Гореть... вечно гореть... а они будут вас пожирать... снова и снова... ведь у вас так много грехов! И они такие вкусные! Ваши души... станут жителями Ада... еще одной рассадой...

– Рассадой? – нахмурился Денис.

– Да, души грешников – огород. Поле пшеницы. И они всегда... пожинают плоды. Они косят пшеницу. И готовят свой хлеб...

Души грешников...

Люди для демонов – просто еда.

Они выращивают нас, как овощи.

Нет, хуже...

– Вы просто скот...

От ее слов у меня по спине прошла ледяная дрожь.

– Скот, который откормили и... привели на убой...

Это и случилось с нами.

Нас собрали, как скот и привели на убой – лучше не скажешь!

– Какого это?

Дайна обратилась к Денису.

– Какого это осознать, что всю жизнь тебя растили, чтобы

убить и съесть?

Денис молчал.

Я уже дошла...

Гора битого стекла...

Это наш шанс!

Парни, готовьтесь!

– Время трапезы, – сказала Дайна, – я уже так голодна...

Андрианчик, ты будешь первым...

Дайна облизнулась, и из ее рта вырвался массивный поток черной зловонной субстанции.

– Я знаю, каким ты будешь вкусеньким...

Она уже идет к нему!

Дайна не намерена больше говорить с нами.

Она голодна...

– Стой! – кричу я.

Дайна замирает.

– Не трогай их!

– Что?!

Она неуклюже разворачивается ко мне лицом, переминаясь на своих руках-лапах.

– Что ты мне сделаешь...

Она не успела договорить – увиденное заставило ее заткнуться!

Я сжимаю в руках острый осколок стекла и приставляю его к животу.

– Нет! Не смей! – вырвалось у Дайны.

– Им нужен ребенок, так? Я – мать, и я властна над ним, пока он не родился. Им не следовало забывать об этом.

– Не делай глупостей! Ты не посмеешь!

– Посмею, если не уберешься сейчас же и не оставишь нас в покое!

Дайна замерла.

Я поставила ей жесткий ультиматум.

– Да, Дайна, тебе придется утолить свой голод в другом месте. Ты не тронешь меня, не тронешь Дениса и Андриана. Ты просто уйдешь. Иначе вашему ребенку конец!

Я надавила на кожу живота осколком, чтобы быть более убедительной. Это произвело впечатление на Дайну – она вся переполошилась. Она начала размахивать руками и задыхаться.

– Нет! Не вздумай! Не смей этого делать! Я не стану... я не стану есть вас! Только не убивай его! Он должен родиться! Он должен появиться на свет сегодня! Так должно случиться! Ты – его мать! Ты его родишь сегодня!

Мне совсем не хотелось об этом думать.

Держа в руках осколок и прижимая его к своему животу, я задумалась всерьез: может, стоит убить его? Так будет лучше? Он не должен им достаться!

Они так отчаянно его хотят...

А мне он совсем не нужен!

– Не убивай его, – повторяла Дайна, – прошу... я уйду... я все сделаю... я не буду есть вас... только не убивай его,

ладно? Оставь...

Мы так и застыли.

Я с осколком в руках. И Дайна с беспомощным диким взглядом.

Все замерло.

А потом раздался голос Андриана:

– Я спасу твою душу, Дайна!

Мой взгляд устремляется за спину монстра, и я вижу, как Денис и Андриан, дружно сжимая банки с формалином в обеих руках... готовы бросить их.

Дайна топчется на месте... она хочет развернуться к ним...

Но все четыре банки уже взлетели в воздух!

Я убегаю в сторону.

Банки с формалином попадают в Дайну – бьют ее по голове, по телу, по рукам...

Сыпется стекло.

Течет формалин.

– Нет! – она ревет. – Что вы наделали?

Я отбегаю прочь!

И вижу... в руках Дениса появляется зажигалка...

Денис и Андриан переглядываются и улыбаются друг другу.

– Зажигай! – звучит голос Андриана.

Все происходило, как во время замедленной съемки: Денис поджигает зажигалку и бросает ее в Дайну. Пока огонек

летит по воздуху, я убегаю как можно дальше от монстра, который вот-вот... обратится в живой горящий факел!

– Серафима!

Я бегу к Денису.

Дайна ревет.

Огонек попадает в формалин...

Струится пламя.

– Серафима!

Живот...

Черт!

Боль.

Снова!

– Да, гори! Сука! Гори!

Андриан ликует.

Огонь вспыхивает.

И тело омерзительного демона окутывает рыжее пламя.

Я слышу демонические вопли адской агонии...

– Серафима!

Боль снова пронзает мой живот, и я падаю на пол.

Денис бросается ко мне.

Вижу: Андриан прыгает и машет руками.

– Гори! Гори! Ясно! Чтобы не погасло! Гори! Гори!

Дайна ревет.

Она сгорает...

Я чувствую запах опаленной плоти.

Ее руки, ее кровавое тело, ее волосы, ее голова – все в

огне. Она падает на пол. Ее кожа обугливается.

Демон обращается в пепел...

– Серафима!

Слышу звон битого стекла.

Мертвецы.

Они идут!

– Гори, мразь! Гори! Сдохни! Да!

Я смотрю на Дайну – алый свет в ее глазницах тухнет. Из ее рта вытекают остатки черной массы.

Она распласталась на полу, как прихлопнутый таракан...

Вверх поднимаются столбы дыма и снопы искр.

Ее тело обратилось в золу...

Дайна... обрела покой.

– Тебе не стоило этого делать.

Голоса. Они говорят. Со мной.

Мой живот... он растет!

Он стал еще больше!

И все смешалось!

– Мертвецы! – голос Андриана. – Здесь мертвецы! Бежим!

И красные глаза во мраке...

Я вижу их... и слышу их голос...

– Ты плохо поступила, угрожая рождению Дитя.

Это был обманный маневр...

Какого черта?!

Я всерьез была готова убить этого сраного ребенка!

– Ты поставила его рождение под угрозу. Это... недостой-

ное поведение...

Мертвецы уже здесь.

Они пришли за нами.

Ходячие трупы и мерзкие уроды из банок. Целая толпа!

Они окружают нас!

Денис бежит ко мне, но... его хватают...

Андриан берет его за руку и тащит прочь от меня!

– Но рождение состоится...

Рождение!

– Ты – Первая Матерь...

В сознании вспыхивает:

«Их плоть и кровь,

Грехи и души – все Ваше.

Я приведу их.

Я верну Первую Матерь.

Я дам ей Благословенное Семя,

И Дитя родится.

А Вы даруете мне свободу

От страданий Ада.»

Денис и Андриан хотят убежать, но мертвецы... повсюду!

Во всех коридорах!

Горит огромный костер – сгорает тело демона-Дайны.

Во мраке туннелей – красные глаза...

Они пришли за нами.

Они пришли за мной.

Они пришли за ребенком.

Хаос. И ничего больше...

Я ощущаю только боль.

Я готова вот-вот родить...

– Подари нам Дитя... и станешь свободна... а потом... мы

призовем тебя вновь...

Вновь?

О чем они?

Бьется стекло. Дайна испускает последних посмертный крик и погибает. Трещит огонь. В воздухе дым, копоть и пепел. Мертвецы повсюду. Они стонут и идут к нам.

Красные глаза во тьме... приближаются.

Они схватили нас...

Бежать больше некуда.

– Серафима!

Денис отрывается от Андриана.

Он бежит ко мне.

Мир мутнеет.

Из глаз текут слезы.

– Ты принадлежишь лишь нам... лишь нам...

Денис рядом...

Он уже близко, но...

– Серафима!

Взрыв новой боли оглушает меня.

И вот я вижу только тьму, исчезая из этого мира.

Глава 24. Мать и Дитя

Поцелуй.

Легкий и влажный... со вкусом крови.

Он пробуждает меня.

Мир в тумане.

Блестят рыжие огоньки.

Все качается и двоится в глазах.

Я вижу лицо...

Знакомое небритое лицо с россыпью прыщей. Светлые волосы с темными висками и блестящие безумием голубые глаза.

– Просыпайтесь...

Его голос манит меня нежным шепотом.

– Просыпайтесь... вот так...

Его рука касается моей щеки, и я чувствую неприятную влагу на лице. Потная ладонь.

– Что...

Это мой голос.

Где это я?

Что со мной случилось?

– Где...

Он улыбается мне, и с уголков его пухлых губ текут красные струйки.

– С возвращением...

Туман рассеивается, и я возвращаюсь в этот мир, когда наконец понимаю – руки... мои руки.... Я не могу пошевелить ими...

– Эта ночь еще не закончилась. Все только... начинается.
Андриан.

Это он...

На потное голое тело накинут халат цвета мокрого асфальта с короткими рукавами. Правая рука Андриана перебинтована до локтя. Бинт уже пропитался багровой кровью. Пояс халата нелепо завязан. Андриан ступает по битому стеклу, разбросанному по черному полу, босыми ступнями. Каждый раз, когда он наклоняется ко мне, я вижу его гениталии, проглядывающиеся через разрез халата.

Я все еще здесь... в дурацком лабиринте!

Мои руки... они привязаны к стеклянной колонне!

Меня приковали.

Черт!

– Андриан...

Этот мир сошел с ума окончательно?

Я оглядываюсь: на мне – белая ночнушка. И больше ничего! Я даже не чувствую нижнего белья на себе! Я сижу на холодном полу, а мои руки завязаны за спиной и прикованы к колонне.

Это перекресток.

Очередной перекресток лабиринта со стеклянными стеллажами, заставленными банками с формалином.

На полу вокруг рассыпано битое стекло. В куче лежат пустые бутылки из-под спиртных напитков. В стороне я заметила странный черный мешок, перевязанный бечевкой. Повсюду расставлены зажженные свечи. И в центре всего этого, в центре перекрестка – кровавые пентаграммы...

Красная звезда, обрамленная в круг. На концах звезды – странные символы, на которых стоят свечи. В стороне от круга со звездой – кровавые перевернутые распятия.

Где-то я это видела раньше...

Но не могу вспомнить где и когда!

Черт!

Что это такое?

Мой живот... он слишком большой!

О, боже! Какой же он большой! Я вот-вот рожу...

Все это я успеваю оценить за пару секунд и возвращаю свой взгляд на Андриана. Теперь я понимаю, почему его рука забинтована. Он резал себя битым стеклом... и рисовал эти знаки... своей кровью...

– Ах!

Он подбегает ко мне и обнимает лицо руками.

– Тише-тише... не надо бояться. Все опасности уже позади. Все самое худшее – позади. Все хорошо. Видите? Я не причиню вам вреда.

Почему он говорит со мной на «вы»?!

Я пытаюсь вырвать руки из привязи, но все тщетно. Они слишком сильно привязаны. Я ничего не могу сделать. Я мо-

гу лишь сидеть здесь... и наблюдать за происходящим...

– Вот так, уже лучше... успокойтесь...

Я набираю воздух в легкие и выдаю:

– Андриан! Какого черта здесь происходит?!

И до меня доходит: это все он.

Он во всем виноват...

«Их плоть и кровь,

Грехи и души – все Ваше.

Я приведу их.

Я верну Первую Матерь.

Я дам ей Благословенное Семя,

И Дитя родится.

А Вы даруете мне свободу

От страданий Ада.»

Он привел их сюда!

Он призвал демонов!

Он сделал из меня Первую Матерь!

Я вот-вот рожу Дитя!

Это он заключил сделку с демонами! Это все – он!

Андриан! Я должна была догадаться... должна была остановить его, когда был шанс...

Серафима не справилась...

И я... тоже.

– Ты стоишь за всем этим, да? Это твоя идея? Что ты наделал, Андриан?

Он готовил все для этого ритуала... убивал ребят, строил

козни, был заодно с демонами... и с дьяволом!

– Ох, все не так просто! Нет-нет!

Андриан расхаживал вокруг кровавой пентаграммы, ступая на битое стекло. Из его ног сочилась кровь. А он продолжал ходить кругами и стрелять в меня обезумевшим взглядом.

Он совсем спятил!

Я вижу в нем это!

Он даже не моргает! Его зрачки дико расширены!

– Что ты имеешь в виду?

Я все еще чего-то не понимаю... все еще! Черт!

– Я всего лишь выполняю приказы...

– Приказы? Чьи?

Андриан ответил мне ехидной улыбкой. Я увидела его окровавленные зубы.

Эта жуткая улыбка... лучше бы я глаза закрыла!

Теперь передо мной будет постоянно стоять это мерзкое безумное лицо!

– Давайте я вам все объясню? Я расскажу вам, что случилось, и тогда все события минувшего дня выстроятся для вас в тонкий узор, словно кружева. Все станет ясно, как день. День... который уже не наступит.

Это конец.

Я не доживу до рассвета...

Только сейчас я это поняла.

– Я привел компанию друзей в анатомичку, как и было

условлено. Все шло по четкому плану... первое время. Для начала нужно призвать демонов. Тот, кто все это задумал, заключил с ними сделку.

– Сделку?

– Да... кровь, плоть, грехи и души людей... а также рождение Дитя взамен... на свободу...

Свободу?

«А Вы даруете мне свободу

От страданий Ада.»

– От Ада?

– Да... вы правы! Он просил демонов о том, чтобы те избавили его от страданий в Аду после смерти. Хорошая сделка, не так ли? Вот только выполнить все условия... очень непросто!

Кто же это?

Кто?

Кто заключил сделку и обрек всех на смерть?

– Сначала демонов призвали. Пентаграммы и текст сделки начертаны на стенах в туалете. Затем демоны наслали иллюзию на стены и спрятали кровавые надписи.

Кровавые надписи... Серафима!

Она нашла их!

Вот, почему я помню эти рисунки!

Серафима обнаружила текст сделки с демонами, а потом...

– Дальше задача усложнилась. По условиям сделки, жерт-

вы приведены в дом демонов. Они приведены на пир. Грешные люди. Злые люди. Они много грешили, а потому... демонам было очень вкусно. Эта часть сделки выполнена безупречно, а вот с рождением Дитя пришлось повозиться...

Проклятье!

Дайна была права: нас привели на убой, как скот!

Сначала призвали демонов, потом привели «деликатес», которым демоны свободно наслаждались время от времени, убивая и сжирая нас по одиночке!

А Мать...

– Лишь Первая Мать может родить Дитя дьявола...

Первая Мать...

Я...

– Чтобы вы исполнили свой долг перед Владыкой, вам нужно было новое тело...

Тело...

– Сначала решили использовать тело той, чей разум был сильно замутнен алкоголем.

Ника...

– Ника много выпила. Она не отдавала отчет своим действиям. Полагалось, что ее поврежденный разум с легкостью и беспрепятственно примет ваш дух...

Мой... дух...

– Но ничего не вышло. Такая досада! Искалеченный алкоголем разум Ники отчаянно не хотел принимать вас в свои чертоги. Начался процесс отторжения. Именно тогда было

принято новое решение: использовать более трезвое и сильное тело для последующей... реинкарнации...

Реинкарнации?!

Черт!

Значит, я...

– Серафима. Она подвернулась весьма удачно. Она оказалась не в том месте и не в то время... для нее. Мы же этим воспользовались. Ее тело стало вашим, Первая Мать. Мы переместили ваш дух в ее тело, и она умерла. А потом... оставалось избавиться от тела Ники, которое после отторжения стало вести себя... не лучшим образом.

Боже...

О чем это он?

– Повторная реинкарнация прошла успешно. Дух Серафимы... плавает в формалине...

– Дух... ее дух... не тело?

– Нет! Дух Серафимы там... а вы... вы в ее теле, Первая Мать.

– А что с духом Ники?

Простой ответ:

– Съели.

И добавляет:

– За ненадобностью.

Мир рушится.

Все для меня обретает жуткий смысл.

Ника – первая жертва неуспешной реинкарнации. Из-за

помутненного рассудка она не смогла принять дух Первой Матери, мой дух, и тогда меня переместили в тело Серафимы...

Ника было уже никому не нужна.

– Первая Матерь перерождается. Она обретает новое тело каждый раз из цикла в цикл. И начинает свой жизненный путь заново. Снова и снова... чтобы выполнить свое истинное предназначение.

– Дитя...

– Рождение Дитя – священный демонический акт. Дети дьявола... рожденные вашим духом!

Ответ на мой вопрос: «Кто я?» – становится очевидным.

Я – Первая Матерь.

Я есть ее дух в чужом теле.

– К сожалению, вы забываете о своих прошлых жизнях, путешествуя из тела в тело. Это... побочный эффект реинкарнации. Именно ваша забывчивость каждый раз усложняет задачу. Вы пытаетесь сопротивляться. Вы сражаетесь. Вы противитесь тому, что нельзя победить...

Нельзя победить?

– Судьбе...

– Ах...

– Судьба, которая предначертана вам с начала времен и начала начал. Рожать... рожать для Владыки... рожать Детей дьявола... вот ваше истинное предназначение! Вот, для чего вы каждый раз рождаетесь заново!

Я не могла в это поверь!

Нет!

Это... бред сумасшедшего!

Просто бред...

– Когда ваш дух, дух Первой Матери, был помещен в тело Серафимы, дьявол дал вам свое Благословенное Семя и стер память о Священном Акте.

Дьявол...

Его Благословенное Семя...

Священный Акт...

– И с тех пор вы вынашиваете его Дитя... Дитя Владыки...

Нет!

Я чувствую на глазах своих слезы.

А Андриан радостно улыбается мне.

Он абсолютно уверен в том, что говорит!

– Цикл... он повторяется снова и снова. И я – лишь мелкое звено в большой цепи, помогающее постоянному перерождению Первой Матери. Новое тело. Новая история. Новое Дитя. И новым звеном в вашем перерождении стала Серафима, выбранная... почти случайно после неудачной первой попытки. Такова... судьба...

Судьба...

Черт!

Нет!

Этого не может быть!

Это просто безумие!

– Теперь вы все осознали?

Пир грехов... рождение Дитя...

Все это – один большой праздник.

Праздник рождения Дитя дьявола!

Андреас подходит к большому черному мешку и притаскивает его к моим ногам.

– Что там? – спросила я.

– Кое-что...

Андреас дергает за конец бечевки, и мешок развязывается. Он опрокидывает его на пол и...

Из мешка выкатываются головы...

Отрубленные головы со знакомыми лицами!

– О, нет!

Я закрываю глаза, не в силах смотреть на это!

– Смотрите, Первая Мать, смотрите...

Я вынуждена открыть глаза...

Их лица... лица на отрубленных головах!

Ника... Эмиль... Белла... Мадлен...

– Другие не удалось сохранить. Плоть Власа съели без остатка. Леся поглощена темными водами. Ева утонула во мраке. Дайна... вы сами видели, что с ней случилось. Представление с Эмилем устроили демоны, как ответный знак символам Спасителя. Беллу нашли на улице после того, как она сбежала. Это случилось в момент расправы над Мадлен. Мадлен... ее нашли даже раньше, чем Беллу.

– Нет!..

Я кричу.

Из меня вырывается стон.

Они погибли...

Все до единого!

Их всех... съели!

Демоны...

Они стали праздничными блюдами на столе, яствами, по случаю рождения Дитя!

А я... я – мать этого Дитя!

Я вынашиваю его внутри...

И даже не могу его убить!

– Кто...

Я беру себя в руки и глотаю соленый комок.

– Кто это сделал?

Анриан нахально улыбается мне в ответ.

– Отвечай!

Денис...

– Где Денис?!

Анриан улыбается еще шире.

– Это Денис! Он с тобой за одно! Вы же лучшие друзья!

Черт! Денис позвал Серафиму сюда... Это все он! Денис!

Покажись! Я знаю, что это ты! Черт! Выходи, жалкий ублюдок! Выходи, сволочь! Покажись! Покажись, Денис!

Анриана пробирает на смех.

Он хватает за живот и заражается диким сатанинским хохотом.

По подбородку текут красные струйки... из глаз выплескиваются слезы...

Он сгибается пополам и продолжает смеяться.

– Почему ты смеешься? Черт! Хватит! Прекрати! Где Денис?

Но стоит мне произнести имя «Денис», как вдруг Андриан начинает смеяться еще сильнее.

Ничего не понимаю...

Что-то здесь не так...

Почему мне кажется, что я... ошибаюсь?!

– Ох... вы такая смешная, Первая Матерь!

Андриан вытирает слезы с лица, проводит пятерней по волосам и убирает от меня прочь отрубленные головы.

– Так и быть.

В голову ударяет холод.

Я ощущаю на лбу капли выступившего пота.

– Я познакомлю вас с тем, кто заключил сделку. Сейчас вы встретитесь с ним... лицом к лицу.

Андриан уходит в сторону и замирает, направляя взгляд во мрак коридора напротив меня.

Он уже ничего не говорит.

Мир погружается в мертвую тишину.

И тут я слышу...

Мелкие шаркающие шаги...

Ступающие тихо-тихо...

Лишь слабое эхо раздается от них.

На свет... появляется Денис...

Но только он появляется совсем не в том виде, в котором я ожидала его увидеть.

Он ползет на руках и коленях, полностью обнаженный. Вокруг его шеи обвита бечевка, конец которой утопает в темноте. Его глаза горят безумием, как у Андриана. А его язык высунут наружу... он дышит так же часто, как собака.

Пес...

Послушный пес...

Вот, кем всегда был Денис...

В прошлый раз я видела часть этого голого тела, когда застучала его в кабинете с Мадлен. А теперь... его формы и вид гениталий не вызывают у меня ничего, кроме омерзения.

Он ничего не говорит, он ползет ко мне и продолжает часто дышать, как собака.

– Денис...

А потом...

Ее голос:

– Добрый вечер...

И в голове моей прорывается странное и непонятное воспоминание: «Я диспетчер!».

– Ах!

Ева.

Она выходит из тьмы. Живая. Целая и невредимая.

Одетая в свою красную куртку, расстегнутую на всю длину.

– Этого не может быть! – вырывается у меня. – Ты же погибла! Я сама видела, как тебя задушили!

Ева смеется, хватается за шею, имитирует удушье и театрально выкрикивает:

– Я задыхаюсь! Нет! Нет! Помогите! Спасите! Они утащат меня! А-а!

И затем:

– Крыч!

Этот звук имитирует перелом позвоночника.

Она опускает голову на грудь и ослабляет руки.

– Вы про это?

Она поднимает взгляд на меня и смеется.

Игра...

Это все – игра...

Подстава...

– Я ожидала от вас большей смекалки. Впрочем, это уже неважно. Рада видеть вас снова, Первая Мать.

Ева...

Это все она.

– Вас не смутило, что призыв демонов был осуществлен в женском туалете? Должна признать, передо мной стояла непростая задача. Сперва надо призвать этих демонов и заключить с ними сделку, потом договориться с Андрианом и Денисом, чтобы они пригласили людей на вечеринку в анатомичку. Дальше – самое сложное. Андриан уже рассказал, что тело Ники не сгодилось для принятия вашего духа? Я не

смогла этого предвидеть и облажалась, но потом быстро исправила свою ошибку и использовала тело Серафимы в качестве вашего сосуда. Благословенное Семя дано. Дитя вот-вот родится, а я... раз и навсегда избавлюсь от страшных казней Ада. Для меня будет приготовлен... отдельный престижный зал, как для человека, который помог появиться Дите Владыки на свет...

Все кончено.

Она победила.

Она – слуга дьявола.

Она – сатанистка.

А я...

– Вы еще не все поняли? Тогда я вам объясню. Андриан не просто так рассказал историю ребенка Розмари. Можно сказать, мы повторяем эту сказку в реальной жизни. А я... не просто так поведала о вере древних греков в рок. Это судьба, Первая Мать. Судьба – то, чему суждено свершиться и что невозможно отменить. Каждый ваш шаг против своей судьбы ничтожен. Все предрешиено с самого начала. И ничего... нельзя изменить...

Все предрешиено...

Я не могла ничего исправить с самого начала!

Я не могла никого спасти!

– Не догадываетесь, где мы?

Ева любопытно осматривает просторы лабиринта.

Я молчу.

– Это Ад, Первая Матерь. Демоны перенесли нас к себе домой. Этот лабиринт – один из Священных Залов. Мертвецы, бродящие в этих бесконечных туннелях – потерянные души, скитающиеся в поисках пропитания живой плотью. Это место было выбрано для рождения нового Дитя.

Ад не где-то далеко от меня. Он не за чертой смерти.

Я уже в Аду...

– А вы представляли Ад как-то иначе? Костры, сковородки с маслом, потоки лавы? Нет-нет-нет... все куда более... ужаснее... Ад – это судьба, от которой нельзя убежать...

Ее милое лицо.

Ее тоненький голос.

Все это... оставалось при ней.

Это не меняло главного: того, кем она была по своей сути...

Той, кто поклоняется демонам, кто исполняет их волю во имя своих целей. Из страха... перед наказанием за грехи.

– Денис...

Я смотрю на него.

– Почему?..

Он довольно облизнулся и взглянул на госпожу.

– Как ты его подчинила себе?

– Очень просто! Правильное питание – залог успеха, не так ли?

– И чем ты его кормила?

Ева сунула руку в карман и достала прозрачный пакетик,

наполненный... использованными тампонами.

– Кровью.

Меня сейчас стошнит!

Ева открывает пакетик, достает оттуда тампон, пропитанный кровью, и сует его в рот Денису. Тот с наслаждением прожевывает «лакомство» и глотает.

– Денис...

– Правда, он – милашка?!

Ева звонко смеется.

– Я очень рада, что он позвал Серафиму. Без нее ничего бы не вышло. На самом деле он пригласил ее, чтобы она стала частью пиршества. Демоны славно полакомились грешниками. Но, видите, все случилось совсем иначе. Ее роль стала более важной, чем я сама полагала.

А потом... она смотрит на Андриана.

– Прежде, чем Дитя родится, нужно принести последнюю добровольную жертву. Андриан. Ты знаешь, что делать.

Я смотрю на него.

Тот покорно кивает и отвечает:

– Слушаюсь, моя госпожа.

Андриан подходит к Еве, развязывает пояс халата и сбрасывает все одеяния с себя, обнажаясь полностью. Он садится на колени и просит руки Евы.

Она протягивает ему свою ладонь.

Андриан целует тыльную сторону ладони Евы, оставляя на ней кровавый след с губ.

Стоя на коленях, он встречается взглядом с Денисом. Они подползают друг к другу и скрепляют свои губы в кровавом поцелуе. Мне показалось... или Денис передал Андриану в рот часть крови, которую высосал из тампона Евы?

Прервав поцелуй, Андриан встает и возвращается к горе пустых бутылок. Он берет одну за горлышко, ложится на пол на спину и... одним резким движением разбивает бутылку о пол. На ней остаются битые острые края.

Андриан выдыхает и говорит:

– Владыка... я иду к вам...

А потом...

Он замахивается рукой с бутылкой над головой и... опускает ее осколками вниз на лицо.

Я зажмуриваюсь.

Черт!

Что происходит?

Ай!

Живот...

Как же болит!

Я кричу!

Андриан улыбается... из его лица торчат битые стекла... он замахивается бутылкой снова и... бьет себя по лицу вновь!

И когда он ударяет – мой живот сжимается от боли.

– Начинается, – голос Евы.

Денис ползет ко мне. Ева идет за ним следом.

Схватки...

Началось...

Сквозь собственный крик боли я слышу смех Андриана.

И раздаются мерзкие звуки, когда битая бутылка врезается в его лицо. Андриан смеется громче. Он продолжает бить себя по лицу, разбивая его в кровь.

Он все еще жив...

И с каждым новым ударом, который он наносит себе, моя боль усиливается.

Новая волна!

Новый удар!

Андриан смеется громче...

Его удары становятся чаще... и сильнее...

И мне больнее!

Ева опускается передо мной на колени и раздвигает мне ноги.

Я слышу ее шепот:

– Дитя... на подходе...

И весь мир сходит с ума!

Я кричу от боли, я рожаю, я бьюсь затылком о стеклянную колонну, я слышу смех Андриана и хлопанье крови.

Андриан окончательно разбил свое лицо бутылкой в кровавое месиво...

Его удары становятся реже... но не менее болезненными!

– Дышите, Первая Мать, дышите...

Руки Дениса тянутся к моему лицу.

Убери их прочь! Убирайся! Черт!

– Все хорошо, Первая Матерь, все получается... давай-те... еще чуть-чуть...

Смех Андриана уже не слышен.

Раздается последний удар, а за ним – звон битого стекла. бутылка разбивается.

Он мертв.

А я...

– Еще! Еще! Первая Матерь, тужьтесь! Давайте! Еще!

Я не хочу, чтобы оно рождалось!

Я хочу, чтобы оно задохнулось!

Я хочу, чтобы оно подохло!

Пусть оно сдохнет! Сдохнет! Сдохнет!

Нет... только не так!

Оно не должно родиться!

Умри же! Умри наконец!

– Он идет... он идет в этот мир...

Денис целует меня в лоб.

Ева задирает белое ночное платье и сильнее раздвигает мне ноги.

– Нет! – ору я. – Сдохни! Во имя Господа! Во имя Иисуса! Сдохни! Умоляю!

– Заткнись!

Денис зажимает мне рот, чтобы я не могла говорить.

Я дышу только через нос...

Лучше я умру, но утащу это чудовище за собой!

Оно не должно... не должно родиться...

– Он здесь!

И я слышу детский плач.

Боль покидает мое тело.

Но не разум.

– Нет!

Из меня вырывается истошный вопль.

Я дергаю ногами.

Я кричу, я реву...

– Нет! Нет! Нет! Не может быть! Только не это!

Я смотрю на мир сквозь пелену слез и вижу Еву. Она поднимается и держит на руках кровавый темный комочек...

Комочек шевелится. У него есть маленькие ножки и ручки.

– Оно должно умереть! Нет! Оно должно сдохнуть!

Я опускаю свой взгляд...

Я истекаю кровью...

Багровая лужа растекается под моими ногами. В крови лежат плацента и обрезанная пуповина...

Денис облизывает мое лицо... и возвращается к своей госпоже.

Ева качает младенца на руках и довольно поглядывает на меня.

В темном коридоре появляются мириады алых глаз...

– Свершилось... сделка исполнена... я смогла... он так прекрасен...

Они уходят...

Перелезая через труп Андриана, Денис плетется за Евой.

Она стоит ко мне боком, качает Дитя на руках и говорит:

– Увидимся в следующей вашей жизни. А сейчас спите

спокойно, Первая Матерь... до вашей новой реинкарнации.

Благодарственное слово

В первую очередь я хочу поблагодарить Магомедову Сакину Алиевну за то, что она согласилась стать моим редактором и выступить в роли бетта-ридера. Спасибо тебе за то, что отправилась со мной в это мрачное, жуткое и кровавое путешествие. Вместе мы старались сделать эту историю комфортной для прочтения. Надеюсь, у нас все получилось. Спасибо тебе большое за конструктивную критику и бесконечную поддержку. Это очень ценно для меня.

Спасибо песне Flëur «Формалин». Именно с нее все началось. Образы, показанные в этой песне, натолкнули меня на первую идею – зерно, с которого начало расти дерево этой истории.

Особую благодарность я выражаю Медицинской Академии, в которой я учусь. Спасибо за незабываемые семинары по анатомии и время, проведенное на кафедре, стены которой послужили прототипом «анатомички» для этой книги.

Конечно же, я хочу поблагодарить Стивена Кинга, Уильяма Питера Блэтти, Альфреда Хичкока, Дэвида Брукнера, Джеймса Вана, Кристофера Ганса, Ари Астера за то, что научили меня пугаться и пугать.

Instagram автора – [ilyaermakov_writer](https://www.instagram.com/ilyaermakov_writer)